

Почти в самом центре города стоит замок, над укреплёнными которого возвышаются двух или трех-этажные четырёхугольные башни, на некотором расстоянии одна от другой. В смутные времена замок служил оплотом микадо, теперь же он занят главной квартирой гарнизона тайкуна.

Число высших сановников, различных чиновников и служащих в резиденциях императора и его многочисленного семейства, должно считаться тысячами. Точную цифру узнать невозможно, потому что двор, по особой привилегии, не включается в ежегодную перепись.

Японское правительство постоянно и тщательно занималось народной статистикой. В священном городе империи статистика обратилась в исключительно духовную и официально причисляет каждое лицо к той или другой секте, смотря по тому, к которой оно объявит себя принадлежащим. Кемпфер говорит, что в его время, в 1693 году, постоянное население Киото, за исключением двора, составляло 52, 169 душ духовного и 477,557 светского звания, но те и другие подразделялись на двадцать сект, признаваемых законом, из которых самая многочисленная насчитывала 159,113 адептов, самая малочисленная (ничто в роде братского ордена у буддистов)—только 288.

Не следует думать, что громадное развитие церковной жизни в столице Японии делает пребывание в ней скучным или кладезь суровый впечатлений на общественные нравы. Выходит совсем противное. Картины и рассказы, дошедшие из Киото, во времена его процветания, дают понятие о какой-то безконечной маслянице.

Представим себе, что приближаемся к священному городу во время солнечного заката. Еще издали слух ваш начинается наслаждаться концертом инструментов, как будто возвышающихся соседство обширной армарии. Повсюду, на холмах, занятых священными рощами, храмами и монастырями, бои и монахи отправляют вечернюю молитву, сопровождая ее звуками больших барабанов, тамбуринов, медных гонгов и бронзовых колоколов. Предметы освещены бумажными фонарями ярких цветов, всевозможных размеров. Самые гигантские имеют цилиндрическую форму и сверткают между колоннами главного портика храмов; самые маленькие, похожие на глобус, привешены над дверями гостиниц и над галереями публичных домов; священники здания и греховные заведения одинаково участвуют в этой иллюминации в таком значительном числе и так близко касаются друг друга, что квартал получает вид какой-то сцены венецианского праздника. В центре города густая толпа зрителей обоего пола толпается перед разложенными в лавках товарами, на тротуарах длинных улиц, которая вытягивается с юга на север, вплоть до окрестностей даири. Священников множество. Последователи культа ками носят маленькую картонную шапочку, лакированную черной краской, с таким же гребнем наверху, поперек которого продёт тонкий быйл крестик. В вид добавления присоединяется сзади шапки туго накрашенная лента, спускающаяся на шею, твердая и упругая как ресурс. Это древний национальный городской убор не составляет исключительной принадлежности духовных лиц, но встречается во всех девятнадцати официально признанных классах населения Киото, которые и носят его с большими или меньшими перемёнами, смотря по тому, как предписано в постановлениях о роскоши. Широкая сира (родь ясы), пыльная панталона и длинная кривая сабля, привешанная, кажется только для виду, дополняют городской костюм священнослужителей ками.

Все члены буддистского духовенства, как монашествующие, так и светские, ходят с выбритой, непокрытой головой, за исключением лишь немногих орденов, надвигających широкополую шляпу. Сѣрые сутаны преобладают, но встречаются и черные, коричневые, желтые, красные, иногда с поясом, нагрудником или стихарем. В Киото есть также и святые отшельники, бегавшие от мирской суеты в столицу. Благородные сограждане обращают их кельи в маленькие хлебные закрома. Есть одна и самая таинственная: она высечена в высокой стене утеса, а кто и как живет там,—остается покрыто мраком неизвѣстности. Впрочем, замусовато устроенный по верху пруда, отдѣляющего скалу от дороги, блок, аккуратно опускает и поднимает корзинку для провизии.

Нищенство, эксплуатируемое как священная профессия, является во всякое время и во всех улицах города. Здесь сборщики подаяний, нищенствующие монахи стучат о мостовую посохом с металлическим кольцом; далее—звонят в колокольчик или бьют молотком по медной дощечке, привешенной к поясу. Одни говорят рѣчи, показывая мощи, другие пресѣдуют прохожих монопольными молитвами.

Фокусники, акробаты, комедианты вызывают на перекрестках, в свою очередь, къ вниманію публики, посредствомъ оглушительной музыки изъ дудокъ и тамбуриновъ. Изъ чайныхъ домовъ несутся звуки гитаръ и веселые голоса. Театры и кварталы, назначенные специально для публичнаго увеселенія, остаются открытыми на цѣлую ночь. Молодые дворяне ст. олицы назначаютъ себѣ здѣсь свиданія, чтобы окончить съ завтрашня зарей день, проведенный въ придворномъ низкопоклонствѣ или растроченный въ манежѣ, на лошадиныхъ бѣгахъ, въ садахъ, гдѣ устроены тиръ изъ лука, на игру въ мячъ или въ чайныхъ домахъ предмѣстья.

Кромѣ народнаго театра, на которомъ даются буржуазныя комедіи и волшебныя оперы, существуетъ еще придворный театръ,—самая странная и непонятная сторона японской жизни. Тутъ все условно: роли, костюмы, декорации, подобно блаженной памяти классической трагедіи при Людовикѣ XIV съ ея «мадамъ» Федрой, Агамемнономъ въ парикѣ и Ахиллесомъ на высокихъ каблукѣхъ. Однако же, подъ условной оболочкой нашихъ трагическихъ героев, мы встрѣчаемъ характеры, съ которыми изученіе эллинической древности породило насъ, и изъ которыхъ поэты создавали типы и олицетворенія той или другой человѣческой страсти. Но кто объяснить намъ происхожденіе и значеніе персонажей на императорской сценѣ въ Кіото? Что, напримѣръ, выражаетъ этотъ старикъ съ бѣлой бородой, съ клювомъ, на которой сидитъ зеленый попугай птица, неведящаясь вовсе на японскомъ архипелагѣ? А этотъ герой, преслѣдующій ядовитую змѣю, пресмыкающуюся также неизвѣстное въ Японіи? Откуда взялись эти шиты, шлемы, мечи, ничуть не напоминающіе своей формой ружія мнѣологическихъ національныхъ полубоговъ или воиновъ имперіи микадо? Напрасно стали бы мы искать чего нибудь схожаго между разнообразнымъ и многочисленнымъ персоналомъ китайскихъ театровъ. Когда костюмъ японскихъ актеровъ начинается пробуждать во мнѣ смутныя напоминанія, я мысленно переношусь въ уайангъ яванскихъ госуда рей, этотъ также таинственный театръ, гдѣ героическія пьесы продолжаются всю ночь, декламируются на языкѣ совершенно никому непонятномъ и важно исполняются съ помощью деревянныхъ марионетокъ. Фантастическая тиара, вѣчающая голову каждой марионетки, если не самой формой, то по крайней мѣрѣ общимъ видомъ вполне соответствуетъ невыразимому головному убору комедиантовъ мивадо. Музыканты театральнаго оркестра, подобно музыкантамъ первосвященнической капеллы, носятъ шапку въ родѣ древняго національнаго шлема, полукруглаго, безъ гребня и съ продолженіемъ, назначеннымъ для защиты затылка. Ихъ главные инструменты—флейтавересъ, флейта Пана, бывшая погнута морская раковина, литавры и гонгъ, называемый какъ-гди-ко. Послѣдній составляетъ кругъ, величину съ половину ширмы, обтянутый выдѣланной кожей, стоящій на толстой ножкѣ и разукрашенный символическими фигурами и пламенемъ, имѣющимъ, по всей вѣроятности, какое нибудь соотношеніе съ поклоненіемъ солнцу. Пяти инструментамъ этия приписываютъ священный характеръ. Въ былыя времена великое божество, освѣщающее міръ, не смогло болѣе выносить зрѣлища постоянного безчеловѣчія людей и скрылось въ пещеры моря. Людямъ удалось выманить его оттуда игрою на флейтахъ, раковинахъ, литаврахъ и гонгахъ: съ изобрѣтеніемъ музыки дьяволъ исчезъ съ лица земли. Музыкальный и драматическій вкусъ японскаго народа нашелъ себѣ самую здоровую и существенную пищу въ національныхъ религиозныхъ празднествахъ.

Относительно догматовъ, культъ ками чрезвычайно умѣренъ. Всѣ они выражаются вѣрованіемъ въ то, что сотворившіе Японію боги продолжаютъ заботиться о созданіи своемъ, и что герои, которымъ имперія обязана своимъ могуществомъ, и обитаютъ въ жилищѣ боговъ, и служатъ ходатаями между ними и своимъ отечествомъ. Отсюда вытекаетъ почитаніе ками. Но чтобы стать уютнымъ этимъ полубогамъ, нужно приближаться къ нимъ совершенно чистымъ, торжественно правдоподобно память ихъ и посѣщать мѣста, прославленные ихъ рожденіемъ или подвигами. Выполненіе несложныхъ обрядовъ этихъ, не встрѣчало никакого серьезнаго затрудненія. Нѣсколько нравственныхъ правилъ, выраженныхъ въ двухъ, трехъ изреченіяхъ, давали всякому вѣрующему возможность убѣдиться собственной совѣстью, находится ли онъ въ необходимыхъ условіяхъ чистоты или долженъ былъ стремиться къ такому же очищенію. Отъ него не требовалось другихъ религиозныхъ обязанностей, кромѣ тщательнаго сбереженія у себя двухъ очищающихъ началъ,—огня и воды, кромѣ заведенія жертвъ безукоризненной свѣжести. Нечистыми становились имѣвшіе предосудительныя связи, потерявшіе смертью единокровныхъ родныхъ, прикасавшіеся къ трупу, пролившіе кровь, замаравшіеся кровью, ѣвшіе мясо домашнихъ животныхъ. Для того, чтобы выйти изъ состоянія нечистоты, необходимо было подчиниться всѣмъ формальностямъ покаянія, смотря по винѣ, въ теченіе большаго или менѣе

шого времени. Для мужчинъ оно заключается въ обѣтъ не стричь бороды и волосъ, покрывать голову простонародной соломенной шляпой; для женщинъ—повязываться бѣлыми платкомъ, наконецъ для тѣхъ и другихъ безразлично—вести уединенную домашнюю жизнь, отправляться на богомолье, воздерживаться отъ извѣстныхъ кушаній и всякихъ шумныхъ развлеченій. Возвращеніе каюшагося грѣшника въ нѣдра семейства и друзей служило поводомъ къ величайшимъ увеселеніямъ, сопровождавшимся очищеніемъ всего дома солью и водой и, сверхъ того, костромъ, разложеннымъ во дворѣ.

Годовыя празднованія въ честь главныхъ kami Японіи не включаютъ ниныхъ священническихъ обрядовъ, кромѣ церемоніи очищенія, да и тѣ ввелись не ранѣе конца осьмого столѣтія. Наканунѣ великаго торжества, священники отправляются процессіей, при свѣтѣ факеловъ въ храмъ, гдѣ хранятся въ драгоцѣнномъ вмѣстѣлищѣ, называемомъ микози, оружіе и прочіе предметы, принадлежавшіе боготворимому герою. Микози, по вымыслу жрецовъ, представляетъ земное обиталище kami, тронъ, хранимый для него въ отчизнѣ. Но каждый годъ онъ долженъ быть подвергнутъ радикальному очищенію. Тогда изъ вмѣстѣлища вынимаютъ останки и несутъ ихъ на рѣку. Пока извѣстное число священнослужителей занимается его мытьемъ, другіе зажигаютъ большіе костры, для удаленія вредныхъ духовъ, а священникъ хоръ *какура* утѣшаетъ и успокоиваетъ звуками инструментовъ и пѣніемъ духъ kami, лишенный на короткое время своей земной обители. Впрочемъ, какъ только гробница очистится, останки, распределенные до тѣхъ поръ по рукамъ кортежа, собираются и укладываются въ прежнемъ порядкѣ, въ знакъ того, что духу возвращается его жилище. Однако же, такъ какъ и храмъ, въ свою очередь, долженъ подвергнуться очищенію, то микози возвращается туда только по окончаніи этой операціи; въ теченіе же всего праздника, которой длится иногда нѣсколько дней,—становится на алтарь, нарочно устраиваемый съ этою цѣлью на улицѣ и достаточно защищенной отъ вліянія злыхъ духовъ. Если бы тѣ попытались перешагнуть черезъ рисовыя веревки, окружающія священную ограду, то рисковали бы подвергнуться обливанію кипящей священной водой, которую жрецы время отъ времени кропаютъ гробницу kami; а что касается до носившихся въ воздухѣ духовъ, горе тѣмъ, кто очутился бы вблизи почетной стражи, потому что жрецы, составляющіе ее—всѣ ловкіе всадники и искусные стрѣлки. Народъ р. коплетъ, глядя на ихъ эволюціи, и слѣдитъ съ восторгомъ за тучами стрѣлъ, бросаемыхъ ими чуть не за облака и падающихъ потомъ внутри ограды.

Таковы-то церемоніи, дающія этому торжеству значеніе релігіознаго праздника. Понятно, что и не на нихъ намеркалъ, говоря о вліяніи культа kami на развитіе драматическаго вкуса націи. Вмѣстѣ съ ребяческимъ фиглярствомъ, на праздникахъ являлся историческій кортежъ:—огромная процессія маскированныхъ и костюмированныхъ жрецовъ, исполнявшая на всѣхъ перекресткахъ различныя сцены, заимствованныя изъ жизни ихъ героя. Театральныя представленія эти, на открытомъ воздухѣ, сопровождался музыкой, пѣніемъ и пантомимными танцами. Изящныя искусства и поэзія сдѣлались истолкователями народныхъ преданій, и народъ, собравшійся толпою, жадно впитывалъ въ себя эти патристическіе уроки. Порою, вмѣстѣ съ оружіемъ и трофеями выставлялись и глиняныя фигуры, которыя должны были напоминать, дошедшія по преданію, черты и одежды главныхъ kami. Ихъ ставили на колесницахъ или высокихъ подмосткахъ пирамидальной формы, которую старались также подбѣлывать подъ видъ зданія, моста, джонки или другаго какого нибудь святаго мѣста, прославленнаго героями, память которыхъ праздновалась.

Вначалѣ эти годовыя праздники, называемые *матсури*, ограничивались небольшимъ числомъ городовъ самихъ древнихъ въ имперіи. Только восемь провинцій обладали честью имѣть kami. Но съ десятиаго вѣка каждая провинція, каждый округъ, каждое сколько-нибудь значительное мѣстечко захотѣло имѣть своего героя, своего небеснаго патрона. Кончилось тѣмъ, что число почитаемыхъ въ Японіи kami, возрасло до трехъ тысячъ ста тридцати двухъ, между которыми, нужно сказать впрочемъ правду, установили различіе,—въ пользу древнѣйшихъ. Четыреста девятиаго два получили названіе великихъ kami, прочіе назвались младшими kami. Съ тѣхъ поръ во всѣхъ пунктахъ Японіи завелось *матсури*, и съ конца въ конецъ имперіи распространился вкусъ къ героическимъ повѣствованіямъ и художественнымъ увеселеніямъ, съ любовью къ отечеству и стремленіемъ къ мужественной доблести. Въ этомъ отношеніи, національная релігія Японіи оказалась не безплодною. Она создала народъ, глубоко проникнутый патріотизмомъ, имперію, не испытывавшую никогда чужеземнаго ига, и правительство, которое и въ наше время еще сохранило политическую автономію въ сношеніяхъ съ сильнѣйшими державами двухъ частей свѣта.

ГЛАВА XII.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЪКЪ ЯПОНИ.

Сношеніе Китая съ Японією. — Посольство японцевъ въ Китай. — Китайскій языкъ въ Японіи. — Женичина-поэтъ. — Кіотскій университетъ. — Японская астрономія и астрологія.

Знаменитый императоръ Ши-хоангъ-ти, занимавшій китайскій престолъ отъ 246 до 209 года до Р. Х., достигнувъ апогея своего могущества, обратилъ свои завистливые взоры на острова Японіи. Но въ нихъ искалъ онъ не новаго расширенія своего владычества: онъ раздвинулъ границы Небесной имперіи до возможнаго предѣла. Онъ навсегда обезопасилъ ихъ отъ вторженій, окруживши громадною стѣною, которая до сихъ поръ служить нѣмымъ свидѣтелемъ его могучаго царствованія. Онъ раздавилъ всѣхъ враговъ своихъ; при немъ не осталось и малѣйшихъ слѣдовъ феодализма. Между абсолютной императорскою властью и народомъ, между Сыномъ Неба и сотнями миллионовъ его подданныхъ, не стоялъ болѣе никто. Даже оппозиція ученыхъ была подавлена, а философскія книги обращены въ пепелъ. Но, несмотря на все это, честолюбіе Ши-хоангъ-ти не удовлетворилось. Пресытившись счастьемъ и славою, онъ началъ страстно желать безсмертія. Узнавъ, онъ какъ-то что, на вершинѣ одной горы великаго Ниппона растетъ трава, корень которой владѣетъ свойствомъ продолжить человѣческую жизнь, и отправилъ въ Японію одного изъ любимцевъ своихъ, осторожнаго Сджофу, съ приказаніемъ, во что бы то ни стало, добыть ему волшебную траву. Императорскій посланникъ посѣтилъ всѣ берега внутренняго моря, но напрасно искалъ чудеснаго растенія. Достигнувъ страны Ксію, на островѣ Ниппонѣ, онъ рѣшился поселиться здѣсь навсегда со всей свитой своею, а императора предоставить общей участи, ожидающей, рано или поздно, всѣхъ людей. Ни онъ, ни его спутники не возвращались болѣе въ отечество. Отъ нихъ японцы и получили первыя извѣстія о Китаѣ.

Однако же микадо не пожелалъ довольствоваться одними слухами, доходившими изъ колоніи Ксію. Онъ отправилъ посольство къ главѣ Небесной имперіи, чтобы испросить копію съ лѣтописей двора его. Просьба была не только исполнена, но вмѣстѣ съ драгоценными книгами ему прислали и ученыхъ людей, способныхъ истолковывать ихъ. Вскорѣ китайскій языкъ сталъ преподаваться въ резиденціи микадо, а когда между обоими государями установились частыя дружественныя сношенія, при японскомъ дворѣ вошло въ моду употреблять китайскія буквы въ благородномъ и возвышенномъ слоgѣ, также какъ приводить цитаты изъ китайскихъ классиковъ и подражать лирической поэзіи «Цвѣтка Средины».

Такимъ образомъ, Китай оказывалъ на Японію литературное вліяніе, которое можно сравнить, конечно съ нѣкоторыми ограниченными, съ вліяніемъ эллинической культуры на народы Запада.

Когда героиня Цингу покорила Корею, то вывезла оттуда значительное количество произведеній китайской литературы, религіозныхъ книгъ буддистовъ, медицинскіхъ трактатовъ и новыхъ музыкальных инструментовъ. То были самые драгоценные, въ глазахъ японцевъ, трофеи ея славной экспедиціи.

Увлеченіе науками и искусствами Небесной имперіи не шло, впрочемъ, до уваженія самихъ китайцевъ. Отъ нихъ выписывали преподавателей языка, музыки, нравственныхъ наукъ и философіи, но въ тоже время послѣднихъ поставили въ такое положеніе, какое греческіе софисты занимали въ римскомъ обществѣ. Терпѣливый, меркантильный и миролюбивый характеръ выходцевъ изъ Нанкина служилъ предметомъ постоянного презрѣнія для рыцарскихъ островитянъ великаго Ниппона. Слѣдовательно, японская литература, развиваясь подъ вліяніемъ китайскихъ образцовъ, съ умѣла сохранить извѣстную оригинальность. Но, скованная условными формами придворнаго міра, она должна была постоянно вращаться около предметовъ, бывшихъ въ модѣ, и считать совершенствомъ стили въ строгомъ соблюденіи академическихъ правилъ. Все пишущее упражнялось въ составленіи дустишій, выглаженныхъ и обчищенныхъ какъ подстриженныя деревья, или въ сочиненіи сонетовъ, въ узкія рамки которыхъ втѣсняли описаніе моря. Японскій рѣзецъ передалъ намъ черты писателей, особенно отличавшихся въ этомъ родѣ. Изображеніе сопровождается всегда лучшимъ произведеніемъ ихъ поэтическаго таланта. Пѣвецъ моря неизмѣнно представляется сидящимъ на берегу, другой—въ

вѣчномъ созерцаніи кустовъ и риса; у третьяго, вмѣсто атрибута, въ рукахъ вѣтви персикового дерева въ цвѣтѣ. Тутъ встрѣчаются поэты риса, бабочки, клена, журавля, луны, раковины и пр. Тутъ же видимъ мы и Трисотина съ Вадзусомъ, но въ Кіото ихъ зазорливая брань переходитъ отъ слова къ дѣлу; по счастью, они сражаются не оружіемъ, но мягкой шелковою подушкой.

Есть знаменитыя мѣста въ японскихъ японской литературы: такова, напримѣръ, гора Камо гдѣ Таджоо-мен написалъ свою книгу одъ, предаваясь мечтаніямъ на берегахъ потока «стрекозъ». Далѣе, какой-то монастырь, послужившій пріютомъ принцу, заблудившемуся въ бурную ночь въ до-рогѣ. На другой день, передъ отъѣздомъ, онъ вручилъ настоятелю поэтическую пѣсню, написанную имъ подъ впечатлѣніемъ случившагося: милостивый подарокъ сдѣлался источникомъ богатства для монастыря.

Китайцы не могли остаться равнодушными при видѣ усилій учениковъ своихъ на поприщѣ литературы и утонченности нравовъ. Въ знакъ высокаго вниманія, Сынъ Неба отправилъ къ микадо посольство, единственно съ тѣмъ, чтобы поднести ему сборникъ поэтическихъ произведеній (815 году по Р. X.).

Одна благородная дѣвушка, жившая при дворѣ въ Кіото, довела страсть къ поэзій до высокаго героизма. Красавица Ононо-Коматчи изображается всегда на картинѣхъ передъ умивающимся, надъ которымъ смываетъ написанное ею. Она не знала другой страсти, кромѣ обработыванія и усовершенствованія стила. Прославляемая за свой талантъ, но беззащитная противъ зависти и противъ злобы фатовъ, которыхъ искаательство отвергла, она впала въ немилость и снизошла до послѣднихъ ступеней нищеты. Въ теченіе многихъ лѣтъ въ окрестностяхъ Ниппона встрѣчалъ, бродившую изъ деревни въ деревню, одинокую женщину, босую, опирающуюся на странническій посохъ, съ корзинкою въ лѣвой рукѣ, гдѣ связка манускриптовъ прикрывала скупое дневное пропитаніе. Пряди бѣлыхъ волосъ выбивались изъ подъ широкой соломенной шляпы, защищавшей отъ солнца худое и морщинистое лицо. Когда несчастная старуха садилась на порогѣ сосѣднихъ храмовъ, дѣти толпами сбѣгались къ ней, привлекаясь ея кроткою улыбкой и блестящими глазами. Она учила ихъ стихамъ, въ которыхъ прославлялось величіе природы, и невольно привлекала вниманіе ихъ къ красотамъ Божьяго міра. Порою подходилъ съ уваженіемъ ученый монахъ и просилъ позволенія снять копію съ одного изъ поэтическихъ произведеній, которыя безпріютная горемыка носила въ корзинѣ. По настоящее время въ Японіи свято хранится память объ Ононо-Коматчи, этой необыкновенной женщинѣ, вдохновенной дѣвѣ, строгой къ самой себѣ и скромной въ дни богатства, кроткой, терпѣливой и горько преданной идеалу до преклонной старости и среди самыхъ жестокихъ испытаній судьбы. Это самая популярная фигура въ поэтическомъ пантеонѣ древней имперіи микадо.

Великій литературный вѣкъ этого періода и вообще исторіи Японіи открывается царствованіемъ Тенцитенъ-воо, тридцать девятаго микадо, жившаго во второй половинѣ VII-го вѣка нашей эры. Государь этотъ взялся очистить и облагородить національное нарѣчіе, и услуги, оказанныя имъ какъ собственными сочиненіями, такъ и учрежденіями для народнаго воспитанія, ставить его во главѣ ста поэтовъ древняго нарѣчія, называемаго языкомъ Ямато, по имени классической провинціи Ниппона. Самыми капитальными произведеніями литературы въ царствованіе Тенцитенъ-воо считаются: Кокики, или книга древностей; Фотуки, монографія всѣхъ провинцій; Ниппонки, или лѣтописи имперіи; Сборникъ народныхъ легендъ,—первая великая коллекція лирической поэзій; Книга обычаевъ дапри и Всеобщая энциклопедія, составленная въ подражаніе образцовому сочиненію по части наукъ, образованія и поэзій, написанному въ Китаѣ.

Перелистывая эти обширные сборники, пренаивно иллюстрированные вышивками на деревѣ, трудно удержаться отъ любопытныхъ сравненій между тѣмъ міромъ, который мы знаемъ, и тѣмъ, какимъ бы явился онъ, если бы направленіе и понятія предоставлены были усердію китайскихъ философовъ. Что они ставятъ желтаго, узкоглазаго человѣка высшимъ образцомъ разумныхъ созданий,—въ этомъ нѣтъ еще ничего удивительнаго, но когда начинаешь перечислять всѣ усилія, потраченные на Создателью вселенной, чтобы породить этотъ совершеннѣйшій типъ, по неволѣ приходится положить въ ротъ палецъ изумленія. Мы увидимъ здѣсь очертанія человѣческаго подобія: то съ одной рукой и ногой, то съ однимъ глазомъ; то съ лошадиными ногами, или съ такими длинными, что обладатель ихъ можетъ безъ лѣстницы врать плоды съ самыхъ высокихъ деревьевъ; то съ руками, которыми можно удить рыбу, едой изъ труха утеса; то съ талиєю и шеей на пружинахъ, для облегченія движенія головы и туловища; то съ такими ногами и многими руками и даже многими головами, и тому по-

добными разнообразными complicationами, бесполезность которыхъ дѣлалась очевидною, по мѣрѣ приложенія къ дѣлу умственныхъ ресурсовъ.

Китайскіе энциклопедисты непрерывно утверждаютъ, что посреди ихъ народа не осталось болѣе и слѣдовъ такого унизительнаго рода несовершенныхъ и недовѣжнихъ понятій. Но они полагаютъ, что метаморфозы эти продолжаются еще въ царствѣ собакъ, на южныхъ островахъ и въ Европѣ, чему доказательствомъ служатъ значительное число обезьянъ, негры и рыжихъ варваровъ, разсѣянныхъ вѣдъ предѣловъ Небесной имперіи, какъ бы для того, чтобы лучше показывать необычайное превосходство расы, которая ее населяетъ. Подобныя заключенія не совсѣмъ были по вкусу японцамъ; но они нашли средство истолковать ихъ въ смыслѣ горделивой своей міеологіи. Напримѣръ, негры составили въ ихъ глазахъ небольшое видоизмѣненіе земныхъ демоновъ. Когда они увидѣли въ первый разъ негровъ, неизвѣстно откуда занесенныхъ бурей, на сосѣдній островъ Kiuai, то сочли ихъ недостойными пользоваться лучами божественнаго солнца, и потому умертвили безъ всякой жалости.

Университетъ въ Киото основанъ былъ, по всей вѣроятности, по образцу китайскихъ.

Однако установленіе ученыхъ степеней и государственныхъ экзаменовъ не пустило глубокихъ корней въ Японіи. Только и извѣстно о немъ, что они существовали въ осьмомъ столѣтіи, но никогда не оказывали ни малѣйшаго вліянія на публичную администрацію, не играли никакой роли въ исторіи народа.

Въ ряду университетскихъ наукъ Японіи первое мѣсто занимаетъ астрономія. Здѣсь имѣются весьма древнія астрономическія таблицы, изданныя обсерваторіею въ Киото. Онѣ не такъ сухи какъ большая часть документовъ этого рода, потому что перемѣшаны довольно удачно съ довольно разнообразными наблюденіями.

Напримѣръ, онѣ сообщаютъ вамъ, что въ 202 году солнечное затмѣніе продолжалось нѣсколько дней сразу и было видимо, начиная отъ полудня до наступленія ночи, и что въ 370 году видѣли совершенно бѣлаго оленя. Въ 640 г. наблюдатели замѣтили прохожденіе какой-то звѣзды передъ луною, а въ 646 провинція Этцидзень подверглась нашествію цѣлой арміи мышей, слѣдовавшей густыми колоннами въ теченіе нѣсколькихъ дней по направленію къ востоку. Въ 704 г. придворные астрономы открыли появленіе Кен-унъ, чрезвычайно рѣдкаго облака, предвѣщающаго счастье, вслѣдствіе чего микадо немедленно провозгласилъ всеобщую амнистію. Напротивъ, 718 годъ явился эпохою важныхъ безпокойствъ, потому что въ теченіе его комета пришла въ соприкосновеніе съ луною.

Такимъ образомъ, эти листки къ ученому интересу присоединяютъ и предметъ созерцанія всякихъ чудесъ. Они доставляютъ единственный случай познакомиться съ бѣлой ласточкой, бѣлой черепашкой, бѣлымъ ворономъ, краснымъ ворономъ, краснымъ снѣгомъ, дождемъ (пепла, дождемъ золотого порошка и медовою росой).

Словомъ, это астрономическія таблицы, какихъ больше нигдѣ не встрѣчается, какихъ въ Европѣ ничто не замѣнитъ съ тѣхъ поръ, какъ прогрессивная 'секуляризація гражданства, лишила насъ почтенныхъ метрикъ сельскихъ и приходскихъ священниковъ. гдѣ самыя курьезныя замѣчанія, что не знаешь бывало куда и пристроить ихъ, прерывали совершенно неожиданно монотонный списокъ крещеній, браковъ и погребеній.

Киотскіе астрономы приняли китайскій календарь. Для cadaго наступающаго года они составляютъ альманахъ, печатаніе котораго и продажа по имперіи черезъ собственныхъ коммисіонеровъ составляетъ привилегію жрецовъ Исійѣ. Въ нихъ не встрѣчается ни указанія направленія вѣтровъ, ни предсказаній дождливой и хорошей погоды, но найдется полный комплектъ вычисленій комбинаваннаго вліянія звѣздъ и стихій на каждый годъ, мѣсяцъ, день и часъ.

Имѣя подобнаго руководителя, всякій японецъ можетъ составить свой гороскопъ или предугадать результаты своихъ предпріятій. А случись ему ошибиться, это, разумеется, сваливается на невнимательное чтеніе альманаха. Вотъ почему гораздо лучше, если онъ станетъ его разбирать съ помощію какого нибудь бонзы, знатока кабалистическихъ наукъ, да и то при условіи, — если онъ не пропуститъ мимо ушей ни одного изъ мельчайшихъ объясненій святаго человѣка, иначе тотъ за успѣхъ не поручится. Можно даже прибѣгать къ его мнѣнію по каждому отдѣльному случаю, по всякому мало-мальски сомнительному вопросу, — только отнюдь не перетолковывать въ превратномъ смыслѣ его словъ. Отсюда выходитъ, что употребленіе астрологическаго альманаха сопряжено съ такими трудностями, что вся польза отъ него ограничивается лишь въ томъ, чѣмъ умомъ добрыхъ душъ въ тѣ сѣти, которыя питають бонзы и монастыри.

Въ самомъ дѣлѣ, астрологія составляетъ, какъ кажется, главное орудіе владычества духовенства на крайнемъ Востоку. Съ этой точки зрѣнія, она заслуживаетъ болѣе внимательнаго изученія; но чтобы не переходить за рамки исключительно описательныя, ограничусь очеркомъ отличительнаго характера японской астрологіи.

Онъ вполне выражается въ тѣхъ факторахъ, при помощи которыхъ дѣйствуетъ.

Во первыхъ—знаки зодіака, во вторыхъ—цать стихій.

Индусскій зодіакъ, вывезенный къ намъ изъ Египта, проникъ въ Японию вмѣстѣ съ буддизмомъ, но японскіе астрологи употребляютъ только китайскій зодіакъ, который принятъ также монголами, манджурами, корейцами, калмыками, тибетцами и турками. Онъ состоитъ изъ слѣдующихъ двѣнадцати знаковь:

<i>Иэ</i> —Мышь.	<i>Мума</i> —Лошадь.
<i>Уэи</i> —Быкъ или Волъ.	<i>Футсуи</i> —Козель или Баранъ.
<i>Тора</i> —Тигрь.	<i>Сару</i> —Обезьяна.
<i>У</i> —Заецъ.	<i>Тори</i> —Пѣтухъ.
<i>Титсэ</i> —Драконъ.	<i>Ину</i> —Собака.
<i>Ми</i> —Ужъ или Змѣя.	<i>И</i> —Кабанъ или Боровъ.

Каждому изъ знаковь приписываютъ благоприятное или неблагоприятное вліяніе; отсюда выходитъ, что небесныя страны,—между которыми они распределены, также должны бѣть благоприятны или несчастливы.

Тоже самое въ отношеніи часовъ дня и ночи:

Мышь владычествуетъ надъ часами съ 11 часовъ вечера до 1 часа утра;

Быкъ — съ 1 часу до 3 утра; —

Тигрь — съ 3 до 5 утра.

И такъ далѣе, всѣ часы бываютъ тяжелые или легкіе, смотря по вліянію знаковь, которые надъ ними господствуютъ.

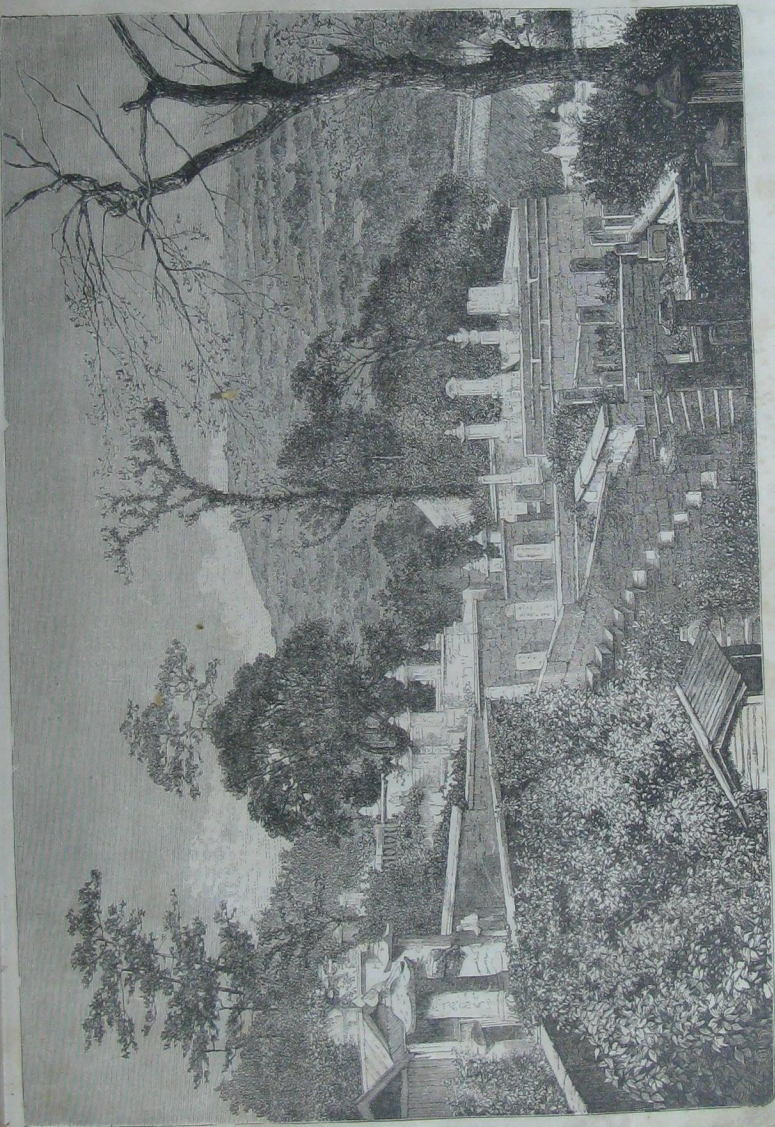
Въ каждой изъ стихій признаются два принципа: одинъ мужескій, дѣйствующій, или старшій; другой,—женскій, страдательный, или младшій. Откуда составляется такой циклъ:

1. Дерево, — дѣйствующій . . . на корню, въ необдѣланномъ видѣ.
2. Дерево, — страдательный. . . когда входитъ въ категорію строительнаго матеріала.
3. Огонь, — дѣйствующій . . . первобытный, какъ молнія.
4. Огонь, — страдательный . . . второстепенной природы, какъ пламя лампы.
5. Земля, — дѣйствующій . . . въ натуральномъ видѣ.
6. Земля, — страдательный. . . горшечная глина.
7. Металлъ,—дѣйствующій . . . дѣвственный минералъ.
8. Металлъ,— страдательный. . . минералъ обдѣланный.
9. Вода, — дѣйствующій . . . живая, проточная.
10. Вода, — страдательный. . . стоячая, болотистая.

Дерево господствуетъ надъ востокомъ и весною; огонь—надъ югомъ и лѣтомъ; металлъ надъ западомъ и осенью; вода—надъ сѣверомъ и зимою; земля—въ центрѣ системы, въ области четырехъ зодіакальных ярокъ, раздѣляющихъ горизонтъ и эклиптику, и заключающихъ въ себѣ половину знаковь Быка, Дракона, Козла и Собаки.

Вліяніе земли въ этихъ четырехъ направленіяхъ благоприятно для человѣческой дѣятельности, тогда какъ планета, съ которою она находится въ соотношеніи, именно Сатурнъ, грозитъ разрушеніемъ домовъ и судовъ. Срубая дерево, слѣдуетъ наблюдать, чтобы оно не падало въ сторону планеты дерева, то есть Юпитера. Планета металла, а по нашему Венера, нерѣдко вызываетъ серьезныя пертурбаціи въ человѣческихъ дѣйствіяхъ. Самоубійство и скоростипная смерть—суть дѣйствіе извѣстныхъ пагубныхъ сочетаній.

Опредѣленіе гороскоповъ, а также тяжелыхъ и легкихъ дней совершается посредствомъ механизма, приводящаго въ совокупное дѣйствіе кружокъ десяти стихій съ кружкомъ съ двѣнадцатью знаками зодіака, въ томъ родѣ, какъ у насъ приводится въ дѣйствіе спарядъ съ двумя колѣсами, гдѣ зубья одного поддвигаютъ при движеніи зубья другого колеса. Этимъ способомъ получается равнобѣжность или совокупность вліяній, необходимыхъ предсказателю для разрѣшенія заданныхъ ему вопросовъ.

Канзюме в Нарасаки.

Г. Фрессине въ VIII главѣ своей *Современной Японіи*, откуда мы почерпнули сущность японской астрологіи описываетъ такъ этотъ механическій способъ.

«Если составлять по двое знаки цикла десятичнаго (стихий) со знаками цикла двѣнадцатиричнаго (зодіаковъ), ставя напередъ первые, то можно замѣтить, что при послѣднемъ сочетаніи тотъ же самый порядокъ возобновляется не прежде, какъ послѣ повторенія десятичнаго цикла шесть, а двѣнадцатиричнаго пять разъ, то есть послѣ шестидесяти послѣдовательныхъ сочетаній. Вотъ почему этотъ циклъ и носить названіе шестидесятичнаго».

Большей ясности невозможно требовать въ подобномъ случаѣ; но нижепомѣщенная таблица, при всей своей нелѣпости, не лишняя для уразумѣнія самой трансцендентальной глупости, на какую только былъ способенъ человѣческій умъ.

Десятичный циклъ. Двѣнадцатиричный циклъ.

1. Дерево, дѣйствующій. Мышь.
2. Дерево, страдательный Быкъ.
3. Огонь, дѣйствующій Тигрь.
4. Огонь, страдательный Заяцъ.
5. Земля, дѣйствующій Драконъ.
6. Земля, страдательный Змѣя.
7. Металлъ, дѣйствующій Лошадь.
8. Металлъ, страдательный Баранъ.
9. Вода, дѣйствующій Обезьяна.
10. Вода, страдательный Пѣтухъ.
11. Дерево, дѣйствующій. Собака.
12. Дерево, страдательный Кабанъ.
13. Огонь, дѣйствующій Мышь.
14. Огонь, страдательный. Быкъ.
15. Земля, дѣйствующій Тигрь.
16. Земля, страдательный. Заяцъ.
17. Металлъ, дѣйствующій Драконъ.
18. Металлъ, страдательный Змѣя.
19. Вода, дѣйствующій Лошадь.
20. Вода, страдательный Баранъ.
21. Дерево, дѣйствующій Обезьяна.
22. Дерево, страдательный Пѣтухъ.
23. Огонь, дѣйствующій Собака.
24. Огонь, страдательный. Кабанъ.
25. Земля, дѣйствующій Мышь.
26. Земля, страдательный Быкъ.
27. Металлъ, дѣйствующій Тигрь.
28. Металлъ, страдательный Заяцъ.
29. Вода, дѣйствующій Драконъ.
30. Вода, страдательный Змѣя.

Десятичный циклъ. Двѣнадцатиричный циклъ.

31. Дерево, дѣйствующій Лошадь.
32. Дерево, страдательный Баранъ.
33. Огонь, дѣйствующій Обезьяна.
34. Огонь, страдательный Пѣтухъ.
35. Земля, дѣйствующій Собака.
36. Земля, страдательный. Кабанъ.
37. Металлъ, дѣйствующій Мышь.
38. Металлъ, страдательный Быкъ.
39. Вода, дѣйствующій Тигрь.
40. Вода, страдательный Заяцъ.
41. Дерево, дѣйствующій. Драконъ.
42. Дерево, страдательный Змѣя.
43. Огонь, дѣйствующій Лошадь.
44. Огонь, страдательный. Баранъ.
45. Земля, дѣйствующій Обезьяна.
46. Земля, страдательный Пѣтухъ.
47. Металлъ, дѣйствующій Собака.
48. Металлъ, страдательный. Кабанъ.
49. Вода, дѣйствующій Мышь.
50. Вода, страдательный Быкъ.
51. Дерево, дѣйствующій Тигрь.
52. Дерево, страдательный Заяцъ.
53. Огонь, дѣйствующій Драконъ.
54. Огонь, страдательный Змѣя.
55. Земля, дѣйствующій Лошадь.
56. Земля, страдательный Баранъ.
57. Металлъ, дѣйствующій Обезьяна.
58. Металлъ, страдательный Пѣтухъ.
59. Вода, дѣйствующій Собака.
60. Вода, страдательный Кабанъ.

Подойдя къ шестидесяти, оба цикла оканчиваютъ свое круговое движеніе и передъ вами, какъ по мановенію волшебнаго жезла, снова появляются:

Дерево, дѣйствующій, — мышь.

А теперь, остается только представить себѣ японскаго прорицателя, какого нибудь лубагова бонза, набожно провозглашающаго этотъ волшебный выводъ передъ толпой народа—мужчинъ, женщинъ, дѣтей, слушающихъ его съ разинутымъ ртомъ, и тогда вы будете имѣть понятіе о томъ явленіи, которое проливаетъ самый яркій свѣтъ на цивилизацію крайняго Востока.

ГЛАВА XIII.

ИСКУССТВА И МОДЫ ВЪ КИТО.

Цвѣтущій періодъ японской цивилизаціи. — Различіе между Китаемъ и Япошею. — Искусства. — Моды. — Придворная жизнь. — Нравы и обычаи двора.

Не смотря на своихъ бонзъ, астрологовъ, академическихъ поэтовъ, древняя японская цивилизація имѣла также свой цвѣтущій періодъ, свое народное развитіе. Она проникла плодотворнымъ зерномъ въ искусства, ремесла и туземную промышленность. Она отбѣсила произведенія неподражаемой печатью оригинальности. Этотъ неудовимый отпечатокъ — проявленіе вкуса Кіото. Все, что выходитъ изъ мастерскихъ старинной столицы, отличается рѣшительно отъ всего остального. Правда, восхищеніе, которое эти произведенія вызываютъ, отчасти парализируется удивленіемъ и сожалѣніемъ. По странному противорѣчію, они достигаютъ замѣчательнаго совершенства въ воспроизведеніи растительной и животной природы и въ тоже время, касаясь сферы человѣческой жизни, представляютъ типы, лишенные всякой реальности, фигуры совершенно вымышленныя. Ясно, что благородныя способности, обнаруживающіяся и въ идеѣ и въ исполненіи національныхъ художниковъ, должны были остановиться въ своемъ развитіи подъ влияніемъ официальной регламентаціи и по недостатку высшей пищи противу той, которую они встрѣчали въ придворныхъ потребностяхъ и модахъ.

Такимъ образомъ, искусство и литература стали, въ угоду микадо, условными и рутинными. Можно даже сказать, что искусство сохранилось въ своемъ упадкѣ такимъ, каковымъ было въ моментъ полнаго развитія своей силы, и этотъ фактъ, что оно не выродилось и не испортилось, — замѣчательнъ въ высшей степени.

Рабочее населеніе древнихъ императорскихъ городовъ также нисколько не измѣнилось въ теченіе вѣковъ.

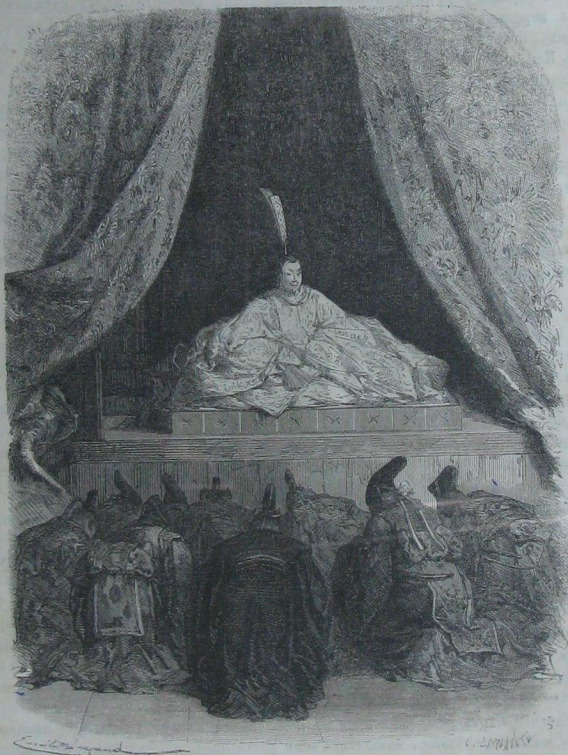
Живя подъ управленіемъ системы, пораженной немощью, оно вовсе не показываетъ признаковъ упадка и хилости, свойственной всѣмъ классамъ китайскаго общества.

Китай напоминаетъ каждую минуту ветхое, полусгнившее зданіе, ввѣренное присмотру дряхлыхъ пивалдовъ. Въ Японіи, буквально, нѣтъ ни развалинъ, ни павсени, — но, какъ свѣжая растительность вѣчно-зеленыхъ острововъ ея, признаки неуязвимой юности, — передаются между жителями этой счастливой страны отъ поколѣнія поколѣнію. Они убираютъ даже послѣднее жилище свое атрибутами вѣчной весны. Кладбища ихъ, во всякое время года, тонутъ въ цвѣтахъ и зелени. Гробницы — простыя каменные плиты съ надписями — хранятъ память умершихъ, и не сопровождаются ничѣмъ, наводящимъ на мысль о разрушеніи и смерти. Каждое семейство имѣетъ свою отдѣльную ограду и каждый умирающій свой надгробный камень на этомъ полѣ всеобщаго отдохновенія такъ что преданіе о тѣхъ, которые перестали жить, развертывается, какъ громадный свитокъ, съ холма на холмъ, между садами и священными рощами, вплоть до окраины города или мѣстечка. Самый поразительный эффектъ представляеть въ этомъ отношеніи Нагазакі. Городъ простирается, у подошвы горъ, низшіе выступы которыхъ вообще отлоги. Они обдѣланы въ видѣ широкихъ уступовъ, образующихъ превосходный амфитеатръ погребальныхъ террасъ, вокругъ обширныхъ восточныхъ кварталовъ. Кажется, будто два города лежатъ одинъ противъ другаго: на равнинѣ — городъ живыхъ, съ длинными и широкими улицами, съ непрочными деревянными домиками, съ недоповѣчною толпой; въ верху, на горѣ — молчаливый некрополь съ гранитными стѣнами и монументами, съ столѣтними деревьями, съ вѣковѣчною, торжественною тишиною. Глядя по направленію къ горѣ, жители Нагазакі должны невольно вспомнить о бесчисленныхъ поколѣніяхъ, проходившихъ предъ ними путемъ жизни. Множество надгробныхъ камней, поставленныхъ на террасахъ, окутанные голубоватымъ газомъ туманной дали, кажутся тѣнями предковъ, витающихъ посреди гробницъ: внимательные и безмолвные, они смотрятъ надолго на шумъ и суету раскинутаго подъ ними города.

Разъ въ годъ, въ концѣ августа, населеніе ссызаетъ ихъ на торжественный праздникъ, который продолжается три ночи сряду. Въ первый вечеръ освѣщаются разноцвѣтными бумажными фонарями гробницы тѣхъ, которые умерли въ продолженіе минувшаго года. Вторую и третью ночи всѣ безъ исключенія гробницы, какъ старыя, такъ и новыя, участвуютъ въ этой иллюминаціи, а всѣ

емейства въ Нагазакѣ размѣщаются на кладбищѣ и принимаются за обильныя воздѣнія въ честь предковъ. Взрывы самаго оглушительнаго смѣха и заразительной веселости раздаются по террасамъ, а ракеты, пускаемыя время-отъ-времени какъ будто бы примѣшивають къ шуму человѣческихъ ширшествъ отголосокъ небеснаго свода.

Европейскіе резиденты переѣзжаютъ на палатки, стоящихъ въ гавани судовъ для того, чтобы полюбоваться издали волшебною картиною холмовъ, сверкающихъ красноватыми огнями. Но на третью ночь, часовъ около двухъ утра, вдругъ видишь, какъ длинная вереница огней начинается

Микадо во время своей доступности.

спускаться съ возвышеній и группируется на берегахъ залива, между тѣмъ какъ на оставленной горѣ водаряется прежній мракъ и безмолвіе. Обычай требуетъ, чтобы мертвые успѣли усесться въ лодки и исчезнуть до наступленія разсвѣта. Съ этою цѣлю плетутся тысячи челноковъ изъ соломы и на нихъ кладутъ нѣсколько плодовъ и мелкой монеты. — Потомъ хрупкія суда нагружаются тѣми самыми разноцвѣтными, бумажными фонарями, которыми иллюминировались кладбища, и пускаются на воду, съ натянутымъ небольшимъ рагоженнымъ парусомъ. Утренній вѣтерокъ разноситъ ихъ по рейду, гдѣ они искорѣ всплываютъ; объятая пламенемъ флотилія отражаетъ во всѣхъ направленіяхъ

красноватое зарево огненных языков. Впрочем, мертвые обдѣлываютъ свои дѣла быстро. Скоро послѣднее суденшко идетъ ко дну, послѣднй свѣтъ потасаетъ, послѣдняя душа посылаетъ свое прощаніе землѣ.

Съ восходомъ солнца не остается больше и слѣдовъ отъ вчерашняго праздника мертвыхъ.

Въ древнія времена, когда Японія не имѣла другой религіи, кромѣ культа Ками, нѣкоторые знаменитости удостоивались почестей особаго погребенія, отдѣльно отъ кладбища, назначеннаго для простаго народа. На этотъ случай выбирался ими, даже нарочно насыпался, коническій холмъ, получившій, такъ же какъ замокъ, названіе йазиро, т. е. укрѣпленнаго жилища. Холмъ обводился стѣнами циклопической постройки и широкимъ ровомъ. Признакомъ святости мѣста служили только торы, помѣщавшіяся передъ входомъ на мостъ, соединявшій холмъ съ равниною. Гробъ ставился въ каменную могилу, похожую на склепъ, и все прикрывалось небольшимъ деревяннымъ строеніемъ, въ родѣ часовенъ Ками.

Погребальныя церемоніи имѣли торжественный характеръ. Глядя на похоронную процессію, можно было подумать, что городъ праздновалъ триумфъ какого нибудь героя. Подлѣ покойника клали въ могилу его колѣчу, оружіе и все, что у него было самаго драгоцѣннаго. Главные изъ служителей и любимый конь приносились въ жертву тѣни умершаго, на его гробѣ. Этотъ варварскій обычай уничтоженъ въ первомъ вѣкѣ нашей эры. Мѣсто человѣческихъ жертвъ заняли манекены, а вмѣсто лошадей — нарисованныя изображенія этихъ животныхъ. Нѣсколько штриховъ, набросанныхъ свободною рукою на бѣлой деревянной дощечкѣ, служили изо-

Дайкю въ придворномъ костюмѣ.

браженіемъ спутника ратно славы покойнаго: вмѣстѣ съ прочими предметами, они запечатывались въ могилѣ. Въ составленіи и исполненіи этихъ рисунковъ мѣстные художники приобрѣли необыкновенную ловкость и одушевленность, такъ что йема, или кроки лошади, стали одною изъ артистическихъ рѣдкостей Японіи. Въ часовняхъ нѣкоторыхъ городовъ и деревень они служатъ вмѣсто картинъ, приносимыхъ по обѣту Любители цѣнятъ преимущественно тѣ, которые изображаются на листкахъ церемоніальныхъ ширмъ, употребляющихся при дворѣ въ Геддо. Въ числѣ подарковъ, предназначенныхъ тайкуномъ для иностранныхъ дворовъ, нерѣдко встрѣчаются и йема.

Но кажется, что этотъ родъ живописи не пользовался славой при дворѣ микадо, гдѣ болѣе входила въ моду миниатюра. Работа миниатюристовъ Кіото очень часто напоминаетъ наши церковные служебники среднихъ вѣковъ: такое же употребленіе веленой бумаги, то же изобиліе позолоты по краямъ, та же роскошь красокъ. Манускрипты, разрисованные виньетками посреди текста, навѣртыются на цилиндръ изъ слоновой кости или дорогаго дерева, концы которыхъ имѣютъ металлическую оправу. Въ книжный форматъ переплетаются только альманахи, сборники стиховъ, романъ, служебники и молитвенники. Богомолки щеголиха обзаводятся самими микроскопическими изданіями молитвенниковъ. Дамы и поэты въ Кіото не употребляютъ иного альманаха, кромѣ календаря даѣтовъ, гдѣ каждый мѣсяцъ съ своими подраздѣленіями обозначенъ символическимъ букетомъ. Есть еще календарь слѣпыхъ и молитвенники, написанные іероглифическими письменами, происхожденіе которыхъ неизвѣстно.

Туалетъ женщинъ высшаго сословія не только обозначаетъ ихъ званіе и положеніе въ свѣтѣ, но, кромѣ того, цвѣтомъ и вышивками на платьѣ совпадаетъ съ временемъ года, погодою, цвѣтами и произведеніями различныхъ мѣсяцевъ.

На придворномъ языкѣ даже мѣсяцы называются не именами, но свойствами или признаками: *любезный мѣсяцъ* скрѣпляетъ узы дружбы визитами и подарками на первый день новаго года; *мѣсяцъ пробужденія природы* — третій въ году; *мѣсяцъ посланій*, седьмой по счету, заключаетъ въ себѣ одинъ день, предназначенный для разнѣга поздравительныхъ писемъ, а двѣнадцатый называется *блгоутеню тозевъ*, которые постоянно отлучаются въ это время изъ дому, для устройства своихъ дѣлъ.

Архитектурныя работы японцевъ, произведенія промышленности и вообще все, что дѣлается художественными и ремесленными корпораціями, обличаетъ нѣкоторое стремленіе къ символу, соединенное съ необыкновенною чистотою вкуса въ подражаніи природѣ. Въ деревянныхъ частяхъ крыши храмовъ и дворцовъ, въ разныхъ деревянныхъ украшеніяхъ, вездѣ на первомъ планѣ фигурируютъ грады облаковъ, изъ-за которыхъ возвышаются фантомы зданій.

Главный портикъ дворца даири украшенъ золотымъ солнцемъ, окруженнымъ знаками зодіака. Портки храмовъ, посвященныхъ буддизму, увѣнчаны головами двухъ слоновъ, въ знакъ того, что колыбелью этой религіи была Индія. Нитка съ свинцовою гирькой плотничьяго уровня изображаетъ солнце, спускающееся за горизонтъ.

Любимыя сюжетами ихъ мозаики и скульптурныхъ деревянныхъ работъ являются линіи, описываемыя волнами моря съ пѣнистыми гребнями, базальтовая скалы, омываемыя моремъ, журавли и летучія мыши съ распростертыми крыльями, присѣ, кувшинка и лотусъ съ распускающимися лепестками вѣника, бамбукъ, кедръ, пальма, слива, растущіе или отдѣльно, или группами, одѣленные граціозными вьющимися растеніями. Впрочемъ, есть мало украшеній, которыхъ смыслъ былъ бы неизвѣстенъ. Въ оградѣ дворца даири существуетъ родъ бронзовой вазы, изображающей, довольно грубо, неизвѣстную птицу въ ростъ человѣка. Это — одинъ изъ древѣйшихъ памятниковъ мѣтнаго искусства. Зовутъ его Тори-Кама, но никто не знаетъ ни происхожденія, ни назначенія его. Прочія вазы, относящіяся также къ глубокой древности, стоятъ на треножникахъ и служатъ для сжиганія и куренія ароматическихъ веществъ. Чеканные украшенія ихъ напоминаютъ голову или остовъ крокодила — животнаго, неизвѣстнаго въ Японіи.

Черепаша и журавль, очень часто встрѣчающіеся на фигурахъ курительныхъ вазъ и священныхъ канделябровъ, обозначаютъ эмблему бессмертія, или, по крайней мѣрѣ, долговѣчности. Мнѣологическая птица Фоо, одинаковая въ Китаѣ и Японіи, помѣщается обыкновенно на карнизѣхъ и перекладинахъ дверей дворца даири и на верху паланкина микадо, какъ эмблема вѣчнаго счастья.

Эти символическія изображенія, такъ-же какъ и другія, которые долго перечислять, повторяются въ рисункѣ богатыхъ шелковыхъ матерій, тканыхъ золотомъ и серебромъ, которыми славились ткачи Кіото, въ гравюрахъ и украшеніяхъ дощечекъ, золотыхъ, серебряныхъ, изъ красной мѣди и стали, которыми мѣстные ювелиры украшаютъ рукоятки и ножны сабель, карманные чернильницы, трубки, кистети для табаку и брелокі; наконецъ, на многообразныхъ формахъ утвари, посуды и фарфоровыхъ или лакированныхъ принадлежностяхъ мебелировки, составляющихъ главную роскошь японскихъ хозяевъ.

Мнѣ указали однажды въ магазинѣ рѣдкостей, привезенныхъ изъ Кіото, на то, что между этими предметами не было ни одного совершенно прямоугольной формы. Въсплѣдствіи и убѣдился въ этомъ, разсматривая множество рабочихъ ящичковъ, ларчиковъ, ящичковъ для бумаги, подносовъ и другихъ лакированныхъ издѣлій, между которыми не встрѣтилъ ни одного остроугольнаго: напротивъ, углы вездѣ были срѣзаны и слегка округлены. Объясняя эту особенность просто однимъ изъ тѣхъ капризовъ вкуса, на которые вѣтъ закона, нельзя въ то же время пропустить безъ вниманія фактъ, являющійся, какъ кажется, символическое значеніе, именно: что всѣ безъ исключенія зеркала японскія представляютъ фигуру диска. Такое однообразіе чуть-ли не подтверждаетъ мнѣніе Зибольда, что зеркало въ храмахъ Ками является эмблемою солнечнаго диска.

Гораздо труднѣе отгадать основную причину нѣкоторыхъ модъ въ Кіото, если только на моду можетъ быть какое нибудь основаніе. Придворныя дамы вырываютъ себѣ брови, замѣняя ихъ двумя толстыми черными полосками, намазанными на три или четыре пальца надъ глазами. Уже не чувствуютъ ли эти красавицы съ выдающимися скулами, что овалу лица ихъ многого недостаетъ, а потому и думаютъ удлинитъ его съ помощью этой женской хитрости, старающейся приподнять на приличное разстояніе брови, которыя природа помѣстила слишкомъ низко? За исключеніемъ нѣ-

сколькихъ прядей, сильно намазанныхъ воскомъ и положенныхъ въ видѣ фестоновъ и плетущихъ вдоль висковъ и плечъ, женщины носятъ волосы совершенно гладко, зачесываютъ ихъ безъ всякихъ искусственныхъ украшеній на темени и потомъ распускаютъ, не связывая вдоль спины. Здѣсь они удерживаются узломъ или бантомъ, назначеніе котораго довольно таинственно, тѣмъ болѣе, что всѣ знатныя дамы носятъ такую густую, волнистую косу, которая тянется почти до земли, сливаясь со складками ихъ широкой мантии. Пышность этой парчевой одежды заставляетъ думать, что въ большинствѣ свѣтъ Кіото степень женской роскоши измѣряется числомъ аршинъ матеріи, которую простая смертная имѣетъ честь влечь зади себя.

Но что означаютъ двѣ длинныя полосы, которыя выходятъ справа и слева изъ за волнистыхъ краевъ мантии? Когда дама идетъ, онѣ повинуются мѣрному движенію ея невидимыхъ, крошечныхъ ножекъ, и тогда, глядя издали, можно подумать, что на ней надѣто не платье, но широкіе панталоны, вползающіе по землѣ и позволяющіе ходить не иначе, какъ на колѣняхъ, съ помощью медленнаго движенія бедеръ. И въ самомъ дѣлѣ, этотъ костюмъ назначенъ именно для того, чтобы производить подобное впечатлѣніе. Придворныя дамы, удостоенныя чести являться въ присутствіи микадо, должны дѣлать видъ, что приближаются къ его свѣтѣйшему величеству на колѣняхъ.

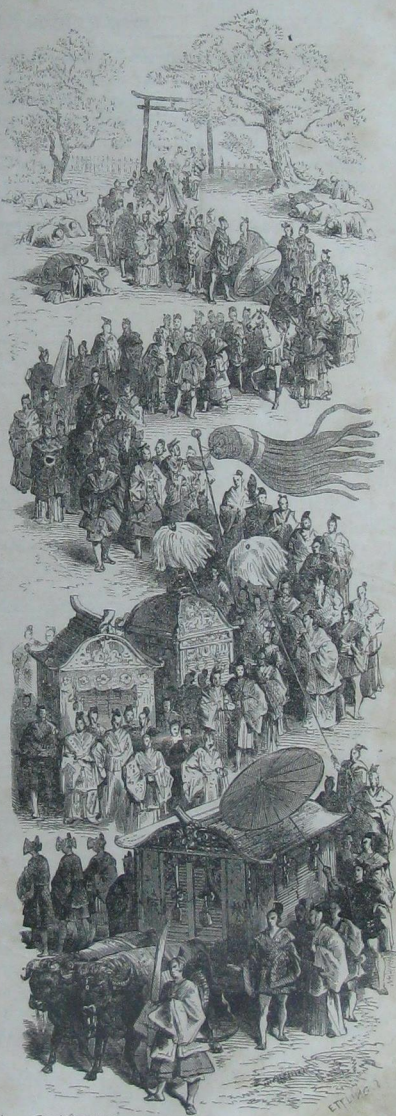
Внутри дворца не слышно другаго шума, кромѣ шелеста шелка о мѣтисъ ковра, которыми прикрыты циновокъ. Бамбуковыя сторы защищаютъ отъ яркаго солнечнаго свѣта. Ширмы, разрисованныя самыми великолѣпнымъ образомъ, тяжелыя шелковыя драпировки, бархатныя занавѣски, подвѣшенныя шелковыми кистями съ искусственно сдѣланными птицами, образуютъ перегородки и портьеры пріемныхъ покоевъ. Изящная простота не нарушается никакою мебелью, и только по угламъ видны то фарфоровый акваріумъ, убранный натуральными цвѣтами и деревьями, подобранными и установленными такъ мастерски, что могутъ поспорить даже съ самою красивою картиною; то ящикъ съ перламутровою инкрустациею; то этажерка съ собраніемъ объемистой антологической поэзіи древней имперіи, и тутъ же одинъ сборникъ, переписанный на золотыхъ листахъ. Запахъ дорогаго дерева, тонкихъ циновокъ, свѣжыхъ матерій, смѣшивается съ чистымъ воздухомъ, проникающимъ со всѣхъ сторонъ черезъ открытыя ставни. Молодыя придворныя дѣвушки приносятъ чай и различныя сладости изъ столовой императрицы. *Кизаки*, надменная повелительница двѣнадцати прочихъ законныхъ жепъ микадо и толпы его наложницъ, поджавши ноги, сидитъ въ гордомъ отдаленіи на верху широкой эстрады, возвышающейся въ залѣ. Статсъ-дамы и прислужницы ея сидятъ или стоятъ на колѣняхъ зади ея, въ почтительномъ разстояніи, у подножія ступенекъ эстрады. Картина эта напоминаетъ цвѣточныя клумбы, тѣмъ болѣе, что каждая группа носитъ, смотря по своему іерархическому положенію, извѣстные костюмы и извѣстные цвѣта.

Что касается императрицы, то складки ея одежды расправлены и отброшены съ такимъ искусствомъ вокругъ всей особы, что окружаютъ ее какъ бы ослѣпительнымъ вѣяніемъ газа, крепа и парчи, а три вертикальныхъ золотыхъ пластинки на верху діадемы имѣютъ видъ тычинокъ, какъ у свазочной царицы цвѣтовъ.

Приглашенныя помѣщаются концентрическими полукругами противъ государыни. По знаку ея руки, дежурныя статсъ-дамы приближаются и, простершись ницъ, выслушиваютъ необходимыя повелѣнія для начала анекдотическихъ разговоровъ или литературныхъ составзаній. Дворъ кизаки составляетъ «Академію Цвѣточныхъ Игръ» въ Яноніи. На третій день третьяго мѣсяца, въ первой половинѣ апрѣля, всѣ образованнѣйшіе умы двора даири собираются въ цвѣтущихъ садахъ замка, на берегу свѣтлыхъ источниковъ; сави въ лакированныхъ чашахъ ходитъ вокругъ, и въ тоже время между придворными кавалерами и дамами начинается родъ поэтическаго турнира: кто скорѣе придумаетъ поэтическіе стансы на пробужденіе природы и напѣшетъ ихъ на классическомъ опаканѣ изъ бѣлаго кедръ, разукрашеннаго листьями плюща.

Впрочемъ, дворъ императрицы допускаетъ и другія развлеченія, кромѣ литературныхъ составзаній. При немъ находилась капелла, исключительно изъ струнныхъ инструментовъ. Съ музыкою соединялись и театральныя представленія. Труппа молодыхъ комедіантокъ играла небольшія волшебныя оперы или выполняла характерныя танцы: одни—методическіе, важныя, требовавшіе употребленія мантий съ длинными плечѣями и длинными височными рукавами, другіе—живые, легкіе, полные фантазіи, съ переодѣваньями, гдѣ танцовщицы появлялись съ крыльями птичекъ или бабочекъ.

Дама двора даири, кромѣ того, имѣли свои рѣшетчатые ложи не только на императорскомъ театрѣ, но въ циркѣ борцовъ и боксеровъ, причисленныхъ ко двору микадо, въ силу пріветогіи 21-го года до начала христіанской эры. Наконецъ, въ увеселительныхъ домахъ своихъ онѣ любили, въ пе-

Большая процессія микадо въ Кіото,

большомъ вѣружѣ близкихъ, смотрѣтъ съ веранды на пѣтуши бои. Такіе обычаи и нравы двора Кіото сохранились и до сихъ поръ, съ тѣмъ только различіемъ, что нѣтъ уже и слѣдовъ прежней артистической и литературной жизни. Это послѣдніе свидѣтели цивилизаціи древней имперіи. Сосредоточенные теперь на одномъ только пунктѣ Японіи, они представляются такими же неподвижными, какъ гробницы погребальныхъ холмовъ. А между тѣмъ, вокругъ древняго Міако новая жизнь охватываетъ города и села. Тайкунъ развиваетъ здѣсь сѣтъ гражданскихъ и военныхъ учреждений новой своей монархіи, и уже дымъ западныхъ пароходовъ, передъ портами внутренняго моря, возвышаетъ приближеніе европейской цивилизаціи.

Эти обстоятельства придаютъ трагическій интересъ настоящему положенію древняго наслѣдственнаго и теократическаго императора Японіи, этого невидимаго микадо, о которомъ даже и не говорятъ, если дѣло коснется описанія его двора. Но онъ также долженъ будетъ выйти изъ окружающаго таинственнаго мрака. Сила событій разомъ вызоветъ его передъ взоры всѣхъ на современную историческую сцену.

ГЛАВА XIV.

УПАДОКЪ МИКАДО.

Изаченіе микадо. — Визитъ тайкуна. — Распутство кавалеровъ святѣйшаго двора. — Храмъ первосвященническихъ аудіенцій. — Раздача денегъ.

Двѣсти лѣтъ тому назадъ, въ царствованіе третьяго сіюгуна изъ династіи Йейасовъ, счастливаго заурпатора гражданской и военной власти микадо, когда имперія пользовалась прочнымъ миромъ, владычеству Сіюгуна ничто не угрожало, онъ вдругъ задумалъ сдѣлать визитъ приличія своему владыкѣ и повелителю, низложенному императору.

Неожиданное событіе это повергло всѣхъ въ волненіе. Мѣстные артисты принялись воспроизводить самыя интересныя сцены путешествія сіюгуна и свиданія его съ микадо. Усердіе, съ какимъ они старались удовлетворить любопытству своихъ современниковъ, оставило такіе документы, которые способны пролить яркій свѣтъ на цѣлую эпоху въ исторіи Японіи, эпоху, еще недавно служившую темой самыхъ противорѣчащихъ толкованій. Періодъ глубокой тишины, безъ внутреннихъ волненій, безъ замѣчательныхъ событій во внѣшнихъ сношеніяхъ, представляетъ собою лишь тотъ интересъ, который сосредоточивается на взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ государей. Голландскіе резиденты Децимской факторіи, единственные очевидцы этого порядка вещей, характеризовали его въ выразеніяхъ неопредѣленныхъ и, въ нѣкоторомъ отношеніи, даже сомнительныхъ, но въ тоже время они до такой степени ловко даютъ разгадку положенія, что замѣнить ихъ, или исправить, почти невозможно. Они назвали микадо духовнымъ императоромъ, а Кіото святымъ городомъ, или японскимъ Римомъ; сіюгуну они дали титулъ свѣтскаго императора, резиденцію же его, Іедо, обозначали прозаическимъ политическій столицы имперіи. Но во избѣжаніе спора о словахъ, тѣмъ болѣе о событіи, относящемся къ древней исторіи, откладывая въ сторону голландскія реляціи, и въ деталяхъ, которыми намѣренъ изложить, рѣшаюсь руководствоваться кистью самихъ японцевъ.

Микадо, неоспоримо, занимаетъ верховное мѣсто въ іерархическомъ порядкѣ имперіи.

Сіюгунъ, собственно говоря, не болѣе какъ первый генералъ Микадо и намѣстникъ его по управленію общественными дѣлами.

Если сіюгунъ сумѣлъ злоупотребить своимъ положеніемъ, чтобы присвоить себѣ верховную власть по гражданской и военной части, то микадо, съ своей стороны, сохраняетъ выгоду происхожденія и престижъ своего священнаго характера.

Внукъ солнца, онъ продолжаетъ преданіе боговъ, полубоговъ, героевъ, наслѣдственныхъ монарховъ, царствовавшихъ въ Японіи непрерывнымъ рядомъ, начиная съ самаго образованія имперіи рѣсьми великихъ острововъ. Верховный глава религіи, каковы бы ни были формы ея въ народѣ, онъ

отправлять богослуженіе, какъ державный первосвященникъ древнѣйшаго національнаго культа ками. Во время дѣянаго соизволенія онъ приноситъ жертву землѣ, во время зимняго — небесамъ. Особое божество исключительно занимается обереганіемъ его драгоценной судьбы: день и ночь бодрствуетъ оно надъ даири изъ глубины храма, на вершинѣ горы Камо, по сосѣдству съ резиденціей. Наконецъ, по смерти микадо, имена ихъ вписываются въ храмахъ предковъ: въ Киото — въ храмѣ Гатчимана, въ Исійа — даже въ храмѣ солнца.

Теократическій императоръ и наслѣдственный монархъ, микадо, безспорно, получилъ власть свою надъ народомъ съ неба, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не сознаться, что, въ наше время, онъ рѣшительно не можетъ ее ни на что употребить. — Время отъ времени приходитъ ему фантазія раздавать нѣкоторымъ старымъ феодальнымъ вельможамъ, за ихъ заслуги, пышные титулы, имѣющіе лишь одно почетное значеніе. Изрѣдка онъ доставляетъ себѣ удовольствіе громко протестовать противъ поступковъ своего свѣтскаго намѣстника, когда ему покажется, что эти поступки нарушаютъ его привилегіи. Такъ, и въ наше время, онъ поразилъ интердиктомъ трактаты, заключающіе тайкуномъ съ различными народами Запада. Впрочемъ, впоследствии, онъ самъ ихъ санкціонировалъ, когда союзныя эскадры появились передъ стѣнами Осаки, что съ ихъ стороны служило свидѣтельствомъ признанія его верховнаго главенства.

Въ глазахъ кіотскаго двора тайкунъ никогда не переставалъ считаться не болѣе какъ счастливымъ наслѣдникомъ престоначальниковъ узурпаторовъ. Предки его, сіюгуны, дѣйствительно тѣ старинныя слуги микадо, которые задались мыслью лишить своего владыку арміи, флота, земель и сокровищъ, точно какъ будто нарочно хлопотали снять съ него бремя всякихъ земныхъ заботъ.

Быть можетъ, увы! микадо слишкомъ легко поддался всему этому. Потому только, что ему предназначили для ежедневныхъ прогулокъ въ садахъ парка двухколесную повозку, запряженную однимъ воломъ, онъ не долженъ былъ ради подобной привилегіи (безъ сомнѣнія весьма значительной въ странѣ, гдѣ никто не ѣздитъ въ экипажахъ), пожертвовать мужественными упражненіями стрѣльбы изъ лука, соколиной охоты, блестящими кавалькадами во время гоуби «олени или дикаго кабана». Точно также можно было не дѣлать его невидимымъ и въ тоже время извѣстнымъ утомительныхъ церемоній, во время которыхъ его выставляли, неподвижно сидящаго на возвышеніи, нѣмому облаченію распростертаго ницъ двора. Говорятъ, будто теперь микадо сохраняетъ сношенія съ вѣнскимъ міромъ только черезъ посредство женщинъ, обязанныхъ прислуживать и заботиться о его особѣ. Онѣ одѣваютъ его и кормятъ, выбираютъ ему каждый день новое платье и подносятъ кушанья на посудѣ, изготовленной въ тотъ самый день на фабрикѣ. Последняя сохраняетъ монополію этой поставки, въ теченіе столѣтій. Ноги священной особы никогда не касаются пола, голова никогда не обнажается днемъ, передъ взглядами грѣбховой толпы. Однимъ словомъ, микадо не долженъ никогда испытывать дѣйствій или прикосновеній ни стихій, ни солнца, ни луны, ни земли, ни людей, ни самаго себя.

Свиданіе должно было происходить въ Киото, этомъ священномъ городѣ, который микадо не дозволено оставлять. Онъ владѣетъ въ немъ только дворцомъ, фамильными храмами; собственно же города, находится подъ властью свѣтскаго императора. Последний отдаетъ доходы его на издержки духовнаго государя и удостоиваетъ содержать тутъ постоянный гарнизонъ для защиты первосвященнскаго престола.

Когда предварительныя условія уладились съ той и другой стороны, прокламація возвѣстила о днѣ отъѣзда тайкуна изъ его столицы — обширнаго и населеннаго Іедо, города совершенно новыхъ временъ, центра политическаго и гражданскаго управленія имперіи, мѣстопребыванія морской и военной школы, коллегіи переводчиковъ, академіи философіи и медицины.

Императору предшествовалъ отрядъ, снаряженный по европейски. Пока отборныя войска эти, состоявшія изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, направлялись на Киото сухимъ путемъ, слѣдуя по большой императорской дорогѣ, военному флоту отдано было приказаніе приготовиться къ отплытію во внутреннее море. Самъ свѣтскій государь сѣлъ на большую военную джонку, и эскадра, выйдя изъ іедскаго залива, обогнула мысъ Сагами и полуостровъ Идзу, прошла черезъ Линцотекскій проливъ, и, лавируя вдоль восточныхъ береговъ острова Авадзи, бросила якорь въ Хіогоскомъ рейдѣ, гдѣ сіюгунъ ступилъ на берегъ, среди дворянства прибрежныхъ провинцій, павшаго ницъ передъ нимъ на низменномъ прибрежьи, покрытомъ драгоценными коврами.

Торжественный въездъ его въ Киото послѣдовалъ спустя нѣсколько дней, безъ всякой военной демонстраціи, кромѣ пришедшихъ съ нимъ войскъ, потому что микадо не имѣетъ въ своемъ распо-

ряженіи ни пушекъ, ни солдатъ, но только нѣсколько парадныхъ тѣлохранителей, набравшихъ между родственными фамиліями и феодальнымъ дворянствомъ. Даже при такихъ скромныхъ условіяхъ, онъ съ трудомъ удовлетворяетъ издержкамъ двора. Такъ какъ сборы съ жителей резиденціи недостаточны, то онъ вынужденъ одною рукою принимать ежегодную сумму, которую тайкунъ соглашается выплачивать изъ своей казны, а другою—сборы въ пользу его нѣкоторыхъ монашескихъ орденовъ, посылающихъ ежегодно своихъ сборщиковъ изъ деревни въ деревню, до самыхъ отдаленныхъ закоулковъ государства. Если что еще позволяеть ему поддерживать свой санъ, такъ это геройское без-

Японскій толмачъ въ придворномъ костюмѣ.

корыстіе большинства высшихъ сановниковъ. Изъ нихъ есть такіе, которые служатъ безъ всякаго вознагражденія, кромѣ дароваго пользованія богатыми парадными костюмами стараго императорскаго гардероба. Снявъ ливрею эту и пришедъ домой, гордые японскіе аристократы смиренно садятся за теацкій столикъ или за швейный пильца. Не одна изъ богатыхъ шелковыхъ матерій Кіото, возбуждавшихъ удивленіе мастерскимъ выполненіемъ рисунка или узора, вышла изъ княжескихъ домовъ, имена которыхъ вписаны въ календарь ками.

Эти обстоятельства не помѣшали микадо выказаться въ день свиданія, передъ глазами царственного посѣтителя, всю торжественность великой процессіи даири. Онъ выѣхалъ изъ дворца, въ сопро-

вожденіи своихъ лучниковъ, всего семейства, двора и первосвященнической санты, черезъ южныя ворота, которыя были разрисованы въ концѣ девятаго вѣка картинами историческаго содержанія, знаменитымъ живописцемъ и поэтомъ Козѣ Канаоко. Процессія отправилась вдоль бульваровъ, до предмѣстій, ^бомываемыхъ Идогавой, и возвратилась затѣмъ къ замку по главнымъ улицамъ города. — Въ главѣ кортежа несли торжественно древніе знаки верховной власти микадо: зеркало Ицанамі, его прародительницы, плѣнительной богини, давшей жизнь солнцу на островѣ Авадзи; славныя знамена, которыхъ длинныя бумажные лоскуты развивались надъ войсками завоевателя Цинму; сверкающій мечъ героя Юмато, сразившаго осьмизглавую гидру, которой приносили въ жертву непорочныхъ дѣвицъ княжеской крови; печать, прикладывавшуюся къ первымъ законамъ имперіи; опахало изъ кедроваго дерева, въ видѣ рѣшетчатой дощечки, замѣнявшее скипетръ и переходившее, въ теченіе бо- лѣе двухъ тысячъ лѣтъ, отъ одного микадо къ другому.

Не стану останавливаться надъ другою коллекціей, предназначенной, безъ сомнѣнія, для дополненія и вѣщаго блеска первой, именно—надъ значками, расшитыми гербами всѣхъ древнихъ вѣл- можныхъ родовъ имперіи. Быть можетъ, тайное назначеніе ихъ заключалось въ томъ, чтобы напоми- нать тайкуну, что въ глазахъ стариннаго мѣстнаго дворянства онъ былъ не болѣе, какъ высочка. Но высочка могъ снисходительно улыбаться при мысли, что всѣ японскіе вельможи, какъ великіе, такъ и малые дайміосы, обязаны, тѣмъ не менѣе, проводить по шести мѣсяцевъ въ году при его дворѣ въ Іеддо и заявлять свои вѣрноподданическія чувства среди новаго дворянства, созданнаго его волею.

Самое многочисленное и живописное отдѣленіе процессіи составляли представители всѣхъ сектъ, признававшихъ духовное верховенство микадо. Сановники древняго культа ками очень мало разли- чались, по костюму, отъ знатнѣйшихъ придворныхъ чиновъ. Я имѣлъ уже случай говорить о томъ, что при зарожденіи этой религіи, японцы не имѣли вовсе священства. Напротивъ, буддизмъ, явив- шійся изъ Китая и быстро вкоренившійся по всей имперіи, представлялъ безконечное разнообразіе сектъ, обрядовъ, орденовъ и братствъ. Волпы и монахи этой религіи тянулись въ кортежѣ некон- чаемыми рядами, одни съ выстриженною или гладко-выбритою головою, обнаженною или прикрытою страннымъ токомъ, другіе въ митрахъ въ митрахъ и длиннополныхъ шляпахъ. Въ правой рукѣ у нихъ видны бы- ли то посохи, то четки, то мухоловки, то загнутая морская раковина, то кропило съ навязанными лоскутками бумаги. Ступаны, стихари, мантии всѣхъ видовъ и цвѣтовъ дополняли костюмъ.

Всѣмъ за ними шли служачіе при дворѣ микадо. — Въ парадной формѣ своей, тѣлохранители первосвященника болѣе всего стараются блеснуть щегольствомъ. Предоставивъ колотуши и панцири воинамъ тайкуна, они предпочитаютъ небольшую лакированную шапочку, украшенную на обонхъ вискахъ бантами, въ видѣ раскрытаго вѣера. и шелковое полукафтанье, обшитое по всѣмъ швамъ кружевными фестонами. — Ноги ихъ исчезаютъ въ небяжной ширинѣ и длинѣ панталонъ; большая выпнутая сабля, дукъ и колчанъ со стрѣлами составляютъ вооруженіе. Нѣкоторые изъ нихъ, верхомъ на лошади, вертѣли въ рукахъ длинный хлыстъ, удерживавшійся у кисти шелковымъ шнуркомъ съ бахроменными концами.

Но подъ аристократическою внѣшностію очень часто кроется возмутительная грубость ха- рактера. Распущенные и безпокойные нравы молодыхъ кавалеровъ свѣтлѣйшаго двора Японіи вносятъ въ исторію такія страницы, которыя напоминаютъ печальные дни папскаго Рима, по времена Цезаря Борджіа. Голландецъ Конрадъ Крамеръ, посланный нидерландскою индійскою компаніей ко двору Киото, имѣлъ случай присутствовать, въ 1626 году, на праздникѣ, данномъ по случаю посѣщенія свѣтлѣйшмъ императоромъ своего духовнаго государя. Онъ рассказываетъ, что на другой день торже- ства на улицахъ столицы подбирали трупы женщинъ, молодыхъ дѣвушекъ и дѣтей, жертвъ ножнаго насилія. Гораздо большее число замужнихъ женщинъ и молодыхъ дѣвицъ изъ Осаки, Саккаи и про- чихъ сосѣднихъ городовъ, которыхъ любопытство привело въ Киото съ мужьями или родственни- ками, пропали въ толпѣ народа, нахлынушаго въ улицы, и отыскались только черезъ восемь или пят- надцать дней. Семейства ихъ, сколько ни жаловались, не могли добиться правосудія противъ по- хитителей.

Многоженство существуетъ въ Японіи только для микадо, или, лучше сказать, облачается толь- ко для него одного въ легальную форму государственнаго учрежденія, потому весьма натурально, что тому захотѣлось, при подобной церемоніи, выказать свою привилегію въ полномъ блескѣ. Она стоитъ ему довольно дорого! Это пропасть, края которой прикрыты цѣпями: первые узурпаторы

императорской власти вырли ее подъ ногами наслѣдниковъ Цинму. Какая коварная улыбка должна была пробѣгать по губамъ тайкуна, при видѣ вереницы каретъ даири!

Послѣднія сдѣланы изъ дорогаго дерева, полированного и разноцвѣтнаго, и запряжены каждая двумя черными быками, которыми управляютъ нажи въ бѣлой одеждѣ. Въ каретахъ за рѣшетчатыми портьерами сидѣли императрица и двѣнадцатъ другихъ законныхъ женъ микадо: послѣдній не могъ найти приличнаго предлога, чтобы отказать имъ въ употребленіи такого экипажа. Любимыя наложницы и пятьдесятъ статей-дамъ императрицы слѣдовали сзади въ закрытыхъ паланкинахъ.

Самъ микадо при выѣздахъ изъ замка постоянно употребляетъ первосвященнической поримонъ. Этотъ паланкинъ, утвержденный на длинныхъ дрогахъ и вѣтренный пощеніемъ пятидесяти носильщиковъ въ бѣлой дивреѣ, возвышается издали надъ толпою. Онъ сдѣланъ въ формѣ микози или раки, въ которой покоятся святыя мощи ками. Мы можемъ сравнить его съ садовымъ павильономъ, куполь котораго, служащій вмѣсто крыши, расширяется при основаніи и обвѣшивается маленькими колокольчиками. Куполь паланкина оканчивается шаромъ, и на этомъ шарѣ сдѣлана птица, похожая на коловальчика. Куполь паланкина оканчивается шаромъ, и на этомъ шарѣ сдѣлана птица, похожая на коловальчика. Куполь паланкина оканчивается шаромъ, и на этомъ шарѣ сдѣлана птица, похожая на коловальчика. Изображеніе это — ни болѣе-ни менѣ какъ мифологическая птица, извѣстная въ Китаѣ и Японіи подъ именемъ Фобъ.

Переносный павильонъ блеститъ со всѣхъ сторонъ позолотою и закрытъ такъ герметически, что туда, кажется, и посадить нельзя никого. Между тѣмъ онъ выполняетъ на самомъ дѣлѣ высокое назначеніе свое, въ чемъ легко убѣдиться, посмотрѣвъ на женщинъ, идущихъ сбоку обѣихъ портьеръ и замѣняющихъ домашнюю прислугу микадо. Только онѣ имѣютъ право окружать его особу. Даже для своего двора, точно такъ, какъ и для народа, микадо существуетъ лишь въ представленіи невидимаго, безмолвнаго и недоступнаго божества. Такой характеръ успѣли придать ему и во время сцены его свиданія съ тайкуномъ.

Есть между строеніями замка одно, кладущее на Кіото отпечатокъ резиденціи (міако) и которое можно назвать храмомъ первосвященническихъ аудіенцій, потому что оно воздвигнуто во вкусѣ священной архитектуры, общей зданіямъ культа ками, и называется, подобно имъ, міа. Оно прислонилось одною стороною къ тому корпусу дворца, гдѣ живетъ микадо, и возвышается въ глубинѣ обширнаго вымощеннаго и обсаженнаго деревьями двора. Сюда собирается почетная свита въ дни великихъ торжествъ. На привилегированной площадкѣ выстраиваются адъютанты и отрядъ гвардіи тайкуна, потомъ различныя группы сановниковъ изъ свиты микадо, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лучниковъ даири.

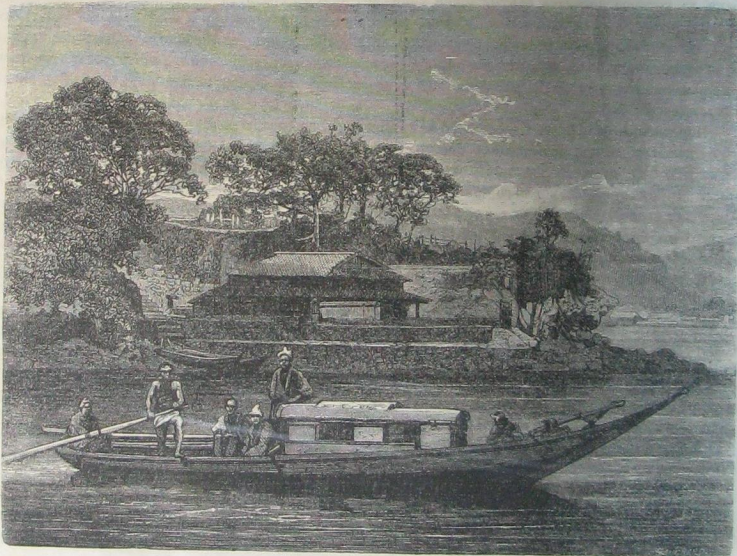
Женщины удаляются въ свои комнаты. Делегации бонъ и монашескихъ орденовъ размѣщаются вдоль стѣнъ ограды. Созданы тайкунальнаго гарнизона въ Кіото, поставленные на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, образуютъ по обѣимъ сторонамъ шпалеры, вплоть до широкихъ ступеней фасада. Этимъ путемъ приходятъ придворные микадо, одѣтые въ мантии съ длиннымъ шлейфомъ, и мѣрными шагами слѣдуютъ одинъ за другимъ, и величественно всходятъ по ступенямъ, и становятся справа и слева на верандѣ, обернувшись лицомъ къ закрытымъ дверямъ большой тронной залы. Передъ тѣмъ какъ усесться на своемъ посту, они старательно приподнимаютъ шлейфы своихъ мантий и отбрасываютъ нижнія полы на балюстраду веранды, такимъ образомъ, чтобы выставить на показъ гербы, вышитые на этой части одежды. Вскорѣ вся галерея начинаетъ нестрѣль самую блестящую декораціей.

Между тѣмъ звуки флейтъ, морскихъ раковинъ и гонговъ, раздающіеся на лѣвой сторонѣ зданія, возбуждаютъ вступленіе микадо въ святилище; въ толпѣ царствуетъ глубочайшее молчаніе. Еще часъ проходитъ въ религиозномъ ожиданіи, пока не кончатся всѣ приготовления къ приему. Внезапно раздается военный маршъ и даетъ знать о прибытіи тайкуна. Онъ идетъ по аллеѣ пѣшкомъ и безъ свиты; за нимъ въ почтительномъ разстояніи слѣдуютъ первый его министръ, начальники флота и арміи и нѣсколько членовъ придворнаго совѣта въ Іедо. Онъ останавливается на минуту у подошвы большой лѣстницы и въ то же время двери храма растворяются маду-по-маду, скользя въ своихъ пазахъ, на-право и на-лѣво. Наконецъ, онъ всходитъ по ступенямъ, и тогда открывается картина, которую такъ долго и томительно ждало все собраніе.

Огромная штора изъ бамбуковой коры, окрашенная въ зеленый цвѣтъ, спущена съ потолка залы и не доходитъ на два или на три фута до порога. Черезъ этотъ узкій промежутокъ можно различить постель изъ циновки и ковровъ, на которой распростерты широкія складки пышной бѣлой одежды. Въ этомъ только и состоитъ появленіе микадо на тронѣ.

Сплетенная рѣдко штора позволяетъ ему все видѣть, но быть самому видимымъ. Куда бы ни обратились его взоры, они вездѣ встрѣчаютъ головы, преклонившіяся передъ его невидимымъ величествомъ. Одна только возвышается еще на ступеняхъ храма, но она увѣнчана высокимъ золотымъ токомъ, царственнымъ знакомъ свѣтскаго главы имперіи. Однако и онъ, могущественный государь, власть котораго не встрѣчаетъ болѣе сопротивленія, взойдя на послѣднюю ступень, склоняется, медленно опускается, падаетъ на колѣни, простираетъ руки впередъ къ порогу тронной залы и преклоняетъ чело свое до земли.

Съ этой минуты перемѣна свиданія считается выполненною, цѣль торжества достигнута: тайкунъ повергся, передъ глазами всѣхъ, къ ногамъ микадо.

Японская лодка (сампанъ).

Но, скажутъ быть можетъ, съ какой стати Миномато Іемитцъ явился на добровольное униженіе въ храмъ даири? Развѣ онъ не рисковалъ компрометировать такимъ неосторожнымъ поступкомъ ту власть, которою былъ обязанъ военному и политическому счастью своего предка?

Напротивъ, мнѣ кажется, что достойный внукъ коварнаго Гейласа сдѣлалъ въ этомъ случаѣ все, чтобы упрочить несомнѣнно твердыя основы своего правительства. Послѣдствіемъ кіотскаго свиданія были два факта, изъ которыхъ одинъ слѣдуетъ считать вещь малозначущею, чистою формальностью, чѣмъ-то въ родѣ общаго мѣста, тогда какъ другой имѣетъ все значеніе посвященія, котораго недоставало пока династіи сіюгуновъ. Первымъ, то есть актомъ колѣнопреклоненія, свѣтскій властитель свидѣтельствовалъ только, что онъ продолжаетъ быть, по преданію, покорнымъ сыномъ великаго первосвященника національной религіи; но вторымъ, то есть принятіемъ этой почести, теократическій императоръ признавалъ формально представителя династіи, которая только что основалась подлѣ единственной законной отрасли и даже въ противность воли даири. Повидимому объ власти размыслились учтивостями — не болѣе; но въ дѣйствительности, государь не упускалъ ни малѣйшей доли захваченной власти, между тѣмъ какъ микадо отрекался всенародно отъ всякой будущей претензіи на свѣтскую власть.

Подобный результатъ, конечно, стоилъ того, чтобы сіюгунъ сталъ его добиваться цѣною политическаго колѣнопреклоненія.

Чтобы добавить еще одну черту къ значенію этого дня, Миномато Іемитцъ созвалъ во дворѣ собственнаго дворца кіотскую чернь. Въ Японіи, какъ и вездѣ, вошло въ пословицу, что кто платитъ, тотъ долженъ и командовать. Толпа стала въ порядокъ, устроилась и пала на колѣни. Сіюгунъ велѣлъ всенародно своему казначею отворить сундуки со свертками денегъ, потомъ высыпать эти деньги на блюда, разставленные въ верендѣ. Когда все было готово, отрядъ его офицеровъ поднялъ блюда, потомъ пошелъ съ ними по рядамъ народа, приглашая послѣдній братъ деньги и наблюдая за тѣмъ, чтобы никто не былъ обдѣленъ щедротами свѣтскаго государя.

ГЛАВА XV.

ЭКСКУРСІЯ ВЪ КАНАЗАВУ.

Лѣто въ Японіи. — Морская прогулка. — Японскіе лодочники. — Каназавская бухта. — Каназава. — Гостиница. — Неудача.

Лѣто въ Японіи рѣдко представляетъ непрерывный рядъ ясныхъ дней; въ продолженіе іюня и іюля мѣсяцевъ проливные дожди перемежаются съ удручающими жарами; грозы, сколько я могъ замѣтить, бываютъ рѣдко и не представляютъ особенной опасности. Чаше всего тучи собирались вокругъ Фузи-Іама и грозно надвигались надъ заливомъ, но послѣ двухъ или трехъ ударовъ грома, обыкновенно удалялись по направленію морскаго прилива, оставляя за собою блестящую радугу и небо самой ясной лазури. Никогда не былъ я свидѣтелемъ тѣхъ ужасныхъ смерчей, которые извѣстны въ странахъ крайняго Востока подъ именемъ тифоновъ. Землетрясенія, которымъ такъ подвержена Японія, случались въ жаркое время года, среднимъ числомъ, въ пропорціи двухъ разъ въ три мѣсяца, но причиняя большихъ поврежденій. Конецъ іюня и первыя двѣ недѣли іюля были самыми спокойными днями, какіе только я проводилъ въ Японіи. Спокойствіе, которымъ мы наслаждались въ Бентавѣ, ничѣмъ не нарушалось, и я долженъ былъ покинуть эту, уединенную резиденцію, только на время возмущеній, послѣдовавшихъ за англійскими протестаціями, возникшими по поводу убійства Ричардсона. Была даже одна минута, когда казалось, что Японія находится наканунѣ своего разрыва съ могущественнымъ Западомъ.

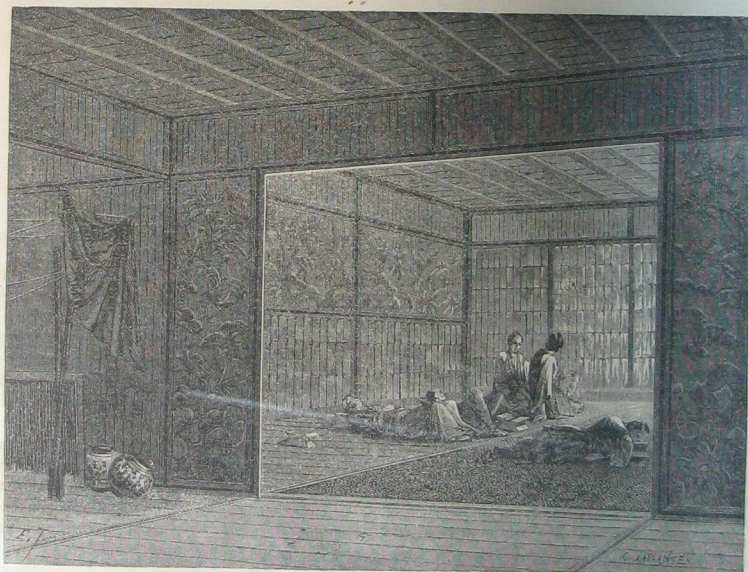
Находясь въ это самое время то въ Іедо, то въ Іокогамѣ, я вернулся въ Бентавъ съ однимъ изъ моихъ товарищей по дипломатіи, и очутился тамъ полнымъ хозяиномъ, потому что нидерландскій генеральный консулъ, будучи отозванъ на время въ Нагасаки, далъ мнѣ знать, что если онъ не оставитъ мнѣ ключей, то только потому, что ключей отъ дома совсѣмъ не имѣется.

Переходъ мой въ это жилище не представлялъ особенныхъ затрудненій, потому что все осталось въ прежнемъ порядкѣ и на прежнемъ мѣстѣ, начиная отъ привратника до моего рабочаго стола и бамбуковаго кресла. Одна только моя постель нѣсколько измѣнилась: отъ нея остался матрацъ, разосланный прямо на полу—на циновкахъ, и покрытый простой холщевой простыней, безъ всякаго другаго одѣяла. Это прокладное ложе было окружено обширнымъ «москитеромъ» изъ бѣлаго газа, натянутого на высокія рамы, поставленные четыреугольникомъ. Превосходно прилаженная дверь служила входомъ въ эту ограду, столь замысловато-придуманную для охраненія моего покоя. И однако, сколько разъ, переступая за порогъ этого убѣжища, не смотря на всѣ принятія предосторожности, не смотря на легкій костюмъ, въ которомъ въ Индіи ложатся спать совсѣмъ одѣтыми, я принужденъ былъ, въ ту самую минуту, какъ начиналъ погружаться въ сладкій сонъ, внезапно вскакивать съ постели, чтобы избавиться отъ непріятеля, который занялъ мѣсто раньше меня или вошелъ вмѣстѣ со мною.

Японскія ночи въ жаркое время года такъ же тягостны для европейца, какъ и ночи подъ тропиками. Сильная испарина и москиты превращаютъ въ муку каждое занятіе, требующее усидчивости. Прогулка послѣ сумерекъ совершенно теряетъ свою прелесть; сонъ бѣжитъ въ продолженіе нескончаемыхъ часовъ отъ ложа, куда его упорно призываютъ.

Истомленные, мы отправляемся искать спасенія въ воздушномъ убѣжищѣ, на бельведерѣ на нашей крышѣ. «*То*» обыкновенно заботится перенести намъ туда курительный табакъ «бразеро» съ большимъ запасомъ манильскихъ сигаръ, и даже маленький погребокъ, ликеровъ, предназначенный для американскаго грога.

Первое впечатлѣніе, охватывавшее насъ на этой высотѣ, чувство освобожденія и покоя: — необъятный сводъ неба, усыпаннаго звѣздами, спокойствіе рейда, на которомъ рисуются темныя сплуты

Спальня въ японской гостиницѣ.

военныхъ судовъ; глубокая тишина улицъ японскаго города, кое-гдѣ пронизаннаго колеблющимся свѣтомъ сторожевыхъ фонарей: все насъ окружающее располагало умъ къ мечтательному созерцанію. Но вскорѣ насъ вызывало изъ задумчивости какое-нибудь непредвидѣнное обстоятельство: то падающая звѣзда, пронесшаяся по небу, то блестящій свѣтъ вспыхнувшей ракеты, пущенной гдѣ-нибудь въ общественномъ саду, то фосфорическій блескъ свѣтляковъ, летающихъ вблизи отъ насъ. Чрезъ нѣсколько времени, однако, намъ приходилось сознаться, что мы не совершенно избавились отъ преслѣдованій непріятеля, и вслѣдъ затѣмъ мы начинали замѣчать, что сырость проникаетъ въ наше платье, по временамъ крупныя капли росы падали намъ на лица, и кончалось тѣмъ, что холодъ и утомленіе заставляли насъ снова возвратиться въ душную атмосферу нашихъ герметически закрытыхъ дортуаровъ.

Мы вздумали было устроить катанье на рейдѣ, въ консульской лодкѣ; но должны были ограничиться двумя первыми попытками. Возвращаясь во время отлива, мы, въ нашѣмъ тяжеломъ катерѣ, постоянно садились на мель въ большемъ или меньшемъ разстояніи отъ Бенганской пристани, такъ

что принуждены были, къ величайшей досадѣ, перебираться чрезъ отдѣляющее насъ отъ нея пространство верховъ, на плечахъ нашихъ лодочниковъ. Случившійся при этомъ констебль счелъ своимъ долгомъ обязательно предупредить насъ, что еслибъ мы продолжали свою прогулку до солнечнаго восхода, то намъ не пришлось бы жаловаться на это неудобство. Вѣроятно, онъ самъ не ожидалъ, какое дѣйствіе произведетъ его наивное замѣчаніе. За столомъ въ это время сидѣло нѣсколько нашихъ друзей, и во все продолженіе обѣда не было другаго разговора, кромѣ глубокихъ, мореходныхъ соображеній, дошедшихъ мало-по-малу до предположенія вѣхать на миссѣ Сагами, и даже обогнуть его, чтобы попасть на островъ Инозима.

Дойдя до этого пункта, наши предположенія внезапно приняли серьезный характеръ. Дорога діагонально пересѣкающая полуостровъ, образуемый Сагамійскимъ мысомъ, въ самомъ дѣлѣ, давала возможность достигъ Инозима, не подвергаясь слишкомъ дальнему мореплаванію. Мы условились, чтобы одна часть нашего общества отправилась на лодкѣ, а другая на лошадахъ, въ деревню Каназаву, расположенную въ пятнадцати верстахъ къ югу отъ Иокотами, а оттуда сухимъ путемъ мы должны были достигъ Инозима, не преминувъ посѣтить по дорогѣ монумента Камакуры, древняго города — резиденціи, находящагося въ семи верстахъ къ юго-западу отъ Каназавы.

Констебль поручено было присматривать за всѣми приготовленіями мореходнаго отдѣла нашей экспедиціи.

Наступилъ вечеръ отбѣзда; я и двое изъ моихъ друзей, рѣшившихся сопровождать меня по пути въ Каназаву, встрѣтились со мною на террасѣ Бентана въ ту самую минуту, когда корабль сторожевой эскадры, стоявшій на рейдѣ, давалъ сигналъ пушечнымъ выстрѣломъ, чтобы гасили огни. Въ ту же минуту на военныхъ судахъ раздались звуки трубъ и свистковъ, и затѣмъ все стихло. Было девять часовъ, ни малѣйшаго вѣтерка не носилось въ воздухъ; намъ было видно, какъ надъ моремъ всплывала луна изъ-за холмовъ Блафа. Нѣсколько минутъ спустя, констебль пришелъ намъ сказать, что насъ ожидаютъ сендосы.

Два японскихъ часовыхъ, съ ружьями безъ штыковъ, стояли на караулѣ у высокаго берега. Они сдѣлали намъ прощальный салютъ, на который мы пмѣ отвѣчали сообразно невиннымъ требованіямъ ихъ военнаго устава.

Изъ всѣхъ барокъ, привязанныхъ къ берегу, доносилась до насъ какъ будто тихая жалоба — мѣрная, однообразная пѣснь рыбаковъ, зывающая къ заступнику и ходатаю всего живущаго: «Амида, сжался надо мною!» Дѣйствительность этой молитвы была, по предписаніямъ бонзѣ, соразмѣрна съ числомъ минутъ, употребленныхъ на нее безъ малѣйшаго перерыва.

Экипажъ нашей экспедиціи стоялъ изъ пяти лодочниковъ, констебля, двухъ коксеновъ и китайскаго компрадора, взятаго для приготовленія купанья. Все это общество помѣщалось на палубѣ судна, каюта котораго была отдана въ полное наше распоряженіе. Мы въ ней устроили три постели изъ разныхъ мѣшковъ, лпщиковъ и одеялъ, которыми насъ снабдила наша предусмотрительность, или просто случай. Вполнѣ обезпечивъ себя относительно условій, при которыхъ мы проведемъ ночь, мы отправились на крышу нашей импровизированной спальни, въ надеждѣ что сонъ снова заставитъ насъ сойти внизъ.

Такимъ образомъ мы переплыли все пространство бухты, занятое флотомъ.

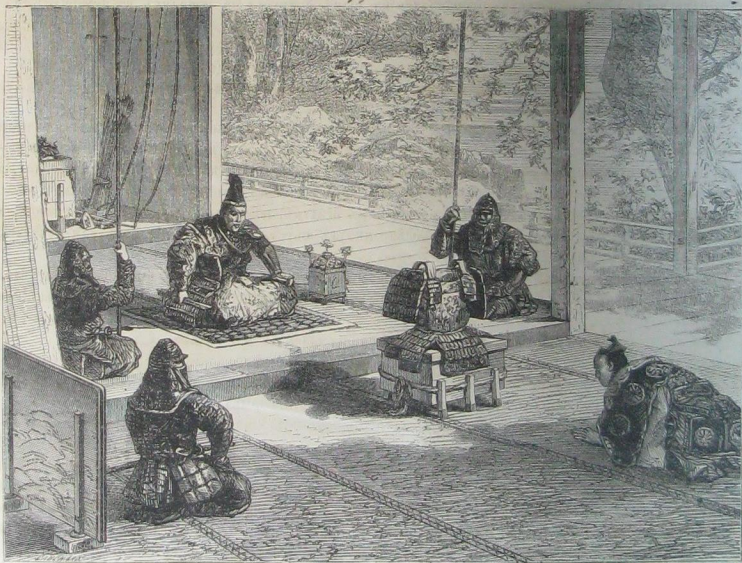
Японскіе лодочники имѣютъ обыкновеніе стоять на кормѣ лодки, по два съ каждой стороны, опираясь на длинныя и тяжелыя весла, погруженные въ воду, которымъ они сообщаютъ полукруговое движеніе, подобно гондолерамъ Венеціи. Пятый лодочникъ, занимающій главное мѣсто на лодкѣ, управляетъ рулемъ. Соединенные удары первыхъ четырехъ веселъ производить дѣйствіе, подобное Архимедову винту. Когда работа становится тяжелѣе обыкновеннаго, гребцы одобряютъ друга друга тихимъ и продолжительнымъ свистомъ, который они производятъ, вдыхая въ себя воздухъ и стискивая зубы.

Въ числѣ смутныхъ звуковъ, долетавшихъ до насъ изъ европейскаго города, насъ въ особенности интересовало соло на кларнетѣ, изображавшее, по всей вѣроятности, меланхолическія чувства, переполнившія молодое германское сердце, послѣ цѣлаго дня, проведеннаго за счетной конторкой при 45—50° Ц. жару.

Подошедши къ *Эйріалуосу*, адмиральскому кораблю англійской эскадры, мы внезапно услышали, съ судна музыкальные аккоры. Музыка играла національный гимнъ, служившій торжественнымъ сигналомъ для закрытія торжества, отмываемаго на берегу. Въ тоже самое мгновеніе, въ дверяхъ нашей собственной каюты, на неизвѣстномъ намъ инструментѣ, раздалась въ отвѣтъ веселая пѣсенка, на

голосъ: «Что за счастье быть солдатомъ!» Луна въ полномъ блескѣ освѣтила торжествующую фигуру констабля, и мы поняли, кому мы обязаны этомъ забавнымъ сюрпризомъ. Онъ поспѣшилъ объявить намъ, что этотъ инструментъ онъ купилъ на сбереженные имъ деньги, и что на немъ можно играть цѣлыхъ восемь пьесъ. Надо было ихъ выслушать всѣ, одну за другой, и даже два раза, до тѣхъ поръ, пока пружина не развернулась вся.

Между тѣмъ начало разводиться легкую зыбь, и наши лодочники оставили весла и подняли парусъ; вскорѣ мы вышли въ открытое море, и потеряли изъ виду берега и пребрежнія суда. Небо слегка покрывалось бѣловатыми облаками, луна давала только слабый свѣтъ. Намъ не оставалось ничего лучшаго сдѣлать, какъ удалиться въ каюту и постараться заснуть. Увы! къ нашему величайшему ужасу москиты, забравшись неизвѣстно откуда, уже предупредили насъ. Послѣ безполезныхъ попытокъ за-

Церемонія инвеституры на должность.

щититься, закрыть лицо и руки и сдѣлать геройское усиліе заснуть, мы должны были, одинъ за другимъ, оставить наши мѣста и занять прежній постъ.

Такъ какъ японское судно всегда имѣетъ при себѣ очагъ и все необходимое для стряпни, то мы и заказали своему китайцу сдѣлать чай, и провели послѣдніе часы ночи на короточкахъ передъ пылающимъ огнемъ очага, свѣтившимся на носу лодки и отражающимся въ волнахъ.

Въ то время, какъ наши силы истощались вмѣстѣ съ покорностью къ судьбѣ, мы замѣтили, что наше судно измѣнило свое направленіе. Лодочники сняли парусъ и гребли съ большимъ рвеніемъ; мы приближались къ цѣли нашего путешествія.

Въ фантастическомъ полусвѣтѣ лунной ночи, колеблясь въ туманныхъ облакахъ и начинающемъ разсвѣтѣ дня, передъ нами развѣртывалась, справа, круглая живописная возвышенность, окоймленная прелестными группами деревьевъ, а прямо противъ насъ высились зеленныя вершины, вѣнчающія островъ Вебстеръ. Мы шли берегомъ, у подошвы высокихъ, скалистыхъ стѣнъ, обращенныхъ къ возвышенью. Звучное эхо, отраженное обоими берегами, вторило ударамъ нашихъ веселъ.

Минуто спустя мы уже подходили къ Каназавской пристани. Чтобы обойти наносы, разстилающіеся кругомъ возвышенія, мы описали большую дугу, прежде чѣмъ достигли другого морского берега, у оконечности котораго, подобно башнѣ, возвышался островокъ Сивозима. Здѣсь мы направили судно въ проходъ, воды котораго были такъ мелки, что позволили нашимъ людямъ протолкать лодку шестами. Проходъ этотъ окойленъ по обоимъ берегамъ хижинами и маленькими судами, привязанными невдалекѣ. По пути мы встрѣчались съ рыбацкими лодками, тихо скользящими на своей утренней промыселѣ.

Мало по малу открываются излучистыя окружности бухты. На горизонтѣ слѣва рисуются скалы сосны, густая деревья, окружающія группы домиковъ, замѣтные по ихъ бѣлымъ стѣнамъ. Справа песчаный берегъ, деревня и длинная плотина, перерѣзывающая одинъ изъ рукавовъ моря; она прерывается двумя мостами дугообразной формы, черныя контуры которыхъ ярко выдѣляются на спокойной поверхности воды, по которымъ мы медленно плывемъ. Наконецъ, мы въѣжаемъ въ окрестности Каназавы. Это маленькое селеніе очень красиво; бѣлые домики оживляютъ внутренность бухты, и простираются до самаго подножія холмовъ, покрытыхъ густою зеленью, среди которой можно замѣтить по временамъ возвышающіяся кровли храмовъ, назначенныхъ для богослуженія. Хотя селеніе съ перваго взгляда кажется скатымъ и заключеннымъ въ тѣсной гористой оградѣ, тѣмъ не менѣе оно представляется, когда подойдемъ къ нему ближе, много прелестныхъ видовъ. Здѣсь тянется морской рукавъ, пропадающій въ полѣ, засѣянномъ рисомъ, тамъ видны мосты, соединяющіе плотину съ пристанью, къ которой мы направляемся. На другомъ концѣ селенія замѣтна глубокая бухточка посреди обширныхъ соленыхъ озеръ. При входѣ въ портъ виднѣтъ маленькій храмъ, окруженный фруктовыми деревьями; онъ занимаетъ средину острова, соединяющагося плотною съ рыночнымъ мѣстомъ. Далѣе, на высокой грудѣ скалъ, выдающихся надъ священными зданіями, виднѣтъ чайный домъ съ бѣльведеромъ, откуда можно объять взглядомъ всю панораму бухты и даже отдаленнѣйшія части залива Іедо, за островами Вебстеръ и Сивозима.

Японцы живо сочувствуютъ красотамъ природы ихъ страны. Можно сказать, что они не оставляютъ ни одного живописнаго мѣста безъ того, чтобы не постараться обратить на него общественнаго вниманія. Для этого они воздвигаютъ возлѣ него часовню, тори, чайный домъ, павильонъ или какое нибудь другое мѣсто отдохновенія. Нигдѣ не представляется путешественнику столько случаевъ остановиться въ дорогѣ, отдохнуть отъ усталости подъ какимъ нибудь гостепріимнымъ кровомъ, или прохладною тѣнью деревьевъ, съ полнымъ удобствомъ предаваясь соблазнительному наслажденію созерцать граціозныя пейзажи, забывая теченіе времени и всѣ неудобства дороги.

Каназавъ, по преимуществу, представляетъ одно изъ тѣхъ спокойныхъ убѣжищъ, которыя приспособлены не столько для благаго посѣщенія простыхъ путешественниковъ, страдающихъ обыкновенно нетерпѣливостью и поспѣшностью, сколько для продолжительнаго и цѣлебнаго отдохновенія. Справедливость требуетъ однако замѣтить, что и тамъ нельзя уже болѣе найти простоты нравовъ и наивнаго добродушія японскихъ жителей въ той степени, какъ они встрѣчаются въ мѣстахъ мало понагого японскихъ жителей въ той степени, какъ они встрѣчаются въ мѣстахъ мало понагого добродушія японскихъ жителей въ той степени, какъ они встрѣчаются въ мѣстахъ мало понагого сѣщаемыхъ; эти качества неминуемо должны быть утратиться отъ соприкосновенія съ чужестранцами.

Гостинница, которую мы заняли, построена у пристани, недалеко отъ плотины, примыкающей къ священному острову.

Коежное отдѣленіе нашей экспедиціи прибыло туда въ половинѣ дня, безъ другихъ приключеній, кромѣ лошади, разбившейся на ноги и въ тотъ же вечеръ околѣвшей подъ руками ветеринаровъ и при большомъ стеченіи народа.

Между тѣмъ толпа любопытныхъ проникла даже во внутренность гостинницы. Въ наше распоряженіе была предоставлена обширная галерея надъ нижнимъ жильемъ. Нѣсколько досокъ, положенныхъ на подставки, двѣ скамьи и нѣсколько пустыхъ ящиковъ, снабдили насъ всѣмъ необходимымъ для того, чтобы сѣсть за столъ на европейскій манеръ. Мы позавтракали запасомъ нашей провизіи, къ которой хозяйка прибавила *саки*, чай, рисъ, жареную рыбу и сою. За нею шли двѣ молоденькія служанки, чисто одѣты и тщательно причесанныя. Къ концу обѣда дѣти, живущія въ домѣ, робко показались на верху лѣстницы. Самый маленькій изъ нихъ, которому я сдѣлалъ знакъ подойти, началъ громко кричать; но я успокоилъ его, вынувъ изъ своего кармана маленькіе эстампы, которыми я всегда носилъ съ собою во время молкхъ прогулокъ. Минуто спустя, онъ уже самъ подходилъ ко мнѣ, чтобы попросить ихъ, а немного погодя, подошла его мать, служанка гостинницы, и ихъ со слѣди съ своими дѣтьми. Старая бабушка выразила съ своей стороны желаніе попробовать благаго сахара, потому что въ Японіи извѣстенъ сахаръ только въ сыромъ его видѣ, доставляемый съ остро-

вовъ Лиу-Киу. Тогда началось новое распределение еще избытка первого. Мы однако дали почувствовать присутствующимъ, что какъ намъ ни пріятно было ихъ общество, однако мы все таки имѣли нужду въ отдохновеніи. Тотчасъ посѣтели и посѣтительницы удалились какъ только могли тише, стараясь доказать этимъ, на сколько они уважаютъ наше спокойствіе.

Солдаты и офицеры японской арміи XIII вѣка.

Намъ соорудили спальню въ нижнемъ этажѣ, употребивъ для этого двѣ перегородки изъ двухъ большихъ комнатъ, чтобъ раздѣлить ихъ на нужное количество отдѣльныхъ мѣстъ. Я говорю отдѣльныхъ, а не закрытыхъ, потому что простыя рамы, оклеенныя бумагой, не могутъ быть безъ дыръ, такъ что, когда я растянулся на циновкѣ, закинувъ голову на мою дорожную подушку, то мнѣ не разъ пришлось увидѣть на мѣстѣ оторваннаго клочка бумаги, блестящій глазъ, замѣнявшій ее.

Однако мнѣ удалось заснуть, хотя и не надолго, потому что, какъ кажется, циновки японскихъ хижинъ служатъ вмѣстилищемъ цѣлой орды паразитовъ, обозначенныхъ Тенферомъ подъ именемъ

домашнихъ кенгуру. Съ этимъ согласились и мои товарищи, когда мы всѣ вѣстѣ собрались въ верхней галлерей, служившей намъ главной квартирой.

Дождь помѣшалъ намъ продолжать прогулку, предпринятую для осмотра рѣдкостей Каназавы, которыхъ мы не успѣли осмотрѣть утромъ. Онъ пошелъ въ ту самую минуту, какъ мы выходили изъ бонзерии, славившейся своими бамбуковыми рощицами. Возвратившись въ гостиницу, мы начали поговаривать объ отъѣздѣ, но наши лодочники объявили, что вѣтеръ не позволитъ намъ выйти изъ бухты. Тогда мы завели музыку на констблевомъ органчикѣ и стали пить чай, а я началъ копировать входъ главныхъ дверей сосѣдняго храма. Тутъ вошла хозяйка въ сопровожденіи своей свиты, таща за собою на продажу цѣлую связку японскихъ эстамповъ, изображавшихъ виды Каназавы и Камакура, а также и различные національныя божества.

Мужъ хозяйки предложилъ намъ рыбы. Мы пошли вѣстѣ съ нимъ въ садокъ, устроенный изъ обтесанныхъ камней — лабиринтъ, сообщающійся съ моремъ, но совершенно защищенный отъ морскихъ волнъ. Мы выбрали себѣ рыбы на обѣдъ, который былъ торжествомъ рыбожорства: супъ изъ рыбы, жареная рыба, вареная рыба и даже тоненькіе ломтики сырой рыбы, опущенной въ сою, которые подавали, между прочимъ, особю, какъ подаются анчоусы. За десертомъ я спросилъ, не умѣетъ ли кто нибудь въ гостиницѣ играть на *замзень*. Хозяйка сказала мнѣ, что игра на *замзень* составляетъ неперемѣнную принадлежность женскаго воспитанія въ Японіи; но, прибавила она, — «я сейчасъ приведу вамъ учительницу музыки на этомъ инструментѣ». Она въ самомъ дѣлѣ привела свою сосѣдку, женщину среднихъ лѣтъ, заслуженную профессоршу музыки, извѣстную во всѣхъ чайныхъ домахъ столицы; она, по нашему приглашенію, сѣла съ нами за столъ, соблюдая формы самой изысканной вѣжливости. Музыкантша пришла въ восторгъ отъ органчика констбля и, удивительная вещь! — въ то время какъ мы съ такимъ трудомъ удавливали японскія мелодіи, эта искусная артистка не только подстроила свою гитару подъ тактъ нашихъ европейскихъ пѣсень, но еще и воспроизвела нѣкоторые изъ нихъ съ достаточною вѣрностью.

Мы удалились въ наши ночныя отдѣленія довольно рано. Мое — было защищено японскимъ мустикеромъ, устроеннымъ въ родѣ палатки, изъ зеленой шелковой саржи, привѣшенной къ потолку на шнуркахъ. Я спалъ довольно хорошо, не смотря на страшную духоту, меня окружающую. Хозяйка не могла однако снабдить всего общества мустикерами, и потому не удивительно было слышать въ сосѣдней комнатѣ, до самой зари, бряцанье стакановъ, звуки охрипшихъ голосовъ и неизбежныя нотки ригурнели: «Что за счастье быть солдатомъ!»

Очевидно, обстоятельства не благоприятствовали исполненію нашего плана загородной прогулки. Напрасно самые бойкіе изъ нашей компаніи покушались доказывать, что честь требуетъ неперемѣнно, чтобы ѣхать завтракать въ Иносиму. Напрасно перечисляли они чудеса этого вулканическаго острова, возникшаго въ одинъ день изъ нѣдръ океана. Какъ бы хорошо было отдохнуть тамъ на свѣжей террасѣ, на высотѣ болѣе ста метровъ надъ уровнемъ моря! Островитяне стали бы намъ предлагать, кораллы, раковины, высушенную летучую рыбу.

Они вызвались бы проводить насъ по извивамъ таинственной пещеры, уставленной идолами и простирающейся болѣе километра въ длину.

Они заставили бы насъ удивляться ихъ искусству нырять и угостили бы добычею улова.

Но ни что не въ силахъ было тронуть большинства отряда, объявившаго желаніе отдохнуть послѣ безпокойной ночи и повернуть къ вечеру снова на Йокотамскую дорогу.

ГЛАВА XVI.

РЕЗИДЕНЦИЯ ТАЙКУНОВЪ.

Камакура. — Значеніе тайкуна. — Юриото. — Отношенія двора микадо къ учрежденіямъ тайкуна. —
Обстоятельство, усилившее значеніе тайкунской власти. — Посольство Кубай-хана. — Трофеи Камагури.

Такъ какъ проектъ нашей общей экспедиціи на островъ Инозима не удался, то я хотѣлъ по-
крайней мѣрѣ посѣтить Камакуру, находившуюся отъ насъ въ разстояніи трехчасовой ходьбы. Я
отправился туда пѣшкомъ, въ сопровожденіи двухъ моихъ товарищей и констебля. Было четыре
часа утра, когда мы вышли изъ гостиницы. Мы прошли по направленію къ югу пустынные улицы
Каназавы до самаго послѣдняго выступа въ дѣли холмовъ, къ которымъ прилегалъ это селеніе. Тутъ
постройки особенной архитектуры показывали жилище вельможи. Крѣпкія стѣны окружали или
поддерживали террасы сада; главный входъ состоялъ изъ двухъ столбовъ съ дубовой перекладиной
подъ прямымъ угломъ, покрытыхъ черною лаковою краскою и отдѣланныхъ урешеніями изъ мѣди.
Входъ этотъ велъ въ обширный дворъ, на которомъ можно было различить кортегардію и другія
сруенія, позади которыхъ возвышались большія деревья, придававшія этой резиденціи еще болѣе
античный характеръ. Я узналъ, что здѣсь живетъ *даймиосъ* изъ фамиліи Госокава, одной изъ слав-
нѣйшихъ въ Японіи, и что принцъ этотъ — владѣлецъ Каназавы и другихъ мѣстъ, находящихся
подъ высшимъ правленіемъ тайкуна. Далѣе, по направленію къ западу, мы проходимъ по мосту
перекинутому черезъ весьма быструю рѣчку, и приближаемся къ той дѣли лѣсистыхъ горъ, склонъ
которыхъ раздѣляетъ Сагамійскій мысъ на двѣ покатоги. Кругомъ насъ все только обработанная
почва: бобовыя поля замѣнили посѣвъ пшеницы, снятой въ іюнѣ. Рисовыя поля вознутае еще
совсѣмъ зеленыя, но уже отягченныя зернами. Проложенныя между ними тропинки такъ узки, что
на нихъ помѣщается только одна нога; по той же дорогѣ, гдѣ мы идемъ, едва могли бы умѣститься
двѣ лошади въ рядъ. Странное пріятельствіе преграждаетъ нашъ путь: добрые старикъ съ своею
женою избрали себѣ это мѣсто для ночлега. Они спокойно спятъ на двухъ бамбуковыхъ циновкахъ
вѣроятно служившихъ имъ вмѣсто дорожныхъ плащей. Дымящіеся остатки знои показываютъ, что
тутъ былъ разведенъ огонь изъ тростника для удаленія отъ нихъ ложа докучныхъ москитовъ.

Отъ самой подошвы холмовъ дорога пзывается между песчаными и иногда остроколючными уте-
сами во многихъ мѣстахъ съ гrotами въ которыхъ видѣются маленькіе идолы, алтари и добро-
вольныя приношенія. На вершинѣ ущелья, прислонившись бокомъ къ утесу, стоитъ построенная
изъ досокъ и циновокъ хижина, вмѣщающая въ себѣ нѣсколько скамеекъ, очагъ и все нужное для
приготовленія чаю и рису. Въ этотъ ранній утренній часъ она еще совсѣмъ пуста, и все ея иму-
щество предоставляется на добрую волю публики. Я видѣлъ нѣчто надобно въ горахъ острова Явы.
Спускъ съ горы весьма крутой. Съ опушки небольшого лѣса на насъ смотритъ превосходный золо-
тистый фазанъ. Одинъ изъ моихъ товарищей не можетъ устоять противъ искушенія и спускаетъ
курокъ револьвера. Фазанъ, не тронутый пулею и не думаясь двинуться съ мѣста изъ-за такихъ
пустяковъ. Однако, послѣ нѣкотораго размысленія, онъ считаетъ болѣе удобнымъ помѣститься для
наблюденій на верхушкѣ дуба, гдѣ, къ моему величайшему удовольствію, онъ находится въ безо-
пасности отъ нашихъ пуль. Не много въ сторонѣ отъ дороги, виднѣется селеніе, кокетливо распо-
ложенное между группами цвѣтовъ и деревьевъ — у береговъ источника, вода котораго проведена
на рисовыя мельницы. Нѣсколько туземцевъ работаютъ вблизи своихъ жилищъ. При видѣ насъ,
женщина сѣвшиъ созвать къ себѣ своихъ дѣтей, дѣлавшихъ утреннее омовеніе во впадинѣ потока,
и маленькіе дикари бѣгутъ, со всѣхъ ногъ домой. Мало по малу дорога оживляется пѣшеходами и
вьючными лошадьми.

Страна, окружающая насъ, представляетъ непрерывную послѣдовательность, волнообразныхъ и
граціозныхъ извивовъ почвы, постепенно спускающейся къ морю, которое является нашимъ глазамъ
въ видѣ округленнаго залива, лазурнаго цвѣта, на которомъ, блистая, отражаются скалистыя берега
острова Инозима. Вдали, бѣлая вершина Фузи-Іама, вмѣстѣ съ туманнымъ фономъ горизонта, закан-
чиваетъ декорацию картины. Повсюду видна воздѣланная почва; все селеніе усажено рощадами и
перерѣзано струящимися источниками, черезъ которые перекинуты легкіе, дугообразные мостики.
Сельскія хижины и великолѣпные дома, только что покрытые лакомъ и обнесенные цвѣтущими са-

дами, попадаются въ большомъ количествѣ на всемъ протяженіи дороги и по склонамъ горъ. Такъ же часто попадаются часовни, священные подсвѣчники, гранитные идолы и могиленные памятники. Всѣ окрестности Камакуры свидѣтельствуютъ, что здѣсь былъ большой городъ — но большого города болѣе не существуетъ. Богатая растительность, показываясь то тамъ, то сямъ, на неровностяхъ почвы, указываетъ на мѣста, подъ которыми очевидно находятся обломки стѣнъ и мусора завалившихся прежде бывшіе каналы. Аллеи старинныхъ деревьевъ выходятъ на опустѣвшую почву, заросшую терниемъ. Когда-то эти аллеи вели во дворцы, отъ которыхъ теперь не осталось и слѣда. Японіи самыя дворцы будучи, выстроены изъ дерева, не оставляютъ по себѣ развалинъ. Въ этихъ то мѣстахъ, сіюгуны основали свою резиденцію.

Подъ именемъ сіюгуновъ разумѣются главнокомандующіе и свѣтскіе правители богоравнаго императора. Они завѣдывали дѣлами Японіи подъ управленіемъ микадо, съ конца XII вѣка до начала XVIII, отъ Минамото Ёриото, бывшаго основателемъ ихъ могущества, до Гейяса, прозваннаго Го-гензама: это былъ тридцать второй сіюгунъ, сдѣлавшій изъ Іедо политическую столицу Японіи и создавшій новую династію, послѣдніе представители которой только съ 1854 года приняли титулъ тайкуновъ.

Ёриото, родомъ изъ царственной фамиліи, обязанъ былъ воспитанію честолюбивой матери — тѣмъ качествами, которыя сдѣлали изъ него владыку и истиннаго вождя имперіи. Взросни при дворѣ Кіото, онъ рано научился понимать то состояніе разслабленія и драхости, до котораго низошла власть даири. Микадо, заключенный въ своемъ сералѣ, только и занимался интригами двора; его царедворцы предавались дѣламъ или вели самую распущенную жизнь. Старинныя фамиліи, находившіяся въ родствѣ или какой нибудь связи съ императорскимъ домомъ, злоупотребляли въ пользу своихъ дѣтей высокими званіями, занимаемымъ ими при дворѣ, и употребляли всевозможныя усилія, чтобы предоставить почетныя должности старшимъ дѣтямъ, а меньшихъ заставляли принимать духовный санъ. Что касается до дочерей, то вмѣсто заключенія ихъ въ монастырь, для нихъ испрашивали, какъ милости, допущенія ихъ въ число пятидесяти почетныхъ дамъ императрицы, которыя всѣ должны были произнести обѣтъ вѣчнаго дѣвства. Въ свою очередь, матроны высокаго званія искали случая занять чѣмъ нибудь свой умъ, предаваясь исполненію мелочныхъ церемоній, сопровождавшихъ рожденіе будущаго наследнаго принца и выборъ для него кормилицы. Изъ числа восьмидесяти древнѣйшихъ фамилій феодальнаго дворянства избирали въ кормилицы ту, которая оказывалось лучше всѣхъ одаренною качествами, необходимыми для исполненія этой важной обязанности.

Въ то время, какъ подобное происходило въ Кіото даймёсамъ, жившіе въ отдаленныхъ провинціяхъ, мало по малу утрачивали свои вѣроподобническія чувства, касательно обязательствъ, принятыхъ ими на себя въ отношеніи короны. Нѣкоторые изъ нихъ присвоили себѣ полную власть надъ императорскими ленами; другіе расширили кругъ своихъ владѣній въ ущербъ окружающимъ ихъ сосѣдямъ. Семейныя войны и жажды мщенья много лѣтъ обгадили кровью сельскія крѣпости главныхъ династій Японіи. Анархія пробуждалась быстрыми шагами. Ёриото, семейство котораго сильно пострадало отъ всѣхъ этихъ смутъ, добился отъ микадо, послѣ многихъ упорныхъ исканій, главнаго начальства и почти неограниченной власти для водворенія порядка въ имперіи. Въ эту эпоху микадо, равно какъ и его вельможи, не имѣли другаго войска для отравленія въ эту кампанію, кромѣ земскихъ милицій. Лишь только экспедиція кончалась, всѣ расходились по своимъ домамъ. Ёриото создалъ постоянную армію, усовершенствовалъ военное искусство, съ помощью котораго привелъ солдатъ въ строжайшую дисциплину, и вообще не пренебрегалъ ничѣмъ, что хоть сколько нибудь могло отвѣчать ихъ отъ привычки къ семейной жизни.

Ёриото довелъ до конца свои планы. Покоривъ даймёсовъ, пытавшихся достигъ независимости, онъ принудилъ ихъ покориться въ вѣрности и покорности ему, какъ наместнику микадо. Тѣ, которые отказались признать за нимъ этотъ титулъ, были истреблены имъ со всѣмъ семействомъ, и все имущество ихъ было конфисковано. Не разъ доведенный до бѣшенства неизданными сопротивленіями, онъ предавалъ своихъ враговъ на жесточайшія муки. Съ другой стороны, онъ зналъ всѣ интриги даири черезъ своихъ агентовъ. Начавъ свою карьеру подъ управленіемъ семьдесятъ шестаго микадо, онъ кончилъ ее только при восьмидесяти третьемъ. Императоры, мѣшавшіе ему на его пути, принуждены были отречься отъ престола; одинъ изъ нихъ принял постриженіе и заключился въ монастырь. Не прежде какъ въ царствованіе восьмидесяти втораго микадо, Ёриото былъ официально признанъ и почетенъ титуломъ сіюгуна. Онъ исполнялъ въ этомъ званіи свою должность еще двадцать лѣтъ; ему наследовалъ старшій сынъ его. Тогда въ японской имперіи образовались два различ-

ные двора: дворъ микадо въ Киото и дворъ сiюгуна въ Камакурѣ. Въ сущности, новая власть не переходила по наслѣдству; иногда, она возлагалась также и на сыновей микадо. Нисколько не смущался тѣмъ, что происходило въ Камакурѣ, духовенство и литература при дворѣ Киото находили величайшее удовольствіе въ томъ, что давало ihnen широкій умъ: они осмѣивали поперемѣнно, то важный видъ супруги сiюгуна, то безвкусіе одѣждъ ея приближенныхъ, то пошлую игру актеровъ и жеманныя манеры танцовщицъ. Или они принимались судить пестроту военныхъ мундировъ которую ввѣлъ Токитомо, или осуждали вульгарность манеръ и разговоровъ этихъ вновь испеченныхъ знаменитостей, прославлявшихъ себя спасителями имперіи и возстановителями первосвященническаго трона.

Непредвидѣнное обстоятельство внезапно придадо необыкновенное значеніе двору Камакуры и сосредоточило на немъ общее вниманіе и симпатіи націи. Въ послѣднемъ мѣсяцѣ 1268 года, монгольское посольство пристало къ берегамъ Японіи. Оно явилось отъ имени Кублай-Хана, достойнаго внука татарскихъ побѣдителей, долженствовавшіаго, двѣнадцать лѣтъ спустя, овладѣть Китаемъ, сдѣлать Пекинъ своею резиденціею и основать династію Юнь, при которой былъ прорытъ великій каналъ. Тотъ же самый государь задержалъ при своемъ дворѣ венеціанца Марко-Пола, перваго изъ путешественниковъ, доставившаго Европѣ точныя свѣдѣнія о Китаѣ и Японіи. Говорятъ, что его рассказы имѣли такое сильное вліяніе на Кристофора Колумба, что имѣ, отчасти, мы обязаны открытіемъ Америки.

Кублай-Ханъ писалъ императору Ниппона слѣдующее:

«Я управляю государствомъ, не имѣвшимъ прежде никакого значенія; въ настоящее время трудно перечислить, сколько странъ и городовъ признаютъ мое могущество. Я стараюсь поддержать мирныя сношенія съ соседними князьями меня окружающими; я заставилъ прекратить непріятельскія дѣйствія, театромъ которыхъ былъ Каоли. Начальникъ этого королевства явился ко мнѣ съ благодарн. стью и я обѣщала съ нимъ какъ отецъ съ сыномъ. Такъ же точно поступилъ я и съ князьями Ниппона. Отъ васъ не было еще прислано ко мнѣ ни одного посольства, для переговоровъ о нашемъ союзѣ; я думаю, что въ вашей странѣ имѣютъ ложное понятіе о настоящемъ положеніи дѣлъ. Я посылаю вамъ это письмо съ моими депутатами, которые объяснятъ вамъ мои намѣренія. Одинъ мудрецъ сказалъ, что цѣлый міръ долженъ составлять только одну семью. Но если дружескія отношенія не будутъ поддерживаться ни съ той, ни съ другой стороны, то какимъ образомъ возможно будетъ привести въ исполненіе это правило. Съ своей стороны, я рѣшился преслѣдовать этотъ планъ даже съ оружіемъ въ рукахъ. Теперь предоставляется государю Ниппона рѣшить, что ему остается дѣлать.»

Микадо выразилъ намѣреніе отнѣсать дружески на предложеніе Кублай-Хана. Сіюгунъ, напротивъ, отнесся непріязненно къ малѣйшей попыткѣ соединиться съ монгольскими ордами. Онъ созвалъ въ Камакуру собраніе даймiосовъ, изложилъ имъ свои соображенія и увлекъ ихъ за собою. Посольство было отпущено съ уклончивымъ отвѣтомъ.

Въ слѣдующемъ году монгольскій вoждь напрасно предлагалъ сойтись на островѣ Тзусима, въ Корейскомъ проливѣ, двумъ уполномоченнымъ отъ обѣихъ имперій. Въ 1271 г., новое посланіе съ его стороны осталось безъ отвѣта. Въ 1273 г. два посланника, отправленные Камакуру, были учтиво выпроважены сiюгуну.

Черезъ нѣсколько времени сдѣлалось извѣстнымъ, что два предводителя Кублай-Хана, въ главѣ экспедиціи трехсотъ большихъ джонокъ (китайскихъ судовъ), трехсотъ быстрыхъ парусныхъ и трехсотъ транспортныхъ судовъ, собираются идти на Японію. Микадо заказалъ общественныя молитвы и процессіи въ главныхъ храмахъ камиса. Сіюгунъ организовалъ національное войско. На всѣхъ пунктахъ, со стороны Тзусима и Кіузіу, куда монголы пытались высадиться, они были отражены и побиты: монгольскій ханъ напрасно старался возобновить переговоры. Два посланца, отправленные имъ къ сiюгуну въ 1275 г., были тотчасъ же изгнаны. Когда явился третій въ 1279 г., ему отрубили голову.

Тогда, если вѣрить японскимъ лѣтописямъ, странѣ этой грозила самая ужасная экспедиція, какаѣ когда либо было замышляема на моряхъ крайняго Востока. Монгольскій флотъ въ числѣ четырехъ тысячъ парусовъ, вмѣстѣ съ арміею въ двѣсти сорокъ тысячъ человѣкъ, шель къ Фирандо, ко входу во внутреннее море; но тифонъ разметалъ и разбилъ его о берега. Все, что не погибло въ волнахъ, пало подъ ударами японцевъ. Они пощадилъ только трехъ плѣнныхъ, отосланныхъ ими на другую сторону перешейка для объявленія этой новости. Вслѣдствіе всего этого, невозможно было болѣе считать сiюгуновъ за простыхъ исполнителей правительственныхъ распоряженій, или защитниковъ ми-

кадо. Цѣлая нація была имъ обязана своимъ спасеніемъ. Съ этой минуты, дворецъ Кіото видѣлъ въ Камакурѣ соперницу, которая рано или поздно затмитъ его и даже замѣнитъ его въ управленіи дѣлами имперіи.

И теперь еще въ Камакурѣ находится храмъ славы Японіи. Онъ состоитъ изъ величественнаго собранія священнѣхъ зданій, которыя были пощажены яростью междоусобныхъ войнъ. Онъ нахо-

Храмъ Гатчимана въ Камакурѣ.

дится подъ покровомъ Гатчимана, одного изъ великихъ національных камисовъ. Гатчиманъ принадлежитъ къ героическимъ временамъ царствованія микадо. Его мать Зингу, императрица, завоевавшая три королевства въ Корей, пользуется тоже божескими почестями: каждый годъ, на девятый день девятаго мѣсяца, торжественная процессія празднуетъ память ея великихъ дѣяній, надъ гробницею посвященной ей въ Фузими, въ странѣ Тамазиро Зингу. Она назвала своего сына Фатсманъ «восемь

знамень», въ память видѣнія, появившагося ей на небѣ при рожденіи ребенка. Воспитаніе, которое она ему дала, сдѣлало его однимъ изъ храбрѣйшихъ воиновъ и искусѣйшихъ полководцевъ.

Когда императрица исполнилось сто лѣтъ, она передала своему сыну скипетръ и корону, въ 970 г. по нашему лѣтосчисленію, когда ему минуло одинъ годъ. Царствованіе его подъ именемъ Воозино, было славно, и продолжалось сорокъ три года; по смерти своей, онъ былъ причисленъ къ геніямъ-покровителямъ имперіи; ему поклоняются вообще какъ покровителю солдатъ. Во время годовыхъ праздниковъ, устроенныхъ въ честь его, прославляется также память героевъ, погибшихъ

Часовня храма Гатчимана въ Камакурѣ.

за свою родину. Процессіи, совершаемыя по этому поводу, напоминаютъ пышную торжественностью похороны, бывшія въ употребленіи въ древности у камисовъ. Точно также являются лошади, здѣсь для жертвоприношенія, только вмѣсто того, чтобы ихъ закалывать, ихъ отпускаютъ въ чистое поле.

При большей части главныхъ городовъ Японіи выстроены храмы въ честь Гатчимана. Храмъ Камакуры отличается отъ всѣхъ другихъ знаменитыми трофеями, въ немъ находящимися. Два обширныя строенія служатъ вмѣстидержать этихъ національныхъ богатствъ. Говорить, что тамъ хранится добыча, вывезенная изъ Кореи, и та, которая досталась послѣ монгольскихъ нашествій,

а также и предметы, награбленные въ португальскихъ колоніяхъ и христіанскихъ общинахъ Японіи въ то время, когда португальцы были изгнаны, а японскіе христіане истреблены по повелѣнію сіюгуновъ. Ни одинъ изъ европейцевъ никогда еще не видалъ трофеевъ Камакуры.

Въ противоположность европейскимъ государствамъ, которые любятъ выставять на показъ цѣлому свѣту добычу, завоеванную ими во время ихъ пограничныхъ и династическихъ войнъ, японцы скрываютъ отъ иностранцевъ памятники своей военной славы. Они держатъ ихъ подъ скупомъ, какъ семейное сокровище, въ святилище котораго ни одинъ непосвященный не можетъ найти доступа.

Подхода къ храму Гатчимана, намъ не трудно было замѣтить, что о нашемъ приходѣ дано было знать, потому что бонзы бѣжали со всѣхъ ногъ на паперть, чтобы запретъ ставни у всѣхъ зданій, въ которыхъ хранились сокровища.

ГЛАВА XVII.

КАМАКУРСКІЕ ХРАМЫ.

Храмъ Гатчимана. — Истуканы. — Бонзы. — Большая статуя Дайбудды.

Предвѣстниками храма Гатчимана служатъ длинная аллея изъ высокихъ кедровъ, составляющихъ благороднѣйшее украшеніе во всѣхъ мѣстахъ поклоненія въ Японіи.

По мѣрѣ того какъ приближаешься ко входу, находящемуся со стороны Каназавы, по крайнѣйшей дорогѣ, и въ особенности съ лѣвой ея стороны, попадаются все чаще и чаще возвыгнутыя на священныихъ холмахъ часовни, модели и камни напоянія, служащія для означенія тѣхъ остановокъ, которыя совершаются во время процессій.

Перейдя рѣку по прекраснѣйшему деревянному мосту, мы внезапно открыли входъ въ другую аллею, идущую отъ моря и занимающую средину широкой улицы. Это-то и есть главная аллея, проходящая черезъ три гигантскіе торі, которые открываются на большую площадь, какъ разъ противъ террасъ, дѣстницъ и другихъ построекъ храма.

Самая ограда этого священнаго мѣста открыта со стороны улицы, съ трехъ же другихъ сторонъ обнесена невысокими стѣнами съ деревянною рѣшеткою, окрашенною въ чернѣйшій и краснѣйшій цвѣта.

Двѣ ступени ведутъ на первую террасу. Отсюда можно видѣть только жилища бонзъ, размѣщенныя какъ кулисы на театрѣ, посреди деревьевъ, насаженныхъ на всемъ протяженіи ограды. Въ самой срединѣ—два большіе овальныхъ пруда, соединенные между собою широкимъ каналомъ, черезъ который перекинуты параллельно два моста, оба одинаково замѣчательные, каждый въ своемъ родѣ. Мостъ по правую руку выстроенъ изъ обтесанныхъ камней бѣловатаго гранита, и такъ выгнутъ, что едва не описываетъ почти правильнаго полукруга при взглядѣ на него, невольно спрашиваешь себя, для какого гимнастическаго упражненія онъ можетъ быть назначенъ? Мостъ по лѣвую руку совершенно плоскій, деревянный, покрытъ краснымъ лакомъ и украшенъ мѣдною обивкою. Со стороны каменнаго моста весь прудъ покрытъ великолѣпнѣйшими бѣлыми цвѣтами лотуса. Въ водѣ, прозрачной какъ кристаллъ, между цвѣтовъ и листьевъ, плаваютъ дорады, красныя и другія рыбки съ перламутровыми плавниками. Темная черепаха медленно скользитъ по стеблямъ и тихо сгибаетъ подъ своимъ широкимъ водянымъ растеніемъ, вдоль которыхъ прихотливо вьются и липнутъ ракообразныя животныя.

Насладившись съ дѣтскимъ удовольствіемъ этою привлекательною картиною, мы направились къ второй террасѣ. Она возвышалась нѣсколькими ступенями надъ первой и была окружена оградой, такъ что въ нее невозможно было проникнуть иначе, какъ черезъ кельи божественныхъ хранителей святилища.

Самое здание храма Гатчимана, возвышающееся против мостовъ, вмѣщаетъ подъ своею высокою кровлею двухъ чудовищныхъ истукановъ, стоящихъ въ самомъ центрѣ зданія, по обѣимъ сторонамъ сквознаго прохода. Они сдѣланы изъ дерева и покрыты съ головы до ногъ слоемъ красной свинцовой краски. Ихъ искривленныя страшной гримасой лица, также какъ и все ихъ громадное тѣло, испещрены шариками изъ желтой бумаги, которые безъ всякой церемоніи въ нихъ бросаютъ мимоходомъ посетители храма, — точно толпа учениковъ, распущенныхъ изъ школы. Между тѣмъ приходящіе богомольцы произносятъ передъ ними свои обѣты, и очень часто присовокупляютъ къ нимъ даръ, состоящій изъ пары соломенныхъ носковъ, которые они вѣшаютъ на рѣшетку, идущую кругомъ каждой изъ статуй. Эта обувь, приспособляемая къ величинѣ двухъ колоссовъ, тысячами штукъ виситъ на перекладинахъ рѣшетки: можно себѣ представить, какой пріятный видъ представляетъ подобное украшеніе!

Тутъ къ нашему обществу подходитъ братъ-служка бонзеринъ, самая походка котораго, имѣющая въ себѣ что-то лѣтнее, изобличаетъ его не безкорыстные виды. Мы объявляемъ ему, что услуги его въ томъ только случаѣ будутъ имѣть въ нашихъ глазахъ какую нибудь цѣну, если онъ выйдетъ намъ позволеніе войти въ запертыя зданія. Тогда, показавъ головою съ видомъ, заставившимъ насъ понять, что мы требуемъ отъ него невозможнаго, онъ ограничивается тѣмъ, что слѣдуетъ за нами съ машинообразною точностью человѣка, исполняющаго приказъ строгаго начальства.

Представляющаяся намъ картина въ самомъ дѣлѣ достойна удивленія. Надъ второй, описанной выше террасой, возвышается новадъ, на которую ведетъ длинная и широкая каменная лѣстница. Она поддерживается стѣною циклопической архитектуры, а на ней выстроены: главный храмъ и жилища бонзъ. Сфронтаны кровли этихъ различныхъ зданій отдѣляются отъ темнаго фона, составляемаго лѣсомъ кедровъ и сосенъ.

По лѣвую руку отъ насъ — строенія, въ которыхъ помѣщается сокровищница храма. Одно изъ нихъ имѣетъ пирамидальную крышу, надъ которою возвышается художественно сдѣланный бронзовый шпиль. У подножія большой лѣстницы находится часовня, назначенная для омовеній. Направо — мы видимъ высокую пагоду, построенную по образцу китайскихъ, но въ менѣе причудливомъ вкусѣ и по правиламъ болѣе строгаго и трезваго стиля.

Первый этажъ квадратный; онъ весь стоитъ на невысокихъ столбахъ; второй составляетъ обширную круговую галерею, которая, при всей своей массивности, обрисовывается въ воздухѣ такими легкими очертаніями, что кажется будто она утверждена просто на оси, на которой можетъ вращаться. Остроконая крыша, съ выгнутыми и расширенными нижними краями, оканчивающаяся высокою спиральною стрѣлкой, вылетаю изъ бронзы и украшеною подвѣсками изъ того же металла, производитъ впечатлѣніе, получаемое отъ этого страннаго зданія, въ которомъ невозможно было соединить болѣе смѣлости съ болѣе правильнымъ и точнымъ пониманіемъ соотношеній размѣровъ.

Задача пагоды Гатчимана должна была разрѣшиться, или чудовищнымъ архитектурнымъ произведеніемъ, или превосходно выполненнымъ *tour de force*мъ, который у насъ передъ глазами. Смотри на такое зданіе, европеецъ сначала не можетъ удержаться отъ какого-то недобрія, и даже почти удивленіе, но и то величественное и гармоничное впечатлѣніе, какое производитъ всякое дѣйствительно художественное произведеніе.

Орнаментальная часть перечисленныхъ мною зданій также не лишена вкуса и гармоніи. Она является преимущественно на фронтонахъ дверей и на карнизахъ крышъ. Прекрасный коричневый дѣлѣтъ дерева, составляющаго почти единственный матеріалъ этихъ построекъ, еще оживляется тѣмъ, что нѣкоторые детали рѣзбы окрашены въ красный или зеленый цвѣтъ. Не лишнее, впрочемъ, замѣтить, что вся эта картина много выпираетъ отъ обрамляющихъ ее вѣковыхъ деревьевъ, и отъ необыкновеннаго блеска неба, потому что Японія, можетъ быть, больше всѣхъ другихъ странъ отличается прозрачностью своей атмосферы.

Мы постигли еще находящуюся за пагодой колокольню, вмѣщающую огромный колоколъ, покрытый искусною рѣзбою, и моделью, на алтарѣ которой было три позолоченныхъ образа: по срединѣ большой, а по сторонамъ его — два маленькихъ; всѣ три были окружены общимъ свѣщеніемъ. И такъ, не смотря на то, что храмъ Гатчимана посвященъ камису, въ немъ, какъ и вездѣ, замѣтно, что принесенные изъ Индіи религіозные обычаи, вытѣснили стройное національное богослуженіе. Намъ представилось новое подтвержденіе мнѣнія, только что высказаннаго мною, когда мы уже хотѣли возвращаться, а братъ-служка попросилъ насъ пройти еще немного дальше. Онъ остановилъ

пасть под деревомъ, увѣшаннымъ приношеніями богомольцевъ, и у подножія котораго былъ огромный камень, обнесенный решеткою: Тамъ онъ показалъ намъ трещину особаго вида, похожую на женскій половой органъ, и увѣрялъ, что эта трещина — произведеніе природы; но я сильно подзѣриваю, что рѣзецъ бонзы по меньшей мѣрѣ довершилъ образъ смутно очерченный случаемъ. Какъ бы то ни было, а почтенные отцы, кажется, сдѣлали отличную спекуляцію, обративъ поклоненіе туземцевъ на эту скалу, напоминающую браминское *лина*. Однѣ приношенія свидѣлствуютъ уже о томъ, что ему воздаются почести множествомъ богомольцевъ.

Такимъ образомъ японцы хотя и не впади во всѣ крайности извѣстнаго, однако не избѣгли самаго смѣшнаго, хотя и логическаго послѣдствія системы, стремящейся обоготворить всѣ силы природы. Самый остроумный и насмѣшливый народъ всего Востока, тѣмъ не менѣе, чрезвычайно суевѣренъ. Многіе почтенные граждане Іеддо, многія изящныя придворныя дамы, безъ сомнѣнія, отъ души похочутъ надѣ смѣшнымъ камакурскимъ цдоломъ; но въ извѣстныхъ семейныхъ обстоятельствахъ они же не преминутъ отправить къ нему на богомолье съ полными руками приношеній.

Послѣдній взглядъ, брошенный нами съ вышины террасы на всѣ эти священные строенія, оставилъ въ насъ какъ бы сожалѣніе о тѣхъ временахъ, когда цѣлый народъ могъ еще сходить съ своими правителями и съ жрецами своего богослуженія, въ общемъ проявленіи религіознаго благоговѣнія и патристическаго энтузіазма. Какъ древніе израильтяне при посѣщеніи своего храма, такъ и жители Ниппона и сосѣднихъ острововъ должны были нѣкогда наполнять эти террасы, эти аллеи на глазахъ начальниковъ народа, стоящихъ на паперти святилища. Отсюда взглядъ, скользя по крышамъ, мостамъ, воротамъ, стоящимъ на главной аллѣй, достигаетъ до самаго моря. Представьте себѣ теперь, что вокругъ всѣхъ этихъ построекъ, этихъ колоннъ, воздвигнутыхъ искусствомъ, и другихъ естественныхъ колоннъ, образуемыхъ кедровыми деревьями, кишитъ пестрая толпа; тогда все пространство отъ большой террасы до моря составитъ одинъ громадный храмъ, блистающій красками и свѣтомъ подъ яснымъ сводомъ неба.

Такого же рода обманъ зрѣнія испытываешь, когда съ моря постепенно поднимаешь глаза на главный храмъ, стоящій на верхней террасѣ. Впечатлѣнія перспективы аллей, трехъ воротъ дальнихъ строеній — все это такъ переищивается и сливается въ одно, что, выходя на берегъ, вы готовы подумать, что находитесь на порогѣ громаднаго зданія.

Ничто не могло составить болѣе рѣзкаго контраста съ величественностью этой картины, какъ тотъ храмъ, къ которому мы направились, когда вышли изъ Гатчманской аллеи. Правда, что онъ выстроенъ въ восхитительной мѣстности, на вершинѣ мыса, откуда видъ простирается на весь Камакурскій заливъ; но тѣмъ грустнѣе становится, когда посреди такой прелестной природы встрѣтишь такъ называемое священное мѣсто, оставляющее въ зрителѣ одно впечатлѣніе отвращенія. Главное святилище на первый взглядъ не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго: на большомъ алтарѣ стоятъ незначительные истуканы. Въ боковомъ придѣлѣ мы замѣчаемъ образъ бога богатствъ, вооруженнаго рудокопскимъ молоткомъ. Однако бонзы, встрѣтившіе насъ въ храмѣ, заставляютъ насъ пройти за главный алтарь, и тамъ, въ небольшомъ пространствѣ, темномъ какъ тюрьма и высокомъ какъ башня, зажигаютъ два фонаря и медленно поднимаютъ ихъ по высокому шесту, въ родѣ башни. Тогда, при мерцающемъ свѣтѣ этихъ двухъ звѣздочекъ, какъ бы затерявшихся во мракѣ, господствующемъ подъ крышей, мы замѣчаемъ, что стоимъ передъ огромнымъ деревяннымъ вызолоченнымъ истуканомъ, вышиною отъ десяти до двѣнадцати метровъ (т. е. отъ тридцати трехъ до тридцати девяти футовъ), держащимъ въ правой рукѣ скипетръ, въ лѣвой — лотосъ; голова же увѣнчана тѣрой, состоящей изъ трехъ рядовъ головъ, изображающихъ разныхъ нисіа божества. Самъ же, колоссальный истуканъ принадлежитъ къ разряду вспомогательныхъ божествъ буддистской міеологіи, — посредниковъ, принимающихъ молитвы людей и передающихъ ихъ на небо.

Посредствомъ такихъ-то религіозныхъ хитростей и сценъ фантазмагоріи, бонзы поражаютъ суевѣрнымъ ужасомъ воображеніе своей паствы, и успѣваютъ удержать ее подъ своимъ вліяніемъ въ состояніи вѣчнаго отупѣнія.

Кажется, наши хозяева не ограничиваются одною этою отраслью людской эксплуатаціи. Въ ту минуту, какъ мы вошли въ первую залу храма, одинъ изъ нихъ отодвинулъ въ сторону раздвижной ставень: изъ за него вышла молодая дѣвушка, разодѣтая въ цухъ, поклонилась намъ съ принужденной улыбкой, и, ставъ на колѣни, распростерлась у нашихъ ногъ. Гнусный бонзъ съ заискивающимъ видомъ подошелъ въ тоже время къ констаблу и похлопалъ его по плечу, но тотъ, по данному

нами знаку, поднявъ трость на высоту праваго глаза и, прищуривъ лѣвый чрезвычайно многозначительно, заставилъ тотчасъ же отступить своего визави, съ всѣми его собратьями.

Оттуда мы направились къ большой статуѣ *Дайбуды* (Daibudhs), составляющей главное чудо Камакуры.

Памятникъ, посвященный Дайбудѣ, т. е. Великому Буддѣ, можетъ считаться самымъ совершеннымъ твореніемъ японскаго гения, какъ въ отношеніи религіознаго чувства, такъ и въ художественномъ. Храмъ Гатчимана уже представилъ намъ замѣчательный образчикъ того, какъ туземное искусство умѣетъ пользоваться природой, чтобы съ малыми средствами производить то впечатлѣніе благоговѣйнаго величія, которое въ нашихъ сѣверныхъ странахъ потребовало громадныхъ усилій готической архитектуры.

Святилище Дайбуды должно было, во многихъ отношеніяхъ, имѣть другой характеръ, нежели храмъ Гатчимана. Въмѣсто громадныхъ протяженій, вмѣсто этого безграничнаго пространства, какъ будто теряющагося въ морѣ, нужно было устроить уединенное, таинственное убѣжище, которое располагало бы душу къ сверхъ естественнымъ открывеніямъ. Дорога отдѣляется отъ людскихъ жилищъ и направляется къ горамъ; сначала она извивается между изгородами изъ высокихъ кустарниковъ, потомъ въ ничего не видите передъ собою, кромѣ совершенно прямой дороги, идущей въ гору, посреди зелени и цвѣтовъ; затѣмъ она дѣлаетъ большой, но не крутой поворотъ, какъ бы для того, чтобы вести къ далекой еще цѣли, и вдругъ — предъ вами появляется въ глубинѣ аллеи колоссальное бронзовое божество, сидящее со сложенными руками и опущенною головою, въ положеніи, выражающемъ восторженное созерцаніе.

Невольное смѣненіе, овладѣвшее вами при видѣ этого огромнаго образа, скоро уступаетъ мѣсто удивленію. Въ положеніи Дайбуды есть какая-то неотразимая прелесть, такъ же какъ и въ гармоніи и пропорціи его тѣла, въ благородной простотѣ его одежды, въ спокойствіи, ясности и правильности его чертъ.

Все окружающее вполне соответствуетъ внушаемому имъ свѣтлому чувству.

Изгородь изъ густо разросшихся кустарниковъ, надъ которою возмывается нѣсколько прекрасныхъ группъ деревьевъ, одна составляетъ ограду священнаго мѣста, котораго тишину и уединеніе не нарушаетъ ничто. Едва можно различить за густою листвою скромную келью священника, служащаго Дайбудѣ. Алтарь, на которомъ передъ божествомъ курится немного благовоній, состоитъ изъ бронзоваго стола, украшеннаго двумя вазами лотосовъ, изъ того же металла и преносходной работы. Ступеньки и площадка передъ алтаремъ устланы широкими плитами, расположенными правильными линіями. Синевя неба, огромная тѣнь статуи, строгіе тоны бронзы, блескъ цвѣтовъ, разнообразіе зелени, изгородей и рощичъ, — все наполняетъ это убѣжище самыми богатыми эффектами свѣта и красокъ.

Статуя Дайбуды, вмѣстѣ съ пьедесталомъ, имѣетъ около двадцати метровъ (шестьдесятъ шесть футовъ) вышины. Она далеко не можетъ сравниться размѣрами съ статуей святаго Карла Барромеискаго, стоящей на берегу Лаго-Маджоре, но передъ послѣдней зритель остается холоднымъ, какъ передъ тригонометрическимъ знакомъ.

Внутренностью обихъ этихъ колоссальныхъ статуй воспользовались болѣе или менѣе приличнымъ или неприличнымъ образомъ. Европейскіе туристы любятъ сидѣть въ носу святаго кардинала. Японцы же сходятъ, по укрывтой лѣстницѣ, въ пустое пространство, оставленное въ фундаментѣ статуи Дайбуды, тамъ и находятъ мирную моленную, на алтарь которой падаетъ солнечный лучъ чрезъ отверстіе, скрытое въ складкахъ, образуемыхъ бронзовою саншей на плечахъ мудреца.

Празднѣмъ занятіемъ было бы стараться узнать, до какой степени камакурскій Будда соответствуетъ историческому; но очень важно увѣриться, что онъ не разпитъ отъ Будды изрочнаго преданія.

Буддисты составили себѣ объ основателѣ исповѣдуемой ими религіи благоговѣнное представленіе, которое одно считается вѣрнымъ, и котораго мельчайшія черты тщательно перечислены въ тридцати двухъ главныхъ и осьмидесяти второстепенныхъ признакахъ, дабы оно могло передаваться будущимъ поколѣніямъ совершенно неизмѣннымъ во всей своей цѣлости. Японская статуя во всѣхъ существенныхъ чертахъ подходитъ подъ это, своего рода, описаніе примѣтъ (если можно такъ выразиться) великаго индусскаго реформатора. Въ ней съ самою строгою добросовѣстностью воспроизведено мечтательное, задумчивое положеніе; такимъ точно образомъ мудрецъ складываетъ руки, сгибая (подъ прямымъ угломъ) не самыя пальцы, а только сочлененіе, соединяющее ихъ съ плечью, и при-

надавая их другъ къ другу такъ, чтобы оконечности вытянутыхъ большихъ пальцевъ сходились ежду собою; такъ точно онъ обыкновенно сидѣлъ поджавъ ноги по восточному обычаю, но такъ, то пласна правой ноги лежитъ на лѣвомъ колѣнѣ. Вы узнаете также его широкій, гладкій лобъ, и го прическу, состоящую изъ безчисленнаго множества коротенькихъ завитковъ. Наконецъ, вы можете различить даже странную неровность черепа, шишку, бывшую у него на темени, а также и пучекъ бѣлыхъ волосъ, выросшій у него между бровями, что, впрочемъ, на металлической статуѣ можно было обозначить только въ видѣ небольшого округленнаго возвышенія на лбу.

Но всѣ эти особенные признаки еще не составляютъ настоящей фizioноміи, настоящаго выраженія личности. Въ этомъ отношеніи камакурскій Дайбуда не имѣетъ ничего общаго съ уродливыми статуками, которыхъ обожаютъ въ Китаѣ, подъ именемъ буддъ; этотъ фактъ кажется мнѣ замѣчательнымъ, такъ какъ буддизмъ проникъ въ Японію изъ Китая.

Не смотря на нѣкоторую разницу въ стилѣ и исключительности размѣровъ, величественная японская статуя — родная сестра тѣхъ, которыя въ огромномъ числѣ встрѣчаются на Явѣ и Цейлонѣ — святилищахъ, открывшихся буддизму послѣ изгнанія его изъ Индіи. Тамъ типъ героя сохранияется съ величайшею, благоговѣйною тщательностью, и является въ самомъ чистомъ видѣ, въ дивныхъ образахъ изъ базальта, гранита или песча нига, большею частью не только не выше, но даже ниже обыкновеннаго человѣческаго роста. Этотъ типъ, въ довольно значительной степени условный, хотя и совершенно согласный, въ глазахъ вѣрющихъ людей, съ историческимъ Буддой составляетъ въ особенности для цейлонскихъ священниковъ, преданныхъ искусству вааіа, единственный сюжетъ неутомимыхъ работъ, въ которыхъ они стремятся достигнуть идеальнаго совершенства. Дѣйствительно, съ чистотою стили ихъ произведеній, можетъ быть, могутъ соперничать только Мадонны Рафаэля.

Въ Японію перешла часть возвышенныхъ преда ній буддистскихъ сестрововъ; по всей вѣроятности, ее иногда посѣщали проповѣдники, приходившіе изъ этихъ далекихъ странъ. Съ другой стороны, она также испытала на себѣ, подъ вліяніемъ ближайшихъ соседей, всѣ гибельныя послѣдствія, какъ самаго ученія Будды, такъ и еще болѣе чудовищныхъ заблужденій его учениковъ, потому что, по замѣчанію г. Мартена Арзелье (*Chrétien évangélique* XI année n° 10), вышелъ бы трудъ самый неблагодарный, если бы мы начали отыскивать въ японскомъ буддизмѣ чистую и абстрактную доктрину основателя Добраго Закона. Протей греческой басни, говорить онъ, не былъ столько неуловимъ, какъ Добрый Законъ въ своихъ метаморфозахъ между различными народами Азіи и крайняго Востока. Всѣ сдѣлки въ немъ оправдываются заранѣе слѣдующимъ буддистскимъ изреченіемъ, которое сдѣлалось какъ бы паролемъ его миссіонеровъ:

«Все, что согласно съ здравымъ смысломъ и съ обстоятельствами, — согласно съ истиной и должно служить правиломъ».

Уже одни камакурскіе храмы доставили мнѣ множество доводовъ въ пользу только что приведенныхъ мною замѣчаній.

ГЛАВА XVIII.

БУДДИЗМЪ ВЪ ЯПОНИИ.

Религиозная история Будды. — Начало буддизма въ Японіи. — Учение Будды. — Нирвана. — Перерождение буддизма въ Японіи. — Tenryu.

Исторія Будды очень проста, по трогательна. Посреди роскоши и наслажденій двора *Капилавасты* (Capilavastou), молодой принцъ *Суддарты* (Suddhārtha) съ удивленіемъ почувствовалъ, что величайшія земныя блага, не исключая и тѣхъ, которыми и онъ пользуется, не могутъ дать ему счастья. Оглядываясь кругомъ себя, онъ былъ пораженъ бѣдствіями, нищетой, безправственностью — вообще массою зла, отравляющего человѣческую жизнь. Всѣ твари представляютъ ему зрѣлище страданій и смерти. Даже неодушевленная природа — и та полна печальныхъ сторонъ. Тогда онъ обращается къ жрецамъ; но догматы ихъ также составляютъ для него только предметъ страха; самые боги, по ученію браминовъ, принуждены подчиняться закону переселенія. Что же касается до людей, то каждый изъ нихъ прошелъ уже чрезъ множество превращеній, а по смерти, смотря по дѣйствіямъ своимъ, или обдѣлается высшею формою, или же долженъ будетъ спуститься ступенью ниже. Брама, всемірный духъ, изъ котораго исходитъ все существующее, — въ тоже время составляетъ и предѣлъ всякаго бытія, къ которому возвращается все, что отъ него произошло. Но кто можетъ опредѣлить продолжительность странствованія (т. е. существованія), напр., такого-то человѣка, или скорѣе, связаннаго съ нимъ переселяющагося существа? и кто оградитъ бѣднаго странника отъ козней и искушеній злыхъ демоновъ, отъ которыхъ не избавлены даже мудрейшіе изъ людей и потомки чистѣйшихъ кастъ?

Суддартъ принимаетъ великое, неизмѣнное рѣшеніе: «Я хочу, чтобы, исчезая съ земли, я уже не былъ подверженъ превращеніямъ переселенія. Я найду путь, ведущій къ конечному предѣлу жизни и смерти; а когда я его открою, то повѣдаю о немъ всему міру и всѣхъ научу закону благодати».

Ему было тогда двадцать девять лѣтъ. Онъ покидаетъ отца, жену, дѣтей, посѣщаетъ школы извѣстѣйшихъ учителей закона Ману, и въ теченіе шести лѣтъ весь предается изученію религиозныхъ системъ и аскетическимъ подвигамъ браминовъ. Однако, наконецъ, онъ приходитъ къ убѣжденію, что не этимъ путемъ можно дойти до совершеннаго разума и полнаго пониманія всѣхъ вещей.

Спусти нѣсколько времени, обособившись отъ цѣлаго міра и весь погрузившись въ уединенное размышленіе, онъ вдругъ почувствовалъ, что уже утвердился на прочныхъ основаніяхъ готоваго новаго ученія. Тогда онъ счелъ себя въ правѣ сказать, что наконецъ онъ обдѣленъ всѣми свойствами Будды и владѣетъ совершеннымъ разумомъ и пониманіемъ всѣхъ вещей.

Проповѣди свои онъ началъ въ Бенаресѣ, когда ему было тридцать шесть лѣтъ; потомъ онъ прошелъ весь Бегаръ, посѣтилъ городъ Капилавасту, и убѣдилъ своихъ трехъ женъ, отца и другихъ членовъ своего семейства обратиться къ религиозной жизни.

Такъ какъ родовое имя его *Сакія* (Sākya), то онъ вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ во всей центральной Индіи подъ именемъ *Сакія-муни* (Sākya-muni) т. е. пустышника изъ рода Сакія.

Борьба, которую онъ долженъ былъ вести съ браминами, нѣсколько разъ подвергала опасности самую жизнь. Несмотря на это, онъ могъ проповѣдывать свое ученіе въ теченіе сорока лѣтъ, не имѣя никакой поддержки, кромѣ строгости своихъ нравовъ и совершенства своего знанія. Почувствовавъ приближеніе смерти, маститый осмидесяти-лѣтній старецъ самымъ нѣжнымъ образомъ простился съ своими сподвижниками и, сѣвъ въ тѣни деревъ, тихо скончался, не оставивъ по себѣ ничего, кромѣ смертныхъ останковъ, воспоминаній о своихъ проповѣдяхъ и вліянія подаваемыхъ имъ добрыхъ примѣровъ. Въ 543 году до Р. X., спустя семь дней, послѣ смерти Будды, первый общій соборъ его послѣдователей занялся записываніемъ словъ учителя, который самъ ничего не писалъ.

Его ученіе, не имѣвшее, въ мысляхъ его, другой цѣли, кромѣ нравственной реформы браминской религіи и замѣны господства боговъ — господствомъ долга, а пустыхъ обрядовъ — дѣйтельнымъ добромъ, — это ученіе, въ свою очередь, превратилось въ догматическую систему, сопровождаемую суевѣрными и идолопоклонническими богослуженіемъ.

Въ настоящее время буддизмъ составляетъ господствующую религію на островѣ Цейлонѣ, въ Бирманской имперіи, въ Сіамскомъ и Анамскомъ королевствахъ, Тонкинѣ, Тибетѣ, Монголіи, Китаѣ и Японіи.

Одно время онъ былъ распространенъ по всей Индіи, на Явѣ и другихъ Зондскихъ островахъ, и до сихъ поръ онъ держится въ Кашмирѣ и Непалѣ. Число его послѣдователей превышаетъ триста милліоновъ дулъ, до этой цифры не достигаетъ никакая другая религія на всемъ земномъ шарѣ.

Введеніе буддизма въ Японію относится къ 552 году нашего лѣтосчисленія.

Въ это время *Кинъ-Мей* (Kin-meï), тридцатому микадо, была прислана отъ короля *Петси* (Petsi) статуя Сакія-муни, также такъ и книги, хоругви, балдахинъ и другіе предметы, служащіе для обрядовъ богослуженія. Въ письмѣ, приложенномъ къ этимъ подаркамъ, говорилось о нихъ слѣдующее: «Вотъ лучшее изъ всѣхъ ученій. Приходя изъ дальней Индіи, оно открываетъ намъ то, что было тай-

Великій адскій судья.
(Японскій рисунокъ).

ною для самаго Конфуція, и переноситъ насъ въ конечное состояніе, съ блаженствомъ котораго никто не можетъ сравниться. Король Петси передаетъ его имперіи микадо, дабы оно въ ней распространилось, и такимъ образомъ исполнялось то, что написано въ книгахъ Будды: «Мое ученіе распространится на востокъ».

Микадо тотчасъ же созвалъ своихъ министровъ, чтобы посоветоваться съ ними на счетъ пріема, какой слѣдовало сдѣлать статуѣ великаго индѣйскаго камиса. «Всѣ народы Запада» отвѣчали *Инаме*, «почитаютъ Будду: почему же Ниппонъ сталъ бы поворачиваться къ нему спиною?»—«Но», возразилъ *Вокоси*, «если мы будемъ воздавать почести чужеземному камису, то не раздражимъ ли мы этимъ нашихъ народныхъ камисовъ?»

Тогда микадо, въ качествѣ высшаго авторитета, произнесъ слѣдующее рѣшеніе, примиряющее обѣ стороны: «Справедливость требуетъ, чтобы всякому человѣку дозволено было то, чего жаждетъ его сердце. Пусть Инаме поклонится новому образу».

Инаме велѣлъ унести статуѣ Сакія-муни къ себѣ, и построялъ для нея часовню.

Однако, когда вскорѣ послѣ этого на островѣ открылась эпидемія, то стали говорить, что она явилась въ слѣдствіе введенія новаго ученія. Часовня была сожжена, а статуя брошена въ рѣку. Тѣмъ неменѣе, семейство Инаме втайнѣ продолжало исповѣдовать чужеземную вѣру. Въ царствованіе *Бидатса*, преимника Кинъ-Мен, министр *Соано*, сынъ Инаме, представилъ микадо бонза, прибывшаго изъ *Синга* (Singa), что въ Корей. Святой человѣкъ, зная всѣ трудности, какія придется преодолѣть при введеніи буддизма въ странѣ, національная религія которой такъ тѣсно соединяла государя съ его народомъ, придумалъ средство приобрести расположеніе микадо. Какъ только онъ увидѣлъ при дворѣ императорскаго внука, мальчика лѣтъ шести, рожденіе котораго ознаменовалось тѣмъ-то необыкновеннымъ, онъ преклонился къ ногамъ этого ребенка, означеннаго такимъ чудеснымъ образомъ, и сталъ воздавать ему божескімъ почести, объявляя при этомъ, что узнаетъ въ немъ воплощеніе одного изъ учениковъ Будды, — новаго покровителя имперіи, будущаго распространителя религіознаго свѣта. Микадо далъ себя уговорить посвятить этого ребенка богослуженію, и поручить его воспитаніе корейскому бонзѣ. Остальное нетрудно угадать. Этотъ мальчикъ впоследствии сталъ вводить буддизмъ въ Японию и сдѣлался первымъ первосвященникомъ этой религіи. Нынѣ его почитаютъ подъ именемъ *Сѣго-Токъ-Дайси* (Sgo-Tok-Daisi), святаго и добродѣтельнаго наслѣднаго принца.

Японцы не только не стали отрицать чужеземнаго происхожденія новаго вѣроисповѣданія, но даже поставили себѣ въ обязанность напоминать его посредствомъ различныхъ символовъ, какъ-то слоновьихъ головъ, о которыхъ я уже упоминалъ, говоря объ архитектурныхъ украшеніяхъ буддистскихъ памятниковъ, и плантацій пальмъ небольшой породы, акклиматизированной въ Японию, встрѣчаемыхъ близъ входа во всѣ храмы, въ память объ Индіи.

Имъ легче было, однако, выразить вышними знаками свое уваженіе къ колыбели Будды, нежели сохранить неискаженнымъ то, что составляетъ самую сущность его религіи, т. е. точное преданіе о его жизни, о его личности, о томъ, чему онъ училъ.

Въ японской легендѣ Будда является на свѣтъ чудеснымъ образомъ. Тотчасъ же послѣ рожденія онъ становится посреди комнаты, дѣлаетъ семь шаговъ по направленію каждой изъ четырехъ странъ свѣта, и потомъ, указывая правою рукою на небо, а лѣвою — на землю, восклицаетъ: «Ни во кругъ, ни вверху, ни внизу, нѣтъ ничего, что бы могло со мною сравниться, нѣтъ ни одного существа болѣе меня достойнаго почитанія».

Въ этомъ положеніи изображается Будда — дитя, когда празднуется его рожденіе. Въ осьмой день четвертаго мѣсяца, народъ собирается въ его храмѣ, гдѣ бонзы обливаютъ его статуэтку настоящею ароматическою травою, приготовленною ими же въ особеннаго рода сосудѣ для священной воды, стоящемъ у ногъ этой статуэтки. Затѣмъ, послѣдней воздаются правовѣрными разныя почести а самые благочестивые, въ довершеніе своихъ религіозныхъ подвиговъ, обливаются тѣмъ настоемъ и пьютъ его.

Отъ девятаго до пятнадцатаго дня втораго мѣсяца празднуется воспоминаніе о размышленіяхъ Сакіа-муни въ уединеніи лѣсовъ. Это недѣля отрѣшенія отъ свѣта, углубленія въ самого себя и религіозныхъ думъ, а также и проповѣдей, въ которыхъ бонзы поучаютъ народъ, что пробужденіе высшаго познанія въ душѣ Будды сопровождалось появленіемъ блестящей збѣды; что мудрецы, прослѣдившись вполнѣ, излагали первую книгу закона въ теченіе тридцати семи дней; на изложеніе второй книги онъ употребилъ двѣнадцать лѣтъ, третьей — тридцать лѣтъ, четвертой — восемь лѣтъ, а на изложеніе послѣдней, въ которой говорится о *нирванѣ* (nirvāna), — только одинъ день и одну ночь. Они говорятъ еще, что въ теченіе сорока девяти лѣтъ своей учительской дѣятельности, онъ *обернулъ колесо закона* (подъ этимъ символическимъ выраженіемъ слѣдуетъ понимать полное изложеніе его ученія) не менѣе трехъ сотъ шестидесяти разъ. Седьмой и послѣдній день праздника посвященъ памяти — смерти Будды. Въ каждомъ изъ мѣстъ, специально назначенныхъ для поклоненія ему, воздвигается кенотафъ (пустая гробница), и правовѣрные переходятъ изъ одного храма въ другой, стараясь превзойти другъ друга въ усердіи, съ какимъ каждый свѣситъ украсить священную гробницу. Тогда въ храмѣ *Тоофуки* (Toofouki), въ Киото, развѣшивается знаменитая картина *Неханзао* (Nehanzaō), писанная *Тоодензю* (Toodenzen). Посреди этого большаго холста изображенъ Будда, лежащій подъ деревьями и погруженный въ покой вѣчнаго небытія. Торжественное спокойствіе его лица ясно показываетъ, что освобожденіе его разума совершилось, и что мудрецъ безвозвратно вошелъ въ *нирвану*. Собравшіеся вокругъ него ученики смотрятъ на него съ выраженіемъ удивленія, и мѣстѣ съ тѣмъ — сожалѣнія о потерѣ его. Вѣдники, утешенные наріи, оплакиваютъ сострадательнаго друга, кормившаго ихъ милостынею, которую онъ для нихъ собиралъ, — утѣшителя, ласковаго и полное уча-

стія слово котораго возвѣстило имъ надежду на избавленіе. Даже животныя, вообще все, что сотворено, приходитъ въ движеніе, увидя трупомъ — того, кто всегда уважалъ жизнь, во всѣхъ формахъ, въ какія только она облакается въ природѣ. Духи земли, воды и воздуха съ благоговѣніемъ приближаются къ Буддѣ; за ними слѣдуютъ жители ихъ царствъ: всякаго рода рыбы, птицы, насекомыя, гады, наконецъ млекопитающіе, не исключая и бѣлаго слона, составляющаго высшую ступень браманической метампсихозы.

Какъ ни странна концепція этой картины, однако она производитъ очень сильное впечатлѣніе. Она возбуждаетъ въ насъ какое-то неопредѣленное сочувствіе, и даже какъ будто выражаетъ что между человѣкомъ и всѣми существами земнаго творенія есть извѣстная солидарность. Что касается до главнаго, настоящаго содержанія картины, то мнѣ кажется, что еще не рѣшенъ окончательно вопросъ касательно смысла, какой слѣдуетъ ей придать. Должны ли мы представлять себѣ нирвану, конечную цѣль стремленій буддистовъ, какъ поглощеніе души праведника въ божественномъ существѣ всемірнаго духа, или считать ее, въ самомъ дѣлѣ, синонимомъ уничтоженія — небытіемъ? Ученіе Будды чрезвычайно темно во всемъ, что касается этого вопроса. Однако самые почтенные авторитеты высказываются въ пользу послѣдняго предположенія. Объясненіе, которое г. *Бартеlemi-Сентъ-Илеръ* (Barthélemy Saint Hilaire), со словъ г. *Э. Бюрнуфа* (E. Burnouf), даетъ на счетъ нирваны буддистовъ, въ короткихъ словахъ заключается въ слѣдующемъ:

Будда принимаетъ за исходную точку своего ученія неоспоримый фактъ — существованіе страданій, въ какой бы то ни было формѣ наступающихъ человѣка во всякомъ общественномъ положеніи. Отъ искивая причины этихъ страданій, онъ приписываетъ ихъ страстямъ, похотямъ, проступкамъ, невѣжеству, и даже самому существованію. Если принять послѣднее, то ясно, что страданія не могутъ имѣть другаго конца, какъ прекращеніе существованія. Но чтобы быть дѣйствительнымъ, этотъ конецъ долженъ быть полнымъ уничтоженіемъ, ничтожествомъ, *нирваной*. Нѣтъ другаго средства выйти изъ круга постоянныхъ возрожденій и окончательно освободиться отъ подчиненія закону переселеній. Это сложное существо, состоящее изъ души и тѣла, и называемое человѣкомъ, только посредствомъ абсолютнаго уничтоженія можетъ быть дѣйствительно избавлено отъ своихъ страданій, потому что если только остается малѣйшій атомъ его души, то душа можетъ снова возродиться въ одной изъ тѣхъ безчисленныхъ формъ, въ какихъ проявляется существованіе, и мнимое избавленіе окажется заблужденіемъ, какъ и все другое. Единственное убѣжище, единственная дѣйствительность — ничтожество, абсолютное небытіе, потому что изъ него нѣтъ возврата.

Если приведенное мною мнѣніе дѣйствительно вѣрно выражаетъ мысль индусскаго реформатора то нужно признаться, что буддистская нирвана превосходитъ своимъ трагическимъ, ужасающимъ характеромъ все, что было придумано древними для объясненія тайны человѣческой судьбы. Эта идея — въ одно и тоже время — и послѣднее слово отчаянія, и высочайшее проявленіе воли. Предполагая уничтожить страданіе прекращеніемъ самаго существованія, буддистъ очевидно становится на почву атеизма, потому что онъ можетъ думать о достиженіи своей цѣли только при отричаніи идеи Верховнаго Существа.

Привѣтствуя смерть, какъ ангела-избавителя, онъ въ тоже самое время бросаетъ ей высокомѣрный вызовъ, и навсегда уходитъ изъ подъ ея власти, разрушая даже послѣдніе зачатки элементовъ возрожденія. Наконецъ, въ этой отрицательной побѣдѣ, въ своемъ окончательномъ уничтоженіи, онъ находитъ средство стать выше самихъ боговъ, потому что послѣдніе остаются подчиненными закону переселеній.

Первымъ дѣйствіемъ буддистскихъ проповѣдей на японцевъ было то, что онѣ доставили богатую пищу любопытству этихъ островитянъ, въ такой же степени любящихъ звать и дѣлать разные разспросы, въ какой индусы склонны къ созерцанію и молчанію.

Какое обширное поле изслѣдованій открывалось для тѣхъ, кто еще въ первый разъ начиналъ заниматься разработкой метафизическихъ вопросовъ!

Такъ какъ японцы не чувствовали никакого нетерпѣнія погрузиться въ нирвану, то преимущественно интересовались вопросомъ, что именно можетъ происходить въ промежуткѣ между смертью и конечнымъ уничтоженіемъ? Скоро, при помощи бонзъ, по городамъ и деревнямъ разошлось извѣстное число условныхъ идей касательно души, смерти и будущей жизни, нисколько не мѣшавшихъ, конечно, признавать абсолютной истиной все то, чему японцы научились отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, относительно древнихъ боговъ и почитаемыхъ національныхъ камисовъ.

Вотъ содержаніе этихъ идей: душа человѣка нѣчто въ родѣ пара, принявшаго продолговатую

форму, свободно носящуюся въ воздухѣ, не смѣшивающуюся ни съ чѣмъ; точнѣе—форма души опредѣлялась въ видѣ лигушечьяго головастика, отъ головы до оконечности хвоста котораго проходитъ тонкая ниточка крови. Если обращать вниманіе, то можно видѣть, какъ она вылетаетъ изъ дому умирающаго въ то время, когда тотъ испускаетъ послѣдній вздохъ. Во всякомъ случаѣ, нетрудно разслышать трескъ оконныхъ рамъ при ея проходѣ. Куда она идетъ—неизвѣстно; но всегда ее встрѣчаютъ духи, служащіе великому судѣ ада. Они проводятъ ее въ его судилище, и судья приказываетъ ей стать на колѣни передъ зеркаломъ, въ которомъ, безъ всякаго состраданія къ ней, отражается все сдѣланное ею при жизни зло. Подобное же явленіе иногда происходитъ и на землѣ; такъ одинъ актеръ изъ Іеддо, совершившій убійство, съ тѣхъ горъ не могъ посмотрѣться въ зеркало, чтобы не встрѣтить въ немъ блѣдное лицо своей жертвы.

Душа, отягченная преступленіями, бродитъ, смотря по важности грѣховъ, въ томъ или другомъ изъ осмынадцати концентрическихъ круговъ ада. Души, постепенно очищавшіяся, пребываютъ въ чистилищѣ, крышку котораго имъ открываютъ, когда онѣ могутъ продолжать прогрессивный ходъ своего странствованія, не опасаясь снова впасть въ искушеніе и поддаться ему. Наконецъ, нѣкоторыя души возвращаются въ то мѣсто, гдѣ онѣ прежде жили, или гдѣ погребены ихъ смертные останки.

Одна молодая женщина собиралась уснуть; вдругъ она вздрагиваетъ и видитъ надъ собою, внутри занавѣски отъ москитовъ, какую-то тѣнь. Съ своей стороны, мужъ ея, сидѣвшій близъ ночника, падаетъ на колѣни, пораженный ужасомъ; если онъ не различаетъ видѣнія, то слышитъ жалобные звуки хорошо знакомаго ему голоса — голоса умирающей первой своей супруги, которую онъ отравилъ, чтобы мѣсто ея могла занять молодая жена, бывшая тогда его любовницей. Или, запоздалый путникъ, идущій вдоль рѣки, посреди большого болота, видитъ предъ собой два блѣдныхъ привидѣнія: молодая мать скинута въ своихъ объятіяхъ маленькаго ребенка; покинутая всѣми, въ нищетѣ, несчастная рѣшилась на двойное преступленіе. Прохожіи, иди, возвѣсти всѣмъ, что каждую ночь изъ лона глубокихъ водъ выходятъ двѣ жертвы, и являются обвинителями настоящаго виновника ихъ смерти!

Есть даже нѣсколько уединенныхъ мѣстъ, засыпанныхъ всякимъ мусоромъ, заросшихъ терновникомъ и разными ядовитыми растеніями, гдѣ бродятъ не только кающіяся души, но и отвратительные демоны.

Однообразная легенда связана со всѣми этими мрачными и унылыми мѣстами. Тамъ возвышался замокъ феодальнаго владѣтеля, вся жизнь котораго была рядомъ злодѣйствъ, насилій и жестокостей. Наконецъ онъ былъ застигнутъ въ располѣхъ въ своемъ притонѣ, и мщеніе оскорбленныхъ и угнетенныхъ семействъ насытилось кровью и огнемъ. Ночью онъ возвращается на землю, вспоминаетъ, какимъ образомъ онъ былъ умерщвленъ и стоять на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ упалъ, оцѣнивая отъ ужаса. Беззащитный и безпомощный—стоитъ подъ градомъ проклятій своихъ жертвъ и насмѣшекъ и ругательствъ дѣтей ада.

Разсказы о привидѣніяхъ, странныя сказки, книги иллюстрированныя картинками, изображающими адъ, или появленіе злыхъ духовъ, — размножились въ Японіи до такой степени, что воображеніе народа осаждено ими со всѣхъ сторонъ.

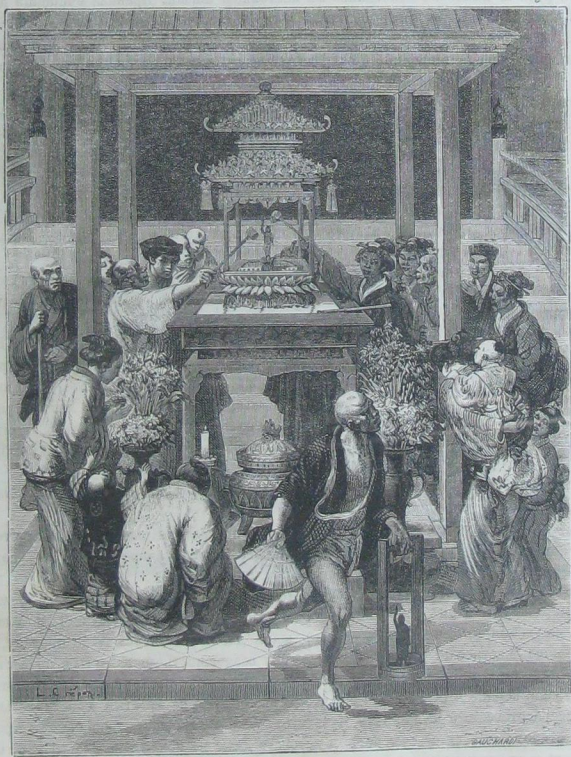
Патронъ этой литературы, по народной мифологіи—*Тенгу* (*Tengu*), богъ сновъ, крылатый духъ страннаго и смѣшнаго вида; на головѣ у него надѣтъ гасильникъ, а въ рукахъ онъ держитъ золотой костыль. Онъ предводительствуетъ ночной пляской всѣхъ предметовъ, обыденныхъ или священныхъ, могущихъ составлять содержаніе сновъ человѣка. Даже убійщикъ смерти повинуется его грубому призыву. Канделябры въ тактъ склоняютъ свои головы, въ которыхъ пробиты свѣтильницами отвѣстныя; каменные черепахи, поддерживающія могильныя памятники, начинаютъ тяжело двигаться, а гримасничающіе скелеты, завернувшись въ свои саваны, присоединяются къ фантастической круговой пляскѣ, изъ предосторожности махая кругомъ себя бумажнымъ кропиломъ, служащимъ защитой отъ злыхъ духовъ.

ГЛАВА XIX.

БОНЗЫ.

Ученіе японцевъ о земной жизни. — Японскіе аскеты. — Ученіе бонзъ. — Боги Японіи. — Мнѣологическія животныя. — Японскіе монастыри.

Воображенію трудно себѣ представить, что третья почти часть человѣческаго рода не имѣетъ никакого другаго религіознаго вѣрованія, кромѣ буддизма, этого богослуженія безъ бога, этой религіи ничтожества, небытія, созданной отчаяніемъ. Съ одной стороны хочется убѣдить себя, что всѣ

Крещеніе Будды.

эти люди, признающіе ея господство, не понимаютъ исповѣдуемаго ими ученія, или не признають всѣхъ его логическихъ послѣдствій. Дѣйствительно, языческіе обряды, удержавшіеся рядомъ съ новымъ закономъ, повидимому свидѣтельствуетъ о томъ, что послѣдній не могъ ни удовлетворить, ни

подавить религиозное чувство, врожденное человеку и постоянно живущее въ средѣ всякаго народа. Съ другой стороны, нельзя не признавать огромного вліянія философіи, проводящей конечное уничтоженіе, — вліянія, выразившагося въ множествѣ чертъ изъ жизни, нравовъ и обычаевъ японцевъ. *Ирова* учить дѣтей въ школахъ, что жизнь убѣгаетъ, точно сонъ и не оставляетъ по себѣ никакого слѣда. — Съ самымъ презрительнымъ равнодушіемъ взрослый японецъ жертвуетъ своею или чужою жизнью для удовольствія тщеславія или какой нибудь пустячной мести. Убийства и самоубійства такъ часты въ Японіи, что мало есть благородныхъ семействъ, въ которыхъ бы не хранилась и съ гордостью не показывалась хоть одна сабля, обогрѣнная человѣческой кровью.

Тѣмъ не менѣе, буддизмъ имѣетъ нѣкоторые преимущества предъ вытѣсненными имъ религіями. Этимъ относительнымъ превосходствомъ онъ обязанъ истинности своей исходной точки, — сознанию необходимости избавленія, сознанию, основанному на двухъ фактахъ: на существованіи зла въ человѣкѣ и на всеобщемъ страданіи, злѣ и нуждѣ, разлитыхъ по всему свѣту.

Общанія религіи камисовъ относились къ настоящей жизни. Правила очищенія должны были предохранить правотѣрныхъ отъ пяти великихъ золъ, т. е. отъ небеснаго огня, отъ болѣзни, отъ бѣдности, отъ изгнанія и отъ преждевременной смерти. Обряды религиозныхъ праздниковъ имѣли цѣлью прославленіе героев имперіи. Но если патріотизмъ и возвысился до степени національнаго богослуженія, однако несомнѣнно, что это естественное чувство, столь драгоцѣнное и почтенное, еще не можетъ одно, само по себѣ, наполнить собою всю душу и удовлетворить всѣмъ ея потребностямъ. Человѣческая душа больше нежели весь міръ. Ей нужна религія, которая уносила бы ее за предѣлы земли. Буддизмъ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, соответствовалъ стремленіямъ этого рода, до тѣхъ поръ не сознавшимъ. Уже одного этого обстоятельства было бы достаточно, чтобы объяснить быстрое его распространеніе по Японіи и другимъ землямъ, при помощи однихъ только проповѣдей и убѣжденій. Не трудно, впрочемъ, себѣ представить, что популярности онъ получилъ не въ томъ отвлеченномъ, философскомъ видѣ, въ какомъ онъ представляется намъ: лучшимъ доказательствомъ служить нынѣшнее его состояніе.

Въ Японіи были, какъ и въ Индіи, аскеты, изнурявшіе себя воздержаніемъ всякаго рода и терпѣніемъ въ отвлеченностяхъ, но число ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, было очень не велико и замѣнитѣльнѣйшій изъ нихъ былъ родомъ иудусъ.

Я говорю о *Бодди-Дармѣ* (Boddi-Dharma), основателѣ секты *Сень-Сэю* (Sen-Sjou). Онъ прибылъ въ Японію въ 613 г. по Р. X. Легенда изображаетъ его переплывающимъ Корейскій проливъ, стоя на широкомъ листѣ дерева, называемаго *асчи* (aschi), или, что менѣе вѣроятно, на простомъ тростниковомъ стеблѣ. Предъ отправленіемъ въ Японію, онъ, въ теченіе десяти лѣтъ, приготавлился къ своей дѣятельности слѣдующимъ образомъ: онъ провелъ эти девять лѣтъ въ полномъ уединеніи въ Корейскомъ храмѣ *Шiao-линъ* (Scháo-lin), сидя на циновкѣ, съ лицомъ неподвижно обращеннымъ въ стѣну.

Будда предписалъ своимъ ученикамъ проводить какъ можно больше времени въ *дианѣ* (dhyane) т. е. въ созерцаніи.

Бонзы же, желая регламентировать ходъ созерцанія, превратили диану въ родъ мистической лѣстницы, раздѣленной на два яруса, изъ которыхъ каждый, въ свою очередь, состоитъ изъ четырехъ ступеней (см. сочиненіе *«Le Bouddha, de M. Barthélemy Saint Hilaire»*).

Чтобы пройти черезъ первую ступень, аскетъ долженъ отрѣшиться отъ всякаго желанія, кромѣ стремленія къ нирванѣ. Въ этомъ состояніи души онъ еще думаетъ и разсуждаетъ, но запертъ отъ соблазна зла, и ощущенія того, что этотъ первый шагъ даетъ ему надежду на нирвану, приводятъ его въ восторженное настроеніе, вскорѣ дающее ему возможность достигнуть второй ступени. Во время этого втораго шага, чистота аскета остается неизмѣнною; но, кромѣ того, онъ отложилъ въ сторону всякое размышленіе и сужденіе, такъ что духъ его, уже не занятый дѣйствительными предметами и весь сосредоточенный на нирванѣ, чувствуетъ уже только наслажденіе отъ внутренняго удовольствія, о которомъ онъ не разсуждаетъ, и котораго даже не понимаетъ. На третьей ступени созерцанія исчезаетъ и это внутреннее удовольствіе; мудрецъ впадаетъ въ состояніе полнаго равнодушія, даже относительно того блаженства, которое до сихъ поръ испытывалъ его духъ. Теперь ему осталось одно удовольствіе: неопредѣленное ощущеніе физическаго благосостоянія, разлитая по всему его тѣлу. Однако, онъ еще сохранилъ воспоминаніе о проиденныхъ имъ состояніяхъ, и смутное сознаніе самаго себя, не смотря на то, что дошелъ до полнаго почти отрѣшенія отъ всего. Наконецъ, достигнувъ четвертой ступени, аскетъ не имѣетъ уже даже и этого темнаго ощущенія физическаго

благополучія; онъ также совершенно лишился памяти, болѣе того: въ немъ потерялось даже ощущеніе его равнодушія; теперь, освободившись отъ всякаго удовольствія и всякой горести, какова бы ни была ихъ причина, внѣшняя или внутренняя, — онъ дошелъ до полнаго безстрастія, такъ близкаго къ нирванѣ, какъ это только возможно во время земной жизни.

Теперь аскету позволено перейти во второй ярусъ діаны, т. е. въ четыре, находящіяся одна надъ другою, области міра, не имѣющаго формъ. Сначала онъ входитъ въ область безконечности пространства. Оттуда поднимается ступень выше — въ область безконечности духа. Съ этой высоты онъ уже можетъ достигнуть третьей области, въ которой нѣтъ совершенно ничего. Но такъ какъ можно было бы предположить, что въ этой пустотѣ и этомъ мракѣ существуетъ еще по крайней мѣрѣ одна идея, представляющая для аскета самое то ничтожество, въ которое онъ погружается, то ему нужно сблать послѣднее, высшее усиліе, чтобы войти въ четвертую область безформеннаго міра, гдѣ уже нѣтъ идей, нѣтъ даже *идеи отсутствія идей*.

Семейная молитва.

Таковы мистическіе процессы буддистскаго созерцанія, которое Бодди-Дарма ввелъ въ Японію.

Другіе проповѣдники, преемники его, развиваютъ ученіе Будды въ томъ же духѣ, т. е. замѣняя, каждый въ своемъ родѣ, внѣшними обрядами — самостоятельность благочестія и дѣятельность духа. Учитель сказалъ, напримѣръ, своимъ ученикамъ: «идите, благочестивые люди, скрывайте ваши добрыя дѣла и показывайте ваши грѣхи». Бонзы же установили процессіи кающихся. Кротость была одною изъ преобладающихъ чертъ характера Сакіямуні. Состраданіе его было обращено на всѣ существующія твари. Когда его ученіе распространилось между японцами, послѣдніе слѣдовали закону, запрещавшему ѣсть мясо домашнихъ животныхъ; этотъ обычай, между прочими экономическими послѣдствіями, имѣлъ еще и то, очень важное и благотворное, что предупреждалъ вздорожаніе буйволовъ, которые въ странахъ, гдѣ воздѣлывается рисъ, совершенно необходимы, даже самымъ бѣднымъ земледѣльцамъ. Скоро нѣкоторыя буддистскія секты дошли до того, что запретили всякую пищу, не имѣющую растительнаго происхожденія.

Сакіямуні приказывалъ воздерживаться не только отъ лжи и вредныхъ рѣчей, но и отъ всякаго празднаго слова. Поэтому молчаніе было включено въ число монастырскихъ обѣтовъ. Точно такимъ же образомъ самоотверженіе, чистота нравовъ, терпѣніе, постоянство — все это, подъ вліяніемъ бонзъ, выразилось предписаніями, опредѣляющими до самыхъ мелочныхъ подробностей одежду, пищу, распределение часовъ дня и ночи въ религиозныхъ общинахъ. Будда былъ неутомимъ въ дѣлѣ возбужденія состраданія богатымъ въ пользу всѣхъ несчастныхъ; поэтому бонзы организовали братства нищенствующихъ монаховъ. Онъ объявилъ, что такъ же хорошо расположись къ наиболее презираемымъ членамъ общества, какъ и къ наиболее уважаемымъ, и что будетъ излагать свой законъ какъ ученымъ, такъ и невѣждамъ; поэтому бонзы провозгласили невѣжество одною изъ главнѣйшихъ добродѣтелей. У индусскаго реформатора вѣра соединилась съ познаніями; по мнѣнію же бонзъ, первой добродѣтели было достаточно, чтобы дѣлать лишними всѣ остальные. «За исключеніемъ одной только секты Сень-Сжу (Sen-Sjou), говоритъ одинъ японскій писатель, «всѣ наши бонзы стремятся держать народъ, особенно же крестьянъ, въ глубокомъ невѣжествѣ; они говорятъ, что для того, чтобы дойти до совершенства, достаточно имѣть слѣпую вѣру».

Первосвященникъ *Фудайзи* (Foudaisi), пришедшій изъ Китая съ двумя сыновьями, *Фуэсжоо* (Fous-joo) и *Фукономъ* (Fouken), изобрѣлъ механическій способъ, избавляющій бонзъ отъ необходимости вертѣть колесо закона, въ томъ смыслѣ, какой слова эти имѣютъ на мистическомъ языкѣ буддизма, исполняя въ то же время эту обязанность въ буквальномъ значеніи слова. Онъ устроилъ *ринсоо* (rinsoo), родъ подвижнаго налона, вращающагося на оси, и разложилъ на немъ свертки священныя книги. Его ученики получали отъ него, смотря по степени своего благочестія, позволеніе обернуть ринсоо на четверть круга, на полкруга, или на три четверти; очень рѣдко можно было заслужить милостивое позволеніе сдѣлать полный оборотъ ринсоо, что считалось такимъ же важнымъ, благочестивымъ дѣломъ, какъ прочесть громко всѣ священныя книги, отъ начала до конца.

Бонзы *Синранъ* (Sinran), *Ниттичю* (Nititzen), и около тридцати дружихъ составили себѣ имя, какъ основатели сектъ, изъ которыхъ всякая отличается какою нибудь особенностью, достойною соперничать съ остроумнымъ изобрѣтеніемъ Фудайзи. Такъ, существуетъ одно братство, имѣющее исключительное право извлекать пользу изъ большихъ семейныхъ четоковъ. Нужно замѣтить, что буддистскія четки могутъ обнаружить свою силу только въ томъ случаѣ, если ихъ перебираютъ по всѣмъ правиламъ; между тѣмъ, нельзя поручиться за то, что въ многочисленномъ семействѣ никто не ошибется при употребленіи четоковъ; въ этомъ-то и заключается причина недѣйствительности, въ которой ихъ иногда упрекаютъ. Въ подобныхъ случаяхъ, вмѣсто того, чтобы обвинить другъ друга, самые благоразумные посылаютъ за бонзою *большіе четоки*, чтобы опять привести дѣло въ порядокъ. Онъ сѣвшии явиться со своимъ орудіемъ, представляющимъ приблизительно размѣры порядочнаго улова; орудіе это онъ передаетъ въ руки членовъ семейства, стоящихъ на колѣняхъ и расположенныхъ большимъ кругомъ, а самъ становится на колѣни передъ жертвенникомъ домашняго идола и управляетъ молитвами, посредствомъ тимпана и небольшого молоточка. По данному имъ знаку, отецъ, мать, дѣти загибаютъ во все горло указанныя молитвы. Маленькіе шарикъ четоковъ, большіе ихъ шарикъ, удары молоточка, — слѣдуютъ другъ за другомъ въ тактъ съ увлекающимъ правильностью; лица перебирающія четки, оживляются, крики становятся страстными, руки и кисти рукамъ повинуются съ точностью машинъ, потъ льется ручьями, тѣло затрясаетъ отъ усталости. Наконецъ, обрядъ конченъ; всѣ истомлены до крайности и задыхаются, но лица ихъ сіяютъ счастьемъ, потому что посредствующіе боги должны быть удовлетворены!

Буддизмъ, — религія гибкая, примиряющая, вкрадчивая, примѣняющаяся къ духу и обычаямъ самыхъ различныхъ народовъ. Поэтому буддистскіе бонзы, при первомъ своемъ появленіи въ Японію, сразу сумѣли достигнуть того, что имъ были вѣрены раки японскихъ святыхъ и даже небольшія часовни камисовъ, для храненія ихъ въ оградахъ ихъ святилищъ. Они поспѣшили прибавить къ своимъ обрядамъ символы, заимствованные изъ стараго туземнаго богослуженія; наконецъ, чтобы лучше слить обѣ религіи, они въ одно и то же время помѣстивъ въ своихъ храмахъ — камисовъ съ названіями и атрибутами индусскихъ божествъ, и индусскія божества, превращенія въ японскихъ камисовъ. Подобные обмѣны не представляли ничего невозможнаго, потому что ихъ очень естественнымъ образомъ объяснили догматомъ переселенія. Благодаря этому соединенію двухъ вѣроисповѣданій, получившему названіе *Ріобу Синтоо* (Riobou Sintoo), буддизмъ сдѣлался въ Японіи преобладающимъ религіею.

При поверхностномъ взглядѣ можетъ показаться, что роль буддизма ограничивалась освященіемъ ринныхъ народныхъ преданій и прибавленіемъ новыхъ предметовъ почитанія къ тѣмъ, которыми уже питалось благочестіе массъ. Сначала были поставлены въ честь великаго индійскаго Будды тѣ колоссальныя статуи, которыхъ совершеннѣйшій типъ представляетъ Дайбудда, стоящій въ Камакурѣ; затѣмъ, олицетворили японскую идею верховнаго божества въ фантастическомъ образѣ Амиды, котораго изображаютъ въ девяти различныхъ видахъ, служащихъ выраженіемъ его воплощеній и свойственныхъ ему совершенствъ; эмблемою одного изъ послѣднихъ служить собачья голова.

Между вспомогательными богами, служащими людямъ посредниками для приближенія къ божеству, поклоненіе народа обратилось главнѣйшимъ образомъ на Кваннона, имѣющаго въ Иедо храмъ, посѣщаемый чаще всѣхъ остальныхъ, а въ Кіото — знаменитый храмъ тридцати трехъ-тысячъ, трехсотъ тридцати-трехъ гёніевъ (по японски говорится: Санмант-сансинъ санбюкъ-сансинъ-сантаи). Это божество покоится на цвѣткѣ лотоса, подогнувъ подъ себя лѣвую ногу; на головѣ его — покрывало спадающее на плечи, а грудь украшена спускающимся на нее ожерельемъ. Колоссальный истуканъ

Гражданскій судья.

Кваннона, находящійся въ Кіото, имѣетъ не менѣ сорока шести рукъ, увѣшанныхъ всякаго рода атрибутами, свидѣтельствующими о его могуществѣ.

Подъ именемъ Бозатова, поклоняются божественнымъ и помогающимъ людямъ существамъ, сидящимъ, подобно Кваннону, на цвѣткѣ лотоса; вокругъ головы обвита спадающая на плечи лента, а въ правой рукѣ — лилія или лотосъ.

Ниче ихъ стоятъ *Арианы* (Arhans), окончившіе, уже много тысячъ лѣтъ тому назадъ, весь кругъ метампсихоза, *Гонгены* (Gonhens), божества, возрождающіеся еще въ человѣческомъ образѣ, *Дзисзо* (Dziso), *Футоо* (Foutoo), и другія, которыхъ названій здѣсь перечислять.

Кромѣ того, буддизмъ причелъ къ сонму боговъ, осмнадцать главнѣйшихъ учениковъ Сакіамуні — *роконовъ*, знаменитѣйшихъ проповѣдниковъ его ученія — *сенниновъ* и огромное множество мучениковъ этого ученія — *мидзминовъ*; всякое изъ этихъ лицъ имѣетъ свой, характеризующій его, атрибутъ, такъ что между ними отличаютъ святаго съ тигромъ, съ черепахою, съ козленкомъ, съ журавлемъ; другихъ характеризуютъ дракономъ, ракъ, бамбукъ, пріисъ, каскадъ и т. д. Но это еще не все:

буддизм создалъ царю неба, стражей неба, изъ которыхъ нѣкоторые въ то же время и стражи различныхъ храмовъ, дагѣ — царей земли, царей ада, геніевъ благодѣтельныхъ, геніевъ мстителей; рядомъ съ древнимъ японскимъ божествомъ солнца онъ поставилъ боговъ луны, планетъ, зодиака, духовъ дождя, вѣтра, грома; наконецъ, онъ далъ небеснымъ патронамъ-покровителямъ врачамъ, солдатамъ, конюхамъ, охотникамъ, словомъ — всякому классу общества и всякому роду занятій.

Между этимъ множествомъ образовъ, величественныхъ или фантастическихъ, которые развертываютъ передъ нашими глазами буддизмъ, не всегда легко бываетъ отличить тѣ, которые принадлежатъ собственно ему. Нѣкоторые изъ нихъ, безъ сомнѣнія, уже существовали въ Японіи до появленія тамъ буддизма. Можетъ быть, къ этому разряду слѣдуетъ отнести бога вѣтровъ *Фютена* (Fūten) и бога грома *Райдена*. Первый въ китайской мифологіи имѣетъ множество атрибутовъ, заимствованныхъ отъ оленя, отъ воробья, отъ леопарда и т. д.; въ Японіи онъ изображается съ однимъ только мѣхомъ, подобно золу; но японская символика, въ этомъ случаѣ, стоитъ выше греческой, потому что *Фютенъ* является паричимъ въ воздухѣ, съ развивающимися волосами, а мѣхъ лежитъ у него на плечахъ; такъ какъ онъ имѣетъ два отверстія, то *Фютенъ* каждою рукою сжимаетъ шею одного изъ нихъ, распоряжаясь ими, такимъ образомъ, по своему благоусмотрѣнію; положеніе и выраженіе его не лишены своего рода живописнаго достоинства. Что касается до *Райдена*, бога грома и молніи, то это довольно смѣливой духъ, парящій въ облакахъ, съ молоточкомъ во всякой рукѣ, и бьющій въ шесть цимбалъ, расположенныхъ вокругъ его головы.

Много также неяснаго въ происхожденіи многочисленныхъ, фантастическихъ животныхъ японской мифологіи. Я упомяну только тѣхъ, которые представляютъ хоть какой-нибудь артистическій интересъ. *Кирина* имѣетъ голову единорога, ноги оленя, а тѣло лошади; его появленіе, быстрее — такъ какъ ноги его только касаются земли и не раздавливаютъ даже ползущаго по ней червяка, — предвѣщаетъ рожденіе *сезина*, т. е. благодѣтельнаго духа, каковы *Сакія* (Sakya), *Дарма* (Dharma), *Смѣтокдайзи* (Sjotokdaizi) и т. п. *Гино-воо* (Hino-woo) и *Мидсу-но-воо* (Midson-no-woo) духи огня и воды, кажется относятся еще къ древней религіи камисовъ. *Фоо*, должно быть, проникъ сюда изъ Китая. *Кома-ичу*, говорятъ, былъ ввезенъ изъ Кореи императрицею Цингу. Это животное, составляющее среднее между львомъ и собакою, можетъ быть, создалось подъ влияніемъ воспоминанія о пещерномъ львѣ. Можно видѣть два великолѣпныхъ экземпляра его, высѣченныхъ изъ гранита, на площадкѣ передъ храмомъ *Ками-гамайу* (Kamī-gamayou) въ Симнозекі, *Дриа* или *Десеа* (Dsja), драконъ съ шестью когтями, похожъ на императорскаго китайскаго дракона, у котораго когтей только пять. Онъ украшаетъ фризъ и капители нѣкоторыхъ храмовъ, а также и дворцовъ тайкунъ и знатнѣйшихъ даймѣсовъ. *Татсъ-маки* — ужасъ добрыхъ людей. Этого огромнаго дракона, болѣею частью, скрывается въ пещерахъ на днѣ морскому, но иногда онъ подымается на поверхность моря и вдругъ взлетаетъ на небо; смятеніе, которое онъ при этомъ производитъ въ воздухѣ, причиняетъ губительное явленіе, извѣстное подъ именемъ тифона или смерча. Наконецъ, *Мооки* называютъ черепаха, имѣющую собачью голову и волочащую за собою длинный и широкій хвостъ изъ пловучихъ морскихъ мховъ. Нѣкоторые изъ подобныхъ черепахъ, по увѣренію легенды, до того стары, что на щитѣ ихъ выросли скалы, деревья и жемчугъ.

Въ самыя горячія времена буддизма, т. е. въ седьмомъ и восьмомъ вѣкахъ, бонзы сами своими руками принимались за работу, когда нужно было строить храмъ, или украшать его картинами и статуями. Но если туземныя искусства, особенно архитектура и ваяніе, обязаны имъ нѣкоторыми успѣхами, то о литературныхъ произведеніяхъ мало можно сказать хорошаго. Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ должны быть ученія монастырскія сочиненія, въ тысячахъ томахъ, о лотосѣ доброго закона, двадцати восьми подраздѣленіяхъ созерцанія, о двѣнадцати словахъ Будды, или о чудесной жизни безчисленныхъ аскетовъ, святыхъ и мучениковъ его религіи! Настоящее достоинство подобной литературы заключается въ томъ, что ее абсолютно невозможно читать внѣ совершенно особеннаго міра, составляющаго поселеніе бонзерій, или постоянныхъ посѣтителей этихъ заведеній.

Въ одномъ только отношеніи японскіе монастыри имѣютъ заслугу передъ обществомъ, нерѣдко выставляемую на видъ ихъ защитниками: два или три изъ нихъ въ старину были мѣстомъ, гдѣ постоянно производились трудолюбивыя изысканія и терпѣливые опыты, единственно побудительною причиною которыхъ вначалѣ было, можетъ быть, простое любопытство, но которое наконецъ привело къ открытіямъ, имѣющимъ большую социальную важность. Въ то время, когда на японскомъ языкѣ писали еще исключительно китайскими знаками, одному ученому изъ секты Юто (Uto), по имени *Кибики*, пришла мысль упростить сложныя формы этихъ большихъ четырехугольных письменъ

и замѣнять ихъ сорока семью простыми знаками, легко узнаваемыми и неизмѣнными. Эта азбука, которую съ тѣхъ поръ стали пользоваться для замѣтокъ, примѣчаній и подстрочныхъ толкованій, называется *Катакана*. Но бонзы *Кокаи*, родившійся въ 755 году и основавшій секту *Синну-Сэю* (Sinnu-Sjo), зашелъ еще далѣе на пути упрощенія китайскихъ знаковъ. Онъ выбралъ изъ нихъ также сокоръ семь, способныхъ изображать японскіе слоги, отнявъ у нихъ всякое переносное или метафорическое значеніе и далъ имъ самую простую и легкопишущуюся форму, какая только встрѣчается въ различныхъ китайскихъ системахъ письма; такимъ образомъ составилась азбука, называемая *Гиракана* (Hiragana). Ее употребляютъ женщины, простой народъ, да и сами ученые, когда пишутъ обыденныя вещи, или легкія литературныя произведенія, какъ-то: романы, пѣсни и комедіи *). Всѣ

Поклоненіе буддистскому первосвященнику.

японскія женщины обучаются въ дѣтствѣ азбукѣ гиракана; но другимъ азбукамъ ихъ не учатъ. Мужчины должны тоже знать эту азбуку, но, кромѣ того, они изучаютъ еще катакану, а ученые при-
бавляютъ къ этому еще знаніе болѣе или менѣе значительнаго числа китайскихъ знаковъ. Вслѣд-
ствие этого распредѣленія знаній, мужчина всегда можетъ прочесть написанное женщиною, но жен-
щина только тогда въ состояніи читать то что написалъ мужчина, когда онъ вздумаетъ употребить
азбуку гиракана. Впрочемъ, почтенный, отецъ Кокаи совершенно неповиненъ въ этой удѣлкѣ муж-
чинъ. Поэтому оба пола одинаково питаютъ къ нему заслуженное чувство благодарности, безъ при-
чины. Поэтому сонма буддистскихъ святыхъ нѣтъ ни одного, который бы
пользовался болѣе всеобщимъ уваженіемъ. Народный инстинктъ безошибочно поставилъ скромнаго
изобрѣтателя скорописной азбуки выше всѣхъ чудотворцевъ, о которыхъ говорится въ легендахъ.
Съ одного конца имперіи до другого ему воздаются божественныя почести, подъ именемъ *Кобо-дайзи*,
великаго учителя безконечной религіи.

*) Abel de Rémusat, *Explication des syllabaires japonais, servant d'introduction aux Eléments de la grammaire japonaise* du P. Rodrigue 1825.

ГЛАВА XX.

ТАЙКОЗАМА.

Междоусобная война. — Факсима. — Религиозная война. — Христианская пропаганда. — Гёйяст. — Гонение на христианъ. — Японцы христиане-мученики. — Война съ Китаемъ.

Междоусобная война, бывшая причиною разрушенія Камакуръ, сами по себѣ представляютъ мало интереса. Отъ XIV столѣтія до XVI, во всей Японской имперіи царствовала постоянно возрастающая анархія, угрожавшая наконецъ уничтоженіемъ дѣлу политической централизаціи, начатому *Юритомо*. Въ самомъ сердцѣ даири, домашняя ссора принудила законнаго государя предоставить Кіото своему сопернику, и, въ теченіе почти шестидесяти лѣтъ, первосвященническій престолъ былъ занятъ микадо-узурпаторами, между тѣмъ какъ настояще вѣники солнца должны были довольствоваться резиденціею и дворомъ въ *Иозин*, мѣстечкѣ, лежащемъ къ югу отъ столицы, въ провинціи Ямато. Наконецъ, семейная сдѣлка прекратила этотъ публичный скандалъ, и его первый микадо снова занимаетъ свой престолъ въ священномъ городѣ и торжественно возстановляетъ фикцію своего теократическаго самодержавія.

Съ другой стороны, власть сіюгуновъ составила предметъ сильнаго соперничества, которое вносило войну, разрушеніе и пожары то въ Кіото, то въ Камакуру, и не отступало даже передъ братоубійствомъ. Феодальные владѣтели воспользовались всеобщимъ смятеніемъ, чтобы еще разъ попытаться освободиться отъ вассальскихъ отношеній, связывающихъ ихъ съ правительствомъ или его намѣстниками. Когда, въ 1582 году, сіюгунъ *Нобуна* былъ застигнутъ въ располхъ въ своемъ дворцѣ, въ Кіото, и умерщвленъ со всемъ семействомъ, казалось, что имперія была близка къ разрушенію.

Въ это время, въ числѣ слугъ одного изъ высшихъ чиновниковъ даири, находился конюхъ, по имени *Факсима* (Faxima), сынъ простаго крестьянина, степенный и молчаливый служитель, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ своего хозяина. Часто видѣли его сидящимъ близъ стоилъ лошадей, въ томъ положеніи, какое обыкновенно принимаютъ люди его сословія, съ руками, вытянутыми впередъ и опирающимися локтями на колѣни, а кистями — на перекладину стоилъ; онъ былъ погруженъ въ глубокую задумчивость. Вдругъ его призываютъ на службу даири; онъ поступаетъ въ армию микадо, и черезъ нѣсколько лѣтъ бото *Факсима* дѣлается сіюгуномъ и командуетъ, подъ именемъ *Фидз-Тоси*, войсками посланными противъ возмущившихся вассаловъ. Двухъ лѣтъ ему было достаточно, чтобы подавить возстаніе. Возвращеніе его въ Кіото было настоящимъ триумфомъ. Микадо торжественно облекъ его высшимъ званіемъ даири, т. е. *квамбуку* (quamboku), и провозгласилъ его своимъ главнымъ намѣстникомъ. Тогда *Фидз-Тоси* сталъ дѣйствовать на другомъ поприщѣ.

Каждое изъ безчисленныхъ божествъ буддистской міеологіи получило право гражданства въ Японіи. Каждое изъ нихъ имѣло свои храмы, свои статуи, свои монашескія братства. Бонзы, монахи и монахини находились въ огромномъ числѣ во всей имперіи, особенно же въ центрѣ и въ южныхъ частяхъ Ниппона. Каждый монастырь старался превзойти всѣ другіе въ искусствѣ привлекая къ себѣ какъ можно больше и самыхъ выгодныхъ поклонниковъ. Мало-по-малу, однако, соперничество это сдѣлалось такимъ необузданнымъ, что зависть, постоянныя неудовольствія, наконецъ ненависть стали отравлять взаимныя отношенія нѣкоторыхъ могущественныхъ и честолюбивыхъ братствъ. Отъ ругательствъ они уже перешли къ враждебнымъ дѣйствіямъ. Императорская полиція старалась прекратить первыя драки бритыхъ головъ, но скоро она уже не въ состояніи была противопоставить потоку достаточно твердой оплотѣ. Толпы бѣшеныхъ, въ полномъ монастырскомъ одѣяніи, вооруженные палками, пиками, цѣпями, ночью дѣлали набѣгъ на владѣнія непріязненнаго имъ братства; они грабили или разрушали все, что встрѣчалось имъ на пути, били, оскорбляли, убивали или разгоняли обитателей монастыря, сдѣлывающаго жертвою ихъ коварнаго нападенія, и удалялись не раньше, какъ зажгли бонзерію со всѣхъ четырехъ концовъ. Но, рано или поздно, обидчики, застигнутые въ свою очередь въ располхъ, подвергались той же участи. Въ теченіе XII столѣтія обитатели монастыря, находившагося на *Гейсанъ* (Geyan), шесть разъ сожгли бонзерію *Дженсжоси* (Djensjosi); два раза монахи этой бонзеріи обратили въ груду пепла гейсанскій монастырь.

Подобныя же сцены повторялись и въ другихъ частяхъ Ниппона. Чтобы защитить свои мона-

стири, богатые настоятели обратили их въ крѣпости. Неопытность правительства еще увеличила их дерзость. Враждебныя другъ другу братства сталкивались въ полномъ вооруженіи у дверей храмовъ, которыми они владѣли въ столицахъ. Вслѣдствіе одной изъ такихъ стычекъ, въ 1283 году, была разрушена часть даири. Въ 1536 году пожаръ, умышленно зажженный въ одномъ изъ храмовъ Кіото, распространился на сосѣднія части города и произвелъ страшныя опустошенія. Усилія сіогуна Нобунага — усмирить одно возмущившееся братство — оказались тщетными, потому что оно скрылось за крѣпкими окнами, противъ которыхъ ничего нельзя было сдѣлать.

Фидз-Іоси рѣшился, развъ навсегда, покончить съ монахами и ихъ ссорами. Онъ напалъ на самыя беспокойныя бонзеріи, занялъ ихъ своими войсками, приказалъ срыть ихъ укрѣпленія, сослалъ монаховъ, оказавшихся виновными въ нарушеніи общественнаго спокойствія, на отдаленные острова, и подчинилъ все японское духовенство, не дѣлая никакого различія, надзору полиціи дѣятельной, строгой и неумолимой.

Онъ издалъ постановленіе, предоставлявшее бонзамъ только пользованіе землями, которыми они прежде владѣли; собственникомъ же этихъ земель объявлялось правительство, получившее право распоряжаться ими, по своему благоусмотрѣнію. Наконецъ, онъ приказалъ высшимъ духовнымъ лицамъ, какъ монашествующимъ, такъ и мірскимъ, строжайшимъ образомъ ограничить себя и своихъ подчиненныхъ кругомъ дарованныхъ имъ религіозныхъ правъ и преимуществъ.

Отъ этого закона японское духовенство уже никогда не отступало.

Внутри своихъ бонзерій, священники совершаютъ богослуженіе передъ алтаремъ, на глазахъ народа, въ святилищѣ, отдѣленномъ отъ толпы амвономъ. Къ послѣдней они обращаются только тогда, когда говорятъ проповѣди, что бываетъ только въ праздничные дни, специально назначенные для этого. Процессіи имъ позволено устраивать только въ извѣстные дни года, подъ надзоромъ правительственныхъ чиновниковъ, заставляющихъ общественными церемоніями.

Что касается до ихъ пастырской дѣятельности, то она заключена въ такихъ тѣсныхъ предѣлахъ, что я положительно не нахожу другаго слова, чтобы охарактеризовать ее, кромѣ слова *по-ребетель*, взятаго въ самомъ тривиальномъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, на бонзахъ лежитъ обязанность совершать таинственные обряды, которыми японцы, къ какой бы сектѣ они ни принадлежали, обставляли обыкновенно послѣднія минуты умирающихъ; они же идутъ впередъ похороннаго шествія и распоряжаются, по порученію родственниковъ умершаго, погребеніемъ или сожженіемъ его трупъ, а также и освященіемъ и содержаніемъ въ порядкѣ его могилы.

Если имъ безусловно предоставляють все, что относится къ области смерти, то полиція зорко слѣдитъ за ихъ сношеніями съ обществомъ живыхъ.

Большая часть лицъ, принадлежащихъ къ бѣлому духовенству, женаты и поддерживаютъ тѣсныя сношенія съ небольшимъ кружкомъ близкихъ родственниковъ и сосѣдей. Тѣмъ строже наказанія, которымъ они подвергаются за свои проступки. Я видѣлъ на главномъ базарѣ Іюкогама стараго бонзу который долженъ былъ три дня сряду простоять тамъ на колѣняхъ, на солнечномъ зноѣ, на скверной рогожкѣ; онъ держалъ въ рукахъ маленькій креповый платочекъ, которымъ обтиралъ потъ, ручьями лившійся съ его лысой головы. Надпись, помѣщенная впередъ отъ него, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, возвышала толпѣ, что этотъ несчастный тайно занимался медициной, и даже находилъ въ незаконной связи съ одною изъ своихъ пациентокъ, за что правосудіе тайкуна присудило его къ пожизненному изгнанію, послѣ предвѣрительной выставки у позорнаго стола.

Въ 1586 году, вскорѣ послѣ того, какъ *Фидз-Іоси* освободилъ имперію отъ монастырскихъ смуть, странная извѣстія обратили его вниманіе на островъ Кіузіу.

Въ это время торговля Японіи съ портами азіатскихъ острововъ и материка не была подвержена никакимъ стѣсненіямъ. Владѣтель области *Бунто*, гостепріимно принявшій, лѣтъ сорокъ тому назадъ, португальскихъ искателей приключеній, выброшенныхъ бурей на его берега, тотчасъ же пообѣщавъ доставить имъ средства вернуться въ Гоа, предложивъ имъ присылать ему ежегодно корабль, нагруженный товарами, которымъ можно было ожидать сбыта на туземныхъ рынкахъ. Такимъ образомъ основались и развились совершенно свободно сношенія Португаліи съ Японією. Во время одного изъ первыхъ своихъ путешествій, португальскій корабль, при отправленіи своемъ обратно въ Гоа, тайнымъ образомъ далъ у себя пріютъ одному японцу изъ высшаго сословія, по имени Гансиро (Hansiro), совершившему убійство. Знаменитый іезуитъ Ксаверій, недавно прибывшій въ Гоа, зал. лся религіознымъ образованіемъ японскаго бѣглеца, и окрестилъ его. Въ 1549 году, на островѣ Кіузіу, поселилась, при помощи Гансиро, первая іезуитская миссія, подъ управленіемъ самаго святаго

Франциска Ксаверія. Сначала, когда миссионеры нашли въ Японіи столько учрежденій, обрядовъ и предметовъ поклоненія, почти совершенно сходныхъ съ тѣми, которые они привезли туда, ими овладѣло изумленіе, потомъ священный ужасъ. Не обращая вниманія на древность буддизма, они объявили, что эта религія не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ дьявольскою передѣлкою истинной церкви. Однако, они очень скоро замѣтили, что этимъ обстоятельствомъ можно воспользоваться въ интересахъ ихъ пропаганды. Господствующая религія доставляла множество полезныхъ точекъ соприкосновенія и разнаго рода предлоговъ или случаевъ, удобныхъ для того, чтобы начать дѣло, для котораго іезуиты пріѣхали.

Какъ бы то ни было, эта первая миссія имѣла огромный успѣхъ, и послѣдующія происшествія даютъ намъ даже право полагать, что, благодаря апостольскому рвенію и силѣ краснорѣчія святаго Франциска Ксаверія, во всѣхъ сословіяхъ японскаго общества произошли многочисленные и искреннія обращенія въ христіанскую вѣру. Тогда нѣкоторые лица изъ высшаго буддистскаго духовенства, опасаясь за свою религію, обратились къ микадо со всеподданнѣйшими предостереженіями.

Похоронная церемонія: Последнее напутствіе умирающаго.

— Сколько, по вашему мнѣнію, существуетъ въ моемъ государствѣ различныхъ сектъ? спросилъ тотъ.

— Тридцать пять, отвѣчали они ему, не задумываясь.

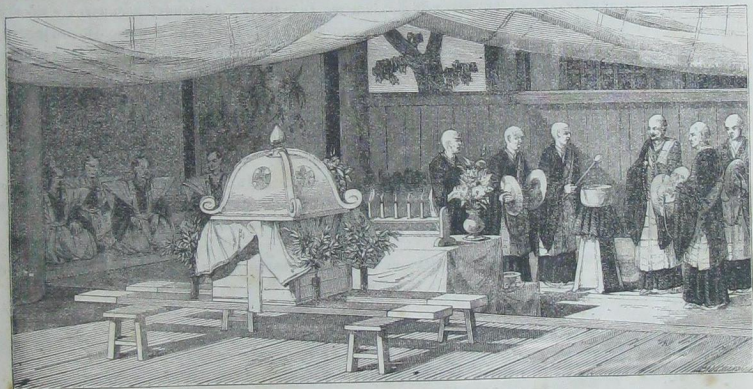
— Ну, такъ это будетъ тридцать шестая, возразилъ путешникъ-императоръ.

Но сіюгунъ Фидэ-Іоси смотрѣлъ на это дѣло съ другой точки зрѣнія. Прежде всего, его поразило то обстоятельство, что чужеземные миссионеры старались не только распространить свое ученіе между народомъ, но и пріобрѣсти расположеніе крупныхъ вассаловъ имперіи, и что анархическія стремленія послѣднихъ, непонятнымъ образомъ, поддерживались и усиливались ихъ сношеніями съ этими священниками; потомъ Фидэ-Іоси открылъ, что послѣдніе постоянно говорили о самодержавномъ первосвященникѣ, носящемъ тройную корону, и могущемъ, по своему благоусмотрѣнію, свергать величайшихъ монарховъ, раздавать своимъ любимцамъ государства Европы, и даже располагать новооткрытыми материками. Наконецъ, онъ обратилъ вниманіе на то, что послы этого грознаго западнаго владыки уже нашли приверженцевъ при дворѣ микадо и основали домъ въ его столицѣ; что покойный сіюгунъ Нобунага открыто былъ ихъ другомъ и покровителемъ, и что въ его (Фидэ-Іоси) собственномъ сіюгунскомъ дворцѣ, по всей вѣроятности, велись какія-то темныя интриги между приближенными его молодого сына, который долженъ былъ наследовать его власть.

Фидэ-Іоси сообщилъ свои замѣчанія и опасенія опытному служителю, которому онъ уже нѣ разъ давалъ самыя деликатныя порученія. Мрачный и глубокой умъ этого довѣреннаго лица, получившаго въ исторіи Японіи громкую извѣстность, подъ именемъ *Гіёяса* (Hiéyas), весь сосредоточился на изслѣдованіи степени опасности.

Незадолго до этого времени было отправлено в Рим посольство, состоявшее из японцев христианского исповедания и во главе которого стоял отец *Валинолли*, начальник ордена иезуитов. Гэйясэ доставил своему господину несомненные доказательства того, что владыки областей Вунго, Омура и Арима написали при этом случаѣ къ духовному императору христианъ, нашъ Григорію XIII, посланія, въ которыхъ объявляли, что преклоняются въ его стопы и благоговѣютъ передъ нимъ, какъ передъ верховнымъ владыкою и единственнымъ представителемъ Бога на землѣ.

Сіогунъ сначала сдерживалъ свой гнѣвъ, чтобы сдѣлать свою месть болѣе полною и блестящею. Онъ употребилъ болѣе года на то, чтобы, съ помощью своего любимца, приготовить замышляемый имъ ударъ. Наконецъ, уже въ іюнь 1587 года, его войска находятся на своихъ мѣстахъ; они расположены въ подозрительныхъ областяхъ Кіузіу и южнаго берега Ниппона, готовы подавить всякую попытку къ сопротивленію. Тогда, въ одинъ и тотъ же день, во всѣхъ концахъ имперіи были обнародованы приказы сіюгуна, которымъ онъ, отъ имени микадо и въ качествѣ его наместника, повелѣвалъ искоренить христианство въ шестимѣсячный срокъ, а въ видѣ экзекуціонныхъ мѣръ предписывать: на вѣки изгнать чужеземныхъ миссіонеровъ, назначивъ за возвращеніе смертную казнь; немедленно закрыть

Похоронная церемонія: Погребальное служеніе въ храмѣ.

всѣ ихъ школы, срыть церкви и уничтожить кресты вездѣ, гдѣ они находились; наконецъ, перемѣнившіе вѣру туземцы должны были, въ присутствіи правительственныхъ чиновниковъ, отречься отъ новаго ученія.

Въ то же самое время, чтобы засвидѣтельствовать предъ лицомъ всего народа согласіе между духовною и мірею властью, микадо удостоилъ своего наместника торжественнаго посѣщенія. Вѣрный же Гэйясэ, въ награду за свои услуги, былъ возведенъ въ санъ перваго министра и назначенъ губернаторомъ восьми провинцій.

Всѣ мѣры, предписанныя приказомъ сіюгуна, были въ точности исполнены, кромѣ одной, и именно той, которая, по мнѣнію бывшаго конюха даири, должна была встрѣтить всего меньше затрудненій.

Къ величайшему его изумленію, туземные христіане всѣхъ возрастовъ и половъ положительно отказались отречься отъ своей вѣры. Онъ конфисковалъ имущества состоятельныхъ слушниковъ и роздалъ ихъ своимъ приближеннымъ; другіе были заключены въ темницы, или сосланы на отдаленные острова. Эти строгія мѣры не произвели никакого дѣйствія. Тогда непокорнымъ стали угрожать смертью. Они подставляли свои головы мечамъ палачей съ неизвѣстнымъ дотолѣ самоотверженіемъ. Очень часто они привлекали къ себѣ участіе толпы, громко исповѣдую передъ смертью свою вѣру. Казни стали разнообразиться. Зажгли костры, подобно тому, какъ это дѣлалось и въ Гоа, по приказанію португальской инквизиціи. Распятие на крестѣ также выпало на долю многихъ жертвъ.

Въ Японіи распинаемаго прибавляютъ къ кресту, имѣющему двѣ горизонтальныя перекладины, изъ которыхъ къ верхней прикрѣпляются руки, а къ нижней — ноги. Въ этомъ положеніи его оставляютъ отъ утра до вечера. При закатѣ солнца два палача, стоящіе одинъ по правую, другой — по лѣвую руку его, вонзаютъ ему подъ мышки два длинныхъ копья, желѣзо которыхъ должно выйти наружу и скреститься позади шеи; за тѣмъ трупъ оставляется на крестѣ еще на двѣя сутки.

Японскіе мученики не уступали, относительно твердости въ вѣрѣ, первымъ христіанамъ. Голландецъ *Франсуа Каронъ*, очевидецъ послѣднихъ степеней гоненія, говоритъ, что рѣдкіе примѣры отреченія, сдѣлавшіеся ему извѣстными, почти всегда были вынуждены пыткой, болѣе ужасною, нежели казни на крестѣ или на кострѣ. Она состояла въ томъ, что жертву вѣшали внизъ головою въ сухой колодезь, такъ что только ноги возвышались надъ краями его, которые плотно прикрывались досками, для того, чтобы внутри колодца была совершенная темнота. Смерть избавляла несчастнаго отъ его долговременныхъ страданій.

Три года сряду, исполнители воли сіюгуна тѣсно давали волю своему утонченному варварству и грубости, проявившимся въ изобрѣтеніяхъ свирѣпыхъ, отвратительныхъ, которыхъ невозможно описать; они казнили въ это время болѣе ста двадцати пяти тысячъ жертвъ, мужчинъ и женщинъ, юношей и молодыхъ дѣвушекъ, стариковъ и маленькихъ дѣтей. Вдругъ преслѣдованіе стало умѣреннѣе. Фидэ-Иоси призываетъ къ оружію все феодальное дворянство, обязанное военною службою и отправляетъ на берега Кореи, съ которою Японія въ это время (1592) была въ мирѣ, около ста шестидесяти тысячъ воиновъ. Его генералы приказываютъ корейцамъ присоединиться къ нимъ, для общаго вторженія во владѣнія династіи *Минго*. Китайская армія выступаетъ противъ нападающихъ, но претерпѣваетъ такое рѣшительное пораженіе, что императоръ Китая спѣшитъ предложить сіюгуну миръ съ тѣмъ, что онъ (сіюгунъ) будетъ королемъ Ниппона и первымъ вассаломъ Небесной имперіи.

Фидэ-Иоси надменно отвѣчалъ: «я уже и теперь, самъ по себѣ, король Ниппона, а если я захочу сто сдумью сдѣлать китайскаго императора моимъ вассаломъ».

Въ 1597 году онъ, чтобы придать больше силы своимъ угрозамъ, выслалъ противъ Китая еще то тридцать тысячъ человѣкъ. Но смерть помѣшала ему дожидаться конца этого новаго похода, и оба государства, одинаково утомленные этою безпричинною и бесполезною войною, поспѣшили помириться и отозвать обратно свои войска.

Подъ конецъ своей жизни Фидэ-Иоси былъ почтенъ отъ своего двора наименованіемъ Великаго (Тайкозама), которое и сохранилось за нимъ въ исторіи.

Церепана.

ГЛАВА XXI.

ТОКАИДО.

Система Фидэ-Юси съ удѣльными князьями. — Устройство государственной дороги. — Вѣроломство Гіэйяса. — Перенесеніе столицы въ Іеддо. — Токаидскій путь. — Способъ переѣзда. — Самураи. — Убіиства.

Два похода противъ Китая, съ перваго раза кажущіеся безумными попытками Фидэ Юсси, на самомъ дѣлѣ были вѣроятно, также какъ и его приказъ о гоненіи христіанъ, зрѣло-обдуманными мѣрами для достиженія двойной цѣли его честолюбивыхъ замысловъ: онъ хотѣлъ уничтожить феодальное дворянство, а на развалинахъ его основать монархическую династію. Вассалы имперіи уже истощили свои силы въ безплодной междоусобной борьбѣ; теперь слѣдовало привести ихъ къ окончательному паденію посредствомъ раззорительныхъ войнъ въ дальнихъ странахъ.

Подъ предлогомъ защиты и покровительства женъ и дѣтей даймѣсовъ, призванныхъ къ военной службѣ, Фидэ-Юси заставилъ семейства и главнѣйшихъ служителей этихъ князей переселиться въ дома, приготовленные для нихъ въ оградахъ его цитателей. Когда же князья возвратились изъ Китая, онъ только подъ тѣмъ условіемъ позволилъ имъ снова вступить въ управленіе своими землями, чтобы они жили тамъ одни, безъ семействъ; впрочемъ, онъ назначилъ имъ время года, въ которое они могли, на извѣстный срокъ, посѣщать послѣдніа, находившіяся при его дворѣ, въ качествѣ заложниковъ. «Вотъ единственный, изумительный примѣръ, чтобы столько могущественныхъ государей подпали подъ иго простаго солдата низкаго происхожденія!» восклицаетъ *Кемпферъ*.

Но этого было недостаточно, чтобы удержатъ всѣ эти области подъ властью новаго центрального правительства. До тѣхъ поръ только столичные города были соединены между собою военными дорогами. Фидэ-Юси воспользовался отсутствіемъ князей, чтобы провести по ихъ землямъ, до крайнихъ предѣловъ имперіи, дорогу или шоссе, неподчиненную никакой другой стражѣ, полиціи, или администраціи, кромѣ сіюгуновской. Дорога эта называется *Токаидо*.

Станціи по этой дорогѣ расположены на двадцатиминутномъ разстояніи, которое и до сихъ поръ безостановочно пробѣгается императорскими скороходами, переносящими письма. На этихъ станціяхъ постоянно можно найти скороходовъ, всегда готовыхъ замѣнить прибывшаго товарища; вьючныхъ и верховыхъ лошадей, со всѣми принадлежностями для переѣзда; таможенныхъ и полицейскихъ чиновниковъ и военный пикетъ, заведующій складомъ ружей и пикъ, которыми онъ и снабжаетъ конвойныхъ въ случаѣ надобности. Наконецъ, цѣлая вереница денныхъ и ночныхъ сигналовъ тянется по высотамъ, цѣпи первомъ признакѣ опасности — дается знать въ главную квартиру, средоточіе всѣхъ правительственныхъ силъ.

За труды, результатомъ которыхъ было подчиненіе своей власти феодальныхъ владѣній, Фидэ-Юси почтенъ былъ отъ своего двора названіемъ Великаго (Тайкозама), названіе, сохраненное ему и исторію. Это было въ 1598 году, до конца котораго не суждено было ему дожить. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ принялъ послѣдніа мѣры, казавшіяся ему необходимыми для утвержденія «своей династіи и, не смотря на малолѣтство сына своего, Фидэ-Юри, онъ женилъ его на дочери перваго министра Гіэйяса, передавъ ему, какъ другу своему, вмѣстѣ съ титуломъ, и бразды правленія.

Гіэйясъ обязался торжественною клятвою сложить съ себя правительственную власть, какъ скоро послѣдникъ достигнетъ возраста, въ которомъ ему можно будетъ вступить на престолъ, въ чемъ даже росписался собственною кровью. Затѣмъ Гіэйясъ принялъ послѣдній вздохъ Тайкозама, устроилъ ему великолѣпныя похороны и, въ продолженіе пяти лѣтъ, управлялъ Японіею подъ именемъ регента, систематически удаляя молодого сіюгуна отъ вмѣшательства въ дѣла имперіи. Но совѣтники, которыми былъ окруженъ молодой государь, ясно видѣли, куда мѣтитъ Гіэйясъ, и всѣми силами старались препятствовать осуществленію его честолюбивыхъ замысловъ. Такъ что, когда Гіэйясъ велѣлъ сдать крѣпость Оасака, въ которой приверженцы Фидэ-Юри устроили мѣсто пребыванія для своего государя, тѣ отказались повиноваться правителю. Гіэйясъ напалъ на крѣпость, и, послѣ храброй защиты, продолжавшейся нѣсколько мѣсяцевъ, гарнизонъ долженъ былъ сдаться.

на капитуляцию. Тогда Фидо-Юри зажегъ самъ свой дворецъ и бросился въ его пламя вмѣстѣ съ своими приближенными.

Гіэйясъ, провозглашенный сіюгуномъ, оправдался въ клятвенное преступленіе и плачевной смерти Фидо-Юри, обвинивъ послѣдняго въ тайныхъ сношеніяхъ съ хрістіанами.

Армія присягнула ему на вѣрность, микадо благословилъ похитителя престола, а народъ простеръ передъ нимъ съ покорностію раба.

Престолопохитителю Гіэйясу принадлежитъ заслуга перенесенія столицы въ Іеддо и постановленіе обязательнымъ правиломъ для тайкуновъ не перемѣнять этого мѣста жительства. Въ его время, то есть въ началѣ XVII столѣтія, городъ этотъ не могъ равняться въ значеніи ни съ первосвященническимъ Міако, ни съ торговымъ Оасако (Охосако?), ни даже съ Нагасаки. Но, подобно послѣднему, онъ представлялъ выгодный стратегическій пунктъ, который легко можно было защитить со стороны материка, а съ моря онъ и вовсе казался неприступнымъ. Нагасаки, въ западной части острова Кіузіу, при заливѣ, и Іеддо, на юго-восточной оконечности Ниппона, составляютъ два главныхъ пункта громаднаго военнаго пути, о которомъ мы уже говорили; Токаидо тянется съ юга на востокъ чрезъ самую богатую и заселенную мѣстности Япоііи. Кемпферъ, находясь въ посольствѣ нидо-голландской компаніи, сдѣлалъ два путешествія: въ Кіото и Іеддо, причѣмъ насчитывалъ по дорогѣ Токаидо и около нея тридцать три большихъ города съ крѣпостями и пятьдесятъ семь маленькихъ неурѣшенныхъ городовъ или посадовъ, не считая безчисленнаго множества селъ и деревень.

Переѣздъ изъ Нагасаки въ Іеддо требуетъ отъ 25 до 30 дней. Путешествуютъ обыкновенно верхою или въ паланкинѣ, два способа только и употребляемыхъ для переѣзда въ Япоііи. Паланкины бываютъ двухъ видовъ, — такъ называемые: норимонъ и канго. Первый состоитъ изъ большаго тяжелаго ящика, въ которомъ можно довольно удобно помѣститься, но который, при большихъ переходахъ, требуетъ не менѣе четырехъ носильщиковъ. Стѣнки норимона отдѣланы внутри лакированными деревомъ и снабжены двумя дверцами съ окнами. Богатыхъ украшеній на немъ никакихъ не допускается, не смотря на то, что норимонъ употребляется преимущественно знатыми особами. Канго есть ничто иное, какъ легкія, бамбуковыя, со всѣхъ сторонъ открытыя носилки. Несутъ ихъ не болѣе двухъ человѣкъ, движущихся скорою и равномерною поступью.

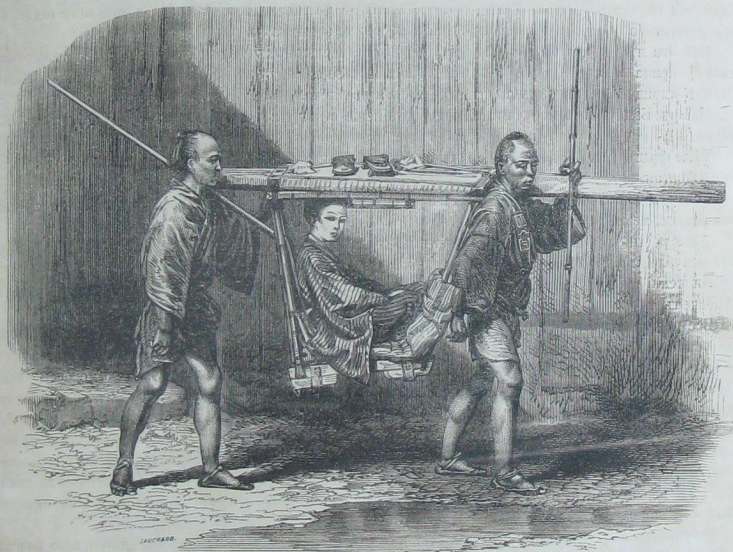
Каждыя двадцать минутъ носильщики останавливаются и отдыхаютъ съ минуту. Если имъ приходится возвращаться порожнякомъ, то каждый изъ нихъ несетъ поочередно канго, перебросивъ его себѣ черезъ плечо и придерживая за длинную палку. Что же касается до вьючныхъ лошадей, предназначенныхъ для перевозки товаровъ и путешественниковъ, то обыкновенно ихъ поводыя привязываютъ къ подпругѣ подъ самую брюхоу лошади, вслѣдствіе чего тѣ идутъ за своими вожжами шагомъ и опустивъ голову. Япоііи не куютъ своихъ лошадей, а обязываютъ ихъ коныта соломоу, которая не можетъ прослужить долѣе одного дня, такъ что при дальнихъ переходахъ ее приходится бросать и замѣнять новою, для чего и запасаются соломенными свертками въ большомъ количествѣ. Точно также пѣшеходы замѣняютъ новыи свои сандалии, плетенныя изъ соломъ, вслѣдствіе чего дорога въ Япоііи постоянно усыпана свертками соломъ, служившей для предохраненія людскихъ и лошадиныхъ ногъ.

Токаидскій путь въ вѣсколькихъ мѣстахъ прорѣзанъ морскими рукавами и быстрыми потоками. При двухчасовомъ переѣздѣ проликомъ, съ острова Кіузіу на Симонозекі, употребляютъ, вмѣстѣ бота, большія барки. Но, переправляясь съ Симонозекі на Гіого, большая часть путешественниковъ, и даже богомольцевъ, стараются воспользоваться купеческими джонками, употребляемыми во внутреннихъ моряхъ. Отъ Гіого до Оасака требуется полдня ѣзды и одинъ день отъ Оасака до Кіото. Пространство между послѣднимъ и Іеддо представляетъ самую живописную мѣстность. Потомъ еще два раза приходится сѣсть въ лодку: при переѣздѣ черезъ южную часть живописнаго Оицкаго озера и при переѣздѣ морскаго рукава въ округѣ Ідзу.

Что же касается до рѣкъ, на которыхъ туземные архитекторы, не смотря на все свое искусство, не могли построить мостовъ, то черезъ нихъ приходится переправляться или въ пласводонныхъ лодкахъ, или же на плечахъ джонгъ переносчиковъ, специально занимающихся этимъ. Ремесло это переходитъ отъ отца къ сыну. Эти переносчики составляютъ цѣлыя общества, которая отбываютъ за безопасность путешественниковъ и цѣлость ихъ имуществъ. Платокъ, повязанный на головѣ, и узкое полотенце вокругъ стана, составляютъ ихъ одежду; остальные части тѣла покрыты только татуировкой, какъ это повсемѣстно употребляется у японскихъ носильщиковъ.

Для подобной татуировки допускаются сюжеты только историческіе, какъ напримѣръ: борьба героя Ямато съ дракономъ, судилище верховнаго адскаго судіи или изображеніе того необыкновеннаго храбреца, который въ ту самую минуту, когда голова его падаетъ подъ ударомъ меча, успѣваетъ выхватить зубами кусокъ кольчуги своего врага.

Плата при переправахъ, всегда строго умѣренная, измѣняется соотвѣтственно числу требуемыхъ людей: можно взять норимонъ съ восемью носильщиками, четырехъ человекъ съ закрытыми или двухъ съ открытыми носилками; большинство же довольствуется однимъ переносчикомъ. Въ послѣднемъ случаѣ путешественникъ садится верхомъ на шею носильщика, который обхватываетъ его за ноги и, предупреждая, чтобы тотъ повѣрнѣе сохранялъ равновѣсіе, пускается съ нимъ въ бродъ тихую, ровную, но вѣрную поступью. Одинъ и тотъ же пріемъ употребляется для мужчинъ и женщинъ. Тѣ и другіе охотно подчиняются ему и, путешествуя другъ подлѣ друга, покуриваютъ трубки и равнодушно

Японскій паланкинъ кано.

толкуютъ о высотѣ поднявшейся воды и о дальности переѣзда. Иной разъ вода до того высока, что переходъ въ бродъ становится невозможнымъ. Въ такомъ случаѣ путешественники останавливаются въ чайныхъ домахъ, устроенныхъ по высокимъ берегамъ, и ждутъ, пока не явятся носильщики съ извѣстіемъ, что дальнѣйшій путь возможенъ.

Въ разстояніи трехъ дней пути до Іеддо, Токаидо проходитъ у подножій горъ Фузи-Има и отдѣляется отъ нея только озеромъ Акони.

Каждый годъ тысячи путешественниковъ тянутся длиною вереницею на святую гору. Ихъ встрѣчаютъ монахи, живущіе въ монастырѣ, выстроенномъ у самаго жерла кратера. Кратеръ этотъ, начавшій дѣйствовать за 286 лѣтъ до Р. Х., послѣдній разъ дѣйствовалъ въ 1707 году.

Токаидо составляетъ единственный путь, пролегающій между холмистыхъ окрестностей Акони, покрытыхъ лѣсомъ, изобилующимъ крупною дичью. Всѣ остальные дороги, тянущіяся по западнымъ и южнымъ провинціямъ къ Іеддо, соединяются въ этомъ мѣстѣ съ главною путевою артеріею. За-

тѣмъ Токаидо ведетъ узкимъ горнымъ проходомъ, снабженнымъ тяжелыми заставами и укрѣпленными караульными. Тутъ каждый изъ путешественниковъ долженъ предъявить свой паспортъ и подвергнуть свои вещи осмотру чиновниковъ, поставленныхъ отъ правительства. Даже даймыоси, не смотря на ихъ высокое положеніе въ свѣтъ и окружающую ихъ свиту, не могутъ уклониться отъ этой формальности. Введено это въ предупрежденіе тайнаго ввоза оружія въ вассальныя владѣнія или — по-платокъ бѣгства со стороны важныхъ особъ женскаго пола, которымъ рожденіе и законъ Тайкозема предписываютъ жить постоянно въ Иеддо.

Такъ какъ эти предосторожности не простирались на сѣверныя провинціи Японіи, то Гѣйяси и его прѣмники сочли своею обязанностію оградить входъ въ Иеддо и съ сѣверной стороны, для чего и построили длинную стѣну, у входа которой путешественники подвергаются осмотру таможенныхъ и полицейскихъ чиновниковъ.

Пройдя горы Акини, Токаидо тянется вдоль залива Одовара, на восточномъ берегу котораго виднѣтся городъ Камакура. Далѣе, проходя селеніе Одонгаи, онъ направляется къ заливу Иеддо, берега котораго и достигаетъ у города Канагавы, противъ Йокогамы.

Всѣ эти мѣстности были театромъ убійствъ, совершенныхъ надъ беззащитными путешественниками, принадлежавшими различнымъ націямъ и совершались *самураисами*, т. е. классомъ благородныхъ японцевъ, имѣющихъ привилегію носить два меча.

Маюръ Балдуинъ и поручикъ Бердъ, англійскіе офицеры, пали близъ статуи Дайбуды въ Камакурѣ.

Тѣло французскаго офицера, поручика Камуса, поднято было все изрубленное, при входѣ въ селеніе Одонгаи.

Англійскій негодянтъ, Леноксъ Ричардсонъ, испустилъ послѣдній вздохъ на порогѣ чайнаго дома Манси, недалеко отъ Канагавы.

Двое русскихъ офицеровъ и два капитана голландскаго купеческаго флота, гг. Востъ и Дэзеръ, были изрублены въ куски на большой японской улицѣ въ Йокогамѣ.

Японскій переводчикъ англійскаго министра и голландскій переводчикъ американскаго посольства, г. Гейкенъ, погибли въ улицахъ Иеддо.

Все посольство Британіи рисковало быть уничтоженнымъ во время ночнаго нападенія, которое едва успѣло отразить, не смотря на кровопролитную схватку. Два англійскихъ солдата были убиты стоя на часахъ, во время втораго нападенія на это же посольство. Согласитесь, что не очень легко отдѣлаться отъ воспоминаній о подобныхъ событіяхъ, когда находишься въ странѣ, гдѣ они совершались, особенно если намѣреваетесь поселиться въ Иеддо.

Хотя тайкусское правительство заявляетъ, что ему прискорбно видѣть такой грустный порядокъ въ дѣлахъ своего государства, но, тѣмъ не менѣе, оно всегда наклонно къ преувеличенію опасностей, которымъ подвергаются иностранцы въ Японіи, и лишь только долгое пребываніе посольства становится для него тягостнымъ, оно старается всѣми силами доказать, что заявленныя имъ опасенія имѣли основаніе.

Результатъ этой тактики легко угадать: каждый старается убраться до окончательнаго разгара демонстраціи, кончающейся всегда какимъ-нибудь маленькимъ несчастіемъ, ради назиданія оставшимся, чѣмъ нибудь въ родѣ пожара, уничтожившаго американское посольство, причемъ, разумѣется, остались цѣлыми бумаги, въ которыхъ министръ старался доказать свои права на свое дальнѣйшее неограниченное пребываніе въ столицѣ тайкусскаго правительства.

Все это заставляло насъ предвидѣть, что наше пребываніе въ Иеддо не будетъ продолжительнымъ вслѣдствіе чего мы и рѣшились пользоваться временемъ нашихъ переговоровъ и, сообщаясь съ иностранными министрами, положили за правило изучать части города въ различныхъ его направленіяхъ. По заключенному условію, посольство наше должно было состоять изъ шести особъ, такъ что мы, для большаго успѣха въ нашемъ предпріятіи, раздѣлялись каждый день на два или на три отряда, чтобъ имѣть, такимъ образомъ, возможность заниматься наблюденіями въ нѣсколькихъ мѣстахъ одновременно. Желавшіе ѣхать сухимъ путемъ въ Иеддо — запасаются обыкновенно коннымъ коновозомъ изъ акунинцевъ, что сдѣлали и мы, назначивъ для нихъ сборнымъ мѣстомъ переправу рѣки Локко, границу прогулокъ жителей Йокогамы, когда тѣ направляются къ сѣверной части залива. Мы переправились на нашемъ сампанѣ чрезъ морской рукавъ, раздѣляющій Бенганъ отъ Канагавы, и, найдя въ Канагавѣ приготовленныхъ для насъ лошадей, пустились вдоль Токаидо, наслаждаясь послѣднимъ часомъ нашей свободы. По дорогѣ тинулись нескончаемыхъ два ряда путешественниковъ

пѣшкомъ, верхомъ, въ носимонахъ и канго; тѣ, которые двигались къ столицѣ, держались, какъ и мы, правой стороны дороги, а возвращавшіеся придерживались лѣвой.

Мы сдѣлали привалъ въ чайномъ домѣ Манси, гостепріимно раскрывшемъ всѣ свои входы для толпы сѣющихъ гостей; цыновки исчезали подъ группами путешественниковъ, живописно на нихъ расположившихся; внутреннія стѣны были заняты печами, кипящими самоварами, полками, установленными посудой и провизіею. Проворныя прислужницы шныряли вправо и влево, граціозно подавали лакированные подносы, уставленные чашками чая, стаканами саки, жареною рыбкою, пирожками и

Императорскій курьеръ.

фруктами. У порога, на широкихъ, боротеньныхъ подстилкахъ, помѣщались мастеровые и носильщики; они освѣжали свои лица опахалами, пока женщины закуривали имъ трубки у общей жаровни.

Вдругъ выраженіе ужаса пробѣгаетъ по лицамъ гостей и прислужницъ: отрядъ полицейскихъ, сопровождающихъ преступника, останавливается тутъ же для отдыха. Пока прислужники торопятся подать господамъ о двухъ мечахъ горячаго чаю и нагрѣтаго саки, носильщики опускаютъ корзину или кѣтку, въ которой принесли преступника, и утираютъ длиннымъ кускомъ крена потъ, струящийся по ихъ спинамъ. Корзина сплетена изъ бамбука и нѣтъ въ ней никакого отверстія для выхода.

Несчастнаго можно размотать свозъ плетенье: онъ весь скорчился, взглядъ его безсмысленъ, волосы и борода всклокочены. Онъ обреченъ на заключеніе и пытку въ тюрьмахъ Іеддо за дурные поступки, о которыхъ гласить надпись, привѣшанная къ его отвратительной кѣтѣ.

Около двадцати верстъ отъ Канагавы, находится хорошенькое, небольшое селеніе Кавасаки; оно тянется по правому берегу Локго до наносныхъ отмелей этой илстой рѣки, отмели которой проводятъ точно черту, видѣющуюся далеко въ морѣ, и раздѣляютъ рейды Канагавы и Іеддо.

Въ Кавасаки находятся нѣсколько храмовъ, между которыми замѣчательнѣе Дайза-Гнавари-Гегенси. По моему мнѣнію, это одно изъ зданій самой чистой буддійской архитектуры въ Японіи.

Я слышалъ различныя сказанія насчетъ поклоненія, которому посвященъ этотъ храмъ и, между прочимъ, чудесную легенду объ одномъ святомъ, къ которому предпочтительно обращаются всѣ богомольцы. Святой этотъ былъ до того однажды погруженъ въ созерцаніе, что не почувствовалъ какъ разоженные уголья, находившіеся подлѣ него въ жаровнѣ, жгли ему руки въ то время, какъ онъ былъ весь преданъ своему размысленію. Переправа черезъ Локго производится въ большихъ плоскодоновыхъ лодкахъ, безпорядочно нагружаемыхъ путешественниками и лошадьми. Наши якуиниды ждали насъ на лѣвомъ берегу рѣки. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, каждый изъ насъ взгромоздился на свою лошадь, и всѣ тронулись крупною рысью, вначалѣ въ страшномъ безпорядкѣ, но, мало-по-малу, шествіе наше приняло довольно стройный видъ.

Токаидскій путь не уступаетъ ни одной изъ нашихъ большихъ европейскихъ дорогъ и имѣетъ то преимущество передъ ними, что окаймленъ на всемъ своемъ протяженіи тротуарами для пѣшеходовъ. Тротуары эти обсажены густыми, тѣнистыми деревьями. Но все это, вблизи Іеддо, содержится хуже чѣмъ гдѣ либо.

Дождь, шедшій цѣлый день, превратилъ въ рытвины улицы многочисленныхъ селеній, которыми, приходится проѣзжать, начиная съ Канагавы. Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, японецъ выказалъ замѣчательное пониманіе потребностей цивилизаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ ясно показалъ всю свою небрежность при отблѣгѣ частныхъ.

Наконецъ мы въ Іеддскомъ округѣ. Короткая остановка у одного изъ многочисленныхъ чайныхъ домовъ селенія Омара ставитъ насъ съ обществомъ простодушныхъ горожанъ, собравшихся съ своими женами и семействами. Исключая разумѣется костюма, это точно сцена у одного изъ нашихъ пригородныхъ трактировъ. Нѣсколько группъ осаждаютъ обширный магазинъ, наполненный преимущественно произведеніями изъ тростника, соломы и бамбука. Магазинъ этотъ далеко даетъ о себѣ знать нескладными звуками фляголетовъ, трубъ и флейтъ: ихъ пробуютъ любители изъ молодежи. Тутъ же выставлено безчисленное разнообразіе дѣтскихъ игрушекъ, шляпъ своеобразныхъ фасоновъ, животныхъ изъ плетеной, раскрашенной и покрытой лакомъ соломы; между ними красуются: іеддскій медвѣдь, ниппонская обезьяна, домашній буйволъ, столбняга черепаха, волоочащая, въ видѣ длиннаго хвоста, пучки водяныхъ растений, разросшихся на ея щитѣ.

Но пора и въ путь; видъ бѣлыхъ парусовъ, покрывающихъ рейды, увеличиваетъ наше нетерпѣніе. Вотъ мы опять ѣдемъ вдоль берега. Дорогу составляетъ платина, построенная на большихъ камняхъ, но волны, которыя прежде разбивались о нихъ, задержаны водорослями и камышами. Влѣво отъ насъ тянется сосновый и кипарисный лѣсъ, надъ которымъ вьются стаи вороновъ. Замѣтивъ вдали долину, мы узнаемъ, что это главное мѣсто казни—*дзусукамора*, по крайней мѣрѣ главное для южныхъ кварталовъ города, такъ какъ сѣверные — имѣютъ другое. Ничто не можетъ сравниться съ прочностью этихъ мѣстъ; если даже посчастливится не встрѣтить головъ, выставленныхъ на показъ, или туловищъ, оставленныхъ на съѣденіе собакамъ и птицамъ, то, все-таки, нельзя смотрѣть безъ отвращенія на свѣжія могилы, скрывающія останки казненныхъ, на каменный столбъ съ какою то мрачною надписью, на этотъ отвратительный навѣсъ, служащій убѣжищемъ для офицеровъ, распоряжающихся во время казни. И надъ всѣмъ этимъ возвышается громадная статуя Будды, мрачный символъ неумолимаго возмездія и безотрадной смерти.

Пройдя мѣсто, на которомъ тайкусное правосудіе выставлено на показъ народу свои примѣры воздаянія, путешественникъ входитъ въ Синагаву, предмѣстье Іеддо, пользующееся самою скверною репутаціею; оно начинается за двѣ версты съ южной стороны города и соединяется съ послѣднимъ у воротъ Таканавскаго квартала. Правительство приняло полицейскія мѣры, чтобы иностранцы, отправляющіеся въ Іеддо или живущіе въ этомъ городѣ, не проходили бы Синагаву иначе какъ днемъ и то съ сильными конвоемъ. Хотя постоянные жители этого предмѣстья отличаются мирнымъ характеромъ и состоятъ преимущественно изъ лодочниковъ, рыбаковъ и работниковъ, но они живутъ въ

хлипнахъ вдоль берега, тогда какъ обѣ стороны Токаидо усеяны чайными домами самаго подозрительнаго свойства. Тутъ, кромѣ отверженцевъ общества, которыми наполнены и наши европейскіе и американскіе города, встрѣчаешь еще одинъ очень опасный классъ, безпріютныхъ личностей, составляющихъ принадлежность только столицы Японіи: это такъ называемое *лонини*, военные безъ мѣстъ, которые принадлежатъ къ классу *самураисовъ* и пользуются правомъ носить два меча. Одни изъ нихъ принадлежатъ, по рожденію, къ хорошимъ семействамъ, но разошлись съ своими семьями, вслѣдствіе своего развратнаго поведенія, другіе по той же причинѣ лишились мѣстъ, занимаемыхъ ими на государственной службѣ, или у одного изъ знатныхъ военныхъ даймйосовъ; нѣкоторые же состояли въ штатѣ приближенныхъ у важныхъ сановниковъ, и были уволены ими отъ должностей своихъ, вслѣдствіе перемѣны обстоятельствъ своихъ патроновъ, которые принуждены были сократить свой штатъ. Подобный лонинъ, лишившись жалованья, которымъ онъ существовалъ, и неспособный ни къ какой другой службѣ, кромѣ военной, не имѣетъ, болѣею частью, другаго пріюта кромѣ какой нибудь трущобы, гдѣ онъ помѣщается, въ ожиданіи другаго мѣста, платя за пріютъ самыми отвратительными поступками. Помощники, которыхъ онъ къ себѣ привлекаетъ, вносятъ съ собою проявленія новой порчи въ зараженный уже кварталъ. Составляется цѣлая корпорація, не лишенная дисциплины. Есть начальники лонинновъ, которые держатъ въ строгомъ и безусловномъ подчиненіи цѣлую шайку бродягъ. Къ нимъ то и обращаются, въ своихъ кровавыхъ дѣлахъ, таинственные вербовщики, сдѣлавшіеся орудіемъ мщенія какого нибудь семейства или политической вражды японской аристократіи.

Синагавское предмѣстье, подобно нѣкоторымъ улицамъ окружающимъ башню въ Лондонѣ, предоставлено полицію на произволъ судьбы большую часть ночи. Даже женщины выходятъ на дорогу съ цѣлью заташить запоздалыхъ путешественниковъ въ трактиръ, въ которомъ онѣ служатъ.

Лонини, чувствуя, что они вселяютъ всѣмъ отвращеніе, выходятъ изъ своихъ убожищъ, прячутъ лицо подъ шляпы съ широкими полями, или тщательно обертываютъ голову крепомъ, оставляя наружу только одни глаза.

Въ содѣйствіе такихъ личностей, на высотахъ Таканавскаго квартала, японское правительство устроило подворье для иностранныхъ посольствъ.

ГЛАВА XXII.

ЕВРОПЕЙСКІЯ ПОСОЛЬСТВА.

Городъ Іеддо. — Плебейскіе кварталы, города. — Хотобанская пристань. — Храмъ Джоджи. — Помѣщеніе европейскихъ посольствъ. — Гогензама.

Японская пословица говоритъ: «кто хочетъ быть счастливымъ, тотъ долженъ отправиться въ Іеддо». Повѣривъ этому находишь, что счастье вещь не легко дающаяся европейцамъ, живущимъ въ Японіи: одни дипломатическіе агенты пользуются правомъ быть допущенными въ резиденцію тайкунскаго правительства. Но и тѣ послѣ двухъ или трехлѣтняго пребыванія поняли всю тяжесть условій, соединенныхъ съ подобнаго рода преимуществомъ и избрали мѣстомъ своего жительства Токагуму, унося съ собою сознаніе, что съ ними обращались въ Іеддо почти какъ съ важными государственными преступниками. Но не смотря на эту грубую политику и на скуку постоянного шпіонства сколько прекрасныхъ открытій, сколько тонкихъ вѣрныхъ наблюденій схвачено на лету, такъ сказать поверхъ головы якуинцевъ, и помѣщено въ отчетѣ гг. Олифанта, Линдау, де-Могеса, Руссена, Гейне, Списа, Крейгера и Руттерфорда Алькока. Сколько новаго свѣта брошено на разныя слои іеддскаго общества. Духъ тайкунскаго правленія обрисованъ такъ вѣрно, что можно предположить, что посланники были помѣщены тайкуномъ въ его столицѣ со всею изысканностью европейской роскоши.

Мы обязаны г. Линдау краткимъ, но прекраснымъ очеркомъ, въ которомъ онъ говоритъ о пространствахъ города Иеддо, его народонаселеніи и раздѣленіи по участкамъ. *) Этотъ необыкновенный во всѣхъ отношеніяхъ городъ занимаетъ, по свидѣтельству г. Линдау, поверхность въ 85 квадратныхъ верстъ и заключаетъ въ себѣ около 1.800,000 человѣкъ жителей. Авторъ прибавляетъ, что въ 1858 году это громадное населеніе распредѣлялось слѣдующимъ порядкомъ: мѣщанъ, купцовъ и ремесленниковъ было 572,848 человѣкъ; даймёсовъ съ ихъ семьями и приближенными составляли цифру въ 500,000; дворъ тайкуна состоялъ изъ 180,000 душъ; духовенство — 200,000; путешественники и богомольцы около 200,000; нищихъ и парій до 50,000 человѣкъ.

Восемь большихъ кварталовъ занимаютъ пространство, граничащее къ югу Синагавскимъ предместьемъ, къ востоку заливомъ, къ сѣверу первою стѣною крѣпостныхъ тайкунскихъ рововъ; а къ западу — дачами провинцій Музаси.

Кварталы эти идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: съ юга на сѣверъ вдоль залива 1) Сибя-Таканавъ и 2) Атакоста; на западъ отъ нихъ, 3) Мегуро Сирога-Негенъ, 4) Асабу, 5) Аказака; къ востоку отъ послѣднихъ: 6) Авои-Яма, 7, Сендака-Тани и 8, Иостуя, границу которыхъ съ сѣвера служитъ большая дорога, идущая изъ внутреннихъ провинцій края и доходящая до западнаго моста крѣпостныхъ рововъ.

Эти восемь южныхъ кварталовъ Иеддо наполнены исключительно плебеями; тамъ даже можно встрѣтить множество земледѣльцевъ, занимающихся воздѣлываніемъ огородовъ, рисовыхъ полей и разную другую обработку земли, не занятою еще никакими постройками. Строенія состоятъ изъ множества лачужекъ, занимаемыхъ рыбаками, земледѣльцами, самыми простыми мастерами, мелочными торговцами, незначительными чиновниками и средней руки трактирами. Изрѣдка монотонность этихъ деревянныхъ домиковъ нарушается длинными, однообразными, вышугеатуренными стѣнами какого нибудь барскаго жилища. Храмы и жилища бонзъ разбѣяны повсюду, исключая двухъ кварталовъ около залива. Въ одной Таканавѣ насчитываютъ ихъ до тридцати. Но пріѣтомъ богомолья можно безошибочно назвать сѣверную часть города, гдѣ правительство, безъ затрудненія, могло выбрать изъ оставленныхъ храмовъ нѣсколько подходящихъ зданій, въ которыхъ и помѣстило иностранныхъ пословъ.

Разныя посольства, начиная посѣщать Иеддо съ 1858 года, болѣею частью являлись со стороны моря. При этомъ, воображеніе европейцевъ легко рисуетъ величественный видъ, который представляли японцамъ эти большіе военные корабли и высадка европейцевъ при громѣ пушечной пальбы. Но на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ иначе, и если въѣзжавшіе точно рассчитывали придать своему въѣзду побольше торжественности, то они должны были не разъ сознаться въ ошибочности своихъ предположеній. Во-первыхъ, переѣздъ отъ Иокогама къ Иеддо способенъ измѣнить всѣ планы, дѣлаемые обыкновенно при приближеніи къ пристани города, имѣющаго въ себѣ около двухъ милліоновъ жителей. Разстояніе, которое приходится проходить до порта столицы, составляетъ около пятнадцати морскихъ миль и, разумеется, предполагаетъ встрѣтить на немъ безчисленное множество дюнокъ, снующихъ по этому единственному водяному пути. Но ничего подобнаго не видишь; выйдя изъ Канагавскаго рейда, находишь море совершенно пустыннымъ, и только за песчаными отмелями Кавазаки увеличивающееся число рыбацкихъ лодокъ даетъ знать о близости города.

Въ Японіи чувствуется совершенное отсутствіе морской торговли по берегамъ Великаго океана; впрочемъ въ Иеддскомъ заливѣ плаваютъ нѣсколько дюнокъ, но и тѣ никогда не переходятъ первой границы таможи, а останавливаются около Урага, навьючиваютъ грузъ на лошадей и отправляютъ его сухимъ путемъ къ Иеддо. Только Токаидо и другія менѣе важныя сухопутныя дороги составляютъ главныя артеріи пропитанія для Иеддо, и тѣмъ пустыньнѣ кажется морской путь, тѣмъ болѣе движенія встрѣчаешь на Токаидо.

Мало того, что наши военные корабли подходятъ къ Иеддо, не привлекая вниманія другихъ зрителей, кромѣ прибрежныхъ рыбаковъ, но они еще принуждены бывать, вслѣдствіе мелководья рейда, бросать якорь въ двухъ, трехъ миляхъ южнѣе центра города, въ мѣстѣ совершенно безлюдномъ. Ясно, что на такомъ большомъ разстояніи эффектъ морскихъ салютовъ пропадаетъ совершенно. Городскія же батареи, которыми наполнены берега пристани, не отвѣчаютъ на иностранные салюты.

Шесть фортовъ, составляющіе полигонъ, построены на сваяхъ въ заливѣ. Они находятся въ нѣсколькихъ стахъ саженьяхъ отъ берега и защищаютъ входъ въ Иеддо съ Синагавскаго предмѣстья.

*) Voyage autour du Japon, par Rodolphe Lindau. Paris, Hachette et comp. 1868.

На юго-западъ отъ этихъ фортовъ отведено мѣсто для стоянки европейскихъ судовъ. Они обыкновенно помѣщаются рядомъ съ тремя или четырьмя большими военными японскими кораблями и съ подлужиною джонокъ, глубоко сидящихъ въ водѣ, которыя, по своему устройству, не могутъ пристать къ отведенной имъ небольшой пристани въ устьѣ рѣки, протекающей внутри города. На западѣ, береговая батарея Одоява защищаетъ Гойоджи (одну изъ морскихъ правительственныхъ школъ) и можетъ, вмѣстѣ съ отдѣльными фортами рейда, встрѣтить непріятеля перекрестнымъ огнемъ. Она построена на оконечности косы, образованной теченіемъ рѣки. Эта же коса отдѣляетъ Синагаву отъ Таканавскаго квартала.

Восточный берегъ залива еле видящійся на горизонтѣ, не имѣетъ, кажется, другой защиты кромѣ многочисленныхъ наносныхъ отелей, которыми онъ окруженъ.

Въ Иеддо официальная высадка не дѣлается ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, кромѣ пристани или *готобана* Таканавы, а къ ней можно подъѣхать только въ шлюпкахъ, что занимаетъ часъ или полтора часа времени.

При этомъ еще нужно выждать минуту морскаго прилива; иначе же придется подвергнуться самой длинной и скучной церемоніи, а именно: съѣсть на плоскодонныхъ лодки, которые перевозчики тянутъ бичевой, идя сами по колѣна въ грязь.

Ни одинъ открытый городъ не представляетъ видъ менѣе гостепріимный, какъ Иеддо со стороны моря: точно громадный паркъ, въ который входъ запрещенъ. Холмы покрыты лѣсами, усады лачужками и старыми храмами съ ихъ огромными крышами. Внизу тянутся деревянные дома и нѣсколько строеній съ бѣлыми каменными стѣнами. Но, по всей дугѣ круга, которую образуетъ заливъ отъ Синагавы до готобана, нѣтъ ничего, чтобы напоминало намъ наши набережныя, порты или пристани; всюду видишь только стѣны, доски, заборы, нигдѣ не встрѣчаешь ступеней для вихода или насыпей словомъ, ничего такого, что бы заманивало на берегъ.

Сама готобанская пристань притягиваетъ за неуклюжею изгородью изъ толстыхъ бревенъ съ двумя боковыми выходами въ заливъ. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ досокъ, прикрѣпленныхъ къ сваямъ у входа въ крытую террасу, которая ведетъ во дворъ таможенныхъ строеній. Тутъ привѣтствуютъ иностранныхъ пословъ лица, посланные тайкуномъ для встрѣчи гостей, и просятъ ихъ не отказываться отъ почетной стражи, присланной тайкуномъ для ихъ охраненія. Исполнивъ эту обязанность, главные изъ представителей обѣихъ націй садятся на коней или въ паланкины, и шестіе двигается въ приличномъ порядкѣ черезъ таможенные ворота этой тюрьмы, ведущія на Токадо. Послѣ пятнадцати или двадцати минутной ходьбы между двумя рядами зрителей обоюдо пола, сѣжавшихся изъ лавокъ, чайныхъ домовъ и окрестныхъ банъ въ небрежной до крайности одеждѣ, очень живописной, но нисколько не подходящей къ такому торжественному случаю, общество собирается на Таканавскую возвышенность, входитъ въ пустынные переулки монастырскихъ владѣній и, наконецъ, переступаетъ порогъ этой второй тюрьмы, которая носитъ названіе посольскаго подворья.

Зданія, принадлежащія храму *Джоджи* и служащія мѣстопребываніемъ голландскаго посольства, отданы были въ мое распоряженіе посланникомъ его величества короля нидерландскаго. Такъ какъ зданія эти не были заняты, то ими постоянно пользовались члены швейцарскаго посольства, во время своего пребыванія въ Иеддо, было ли это пребываніе кратко или продолжительно. Въ первый мой пріѣздъ въ этотъ городъ, я былъ введенъ въ предначинное мнѣ помѣщеніе подполковникомъ Казембротомъ, адъютантомъ короля, и капитаномъ голландскаго корвета *Медуза*; тѣмъ самымъ офицеромъ, который впоследствии переправился черезъ проливъ подъ выстрѣлами батареи принца Нагато и съ честью поднялъ перчатку, которую феодальная японская партія осмѣлилась бросить цивилизованной Европѣ.

Противишсь съ этимъ храбрымъ офицеромъ и достойнымъ его помощникомъ, я остался одинъ между сотнею ижуняцевъ. Изъ моихъ соотечественниковъ находилось только трое: г. Бренвальдъ, секретарь посольства и причисленные къ посольству: капитанъ артиллеріи Иванъ Кейзеръ и г. Джемсъ-Фавръ-Брандъ; при мнѣ еще находились два голландца: присоединенный къ швейцарской миссіи г. вице-консулъ Метманъ и г. Эдуардъ Шнелъ, — состоявшій въ качествѣ переводчика.

Мы привезли нужную прислугу изъ Бентана, и устройство нашего помѣщенія, подготовлявшагося заблаговременно, было быстро окончено.

Если бы я не боялся своимъ пребываніемъ нарушить спокойствіе тайкунскаго правительства, то я охотно бы остался провести лѣтне мѣсяцы въ Джоджи. Этотъ маленький оставленный храмъ окруженъ другими священными мѣстами, почти такими же пустынными, вслѣдствіе чего находишь

въ немъ спокойствіе деревни, не смотря на близость шумныхъ улицъ большаго города. Дорога, ведущая къ храму, состоитъ изъ высѣченныхъ въ камнѣ ступеней, начинающихся у Токаидо. Монастырскія стѣны и большіе черныя двустворчатые ворота съ навѣсомъ составляютъ входъ въ посольство.

Прежній монастырскій дворъ окруженъ съ двухъ сторонъ деревянными строеніями, между которыми видѣются: дворничкаа, караульня, конюшни и сѣнные сараи. Въ концѣ двора, противъ входа, широкая лѣстница изъ двадцати гранитныхъ ступеней ведетъ на эспланаду, съ правой стороны которой находится вторая караульня, а съ лѣвой жилища бонзъ. Наконецъ, надъ эспанадою поднимается еще лѣстница короче первой и ведетъ въ садъ, расположенный передъ храмомъ Джоджи. Тутъ помѣщается третья караульня возлѣ тѣхъ шестовъ, на которыхъ развиваются швейцарскій и голландскій флаги.

Фасадъ главныхъ зданій, нѣкогда считавшихся священными, скрывается за кустарниками, постоянно покрытыми зеленью. Приближаясь къ галлереѣ, я нахожу здѣсь общество японскихъ офицеровъ; одинъ изъ нихъ привѣтствуетъ меня по голландски и объясняетъ мнѣ, что онъ посланъ отъ правительства служить мнѣ переводчикомъ; вслѣдъ за тѣмъ представляетъ мнѣ одного изъ адъютантовъ тайкуна, командира нашей стражи. Въ свою очередь, командиръ вводитъ насъ въ главную квартиру, которую онъ устроилъ въ прежнемъ храмѣ, выходящемъ на галерею, причемъ объясняетъ намъ, что онъ намѣренъ оставаться тутъ и ночью. Мы рѣшили, что гг. Кейзеръ и Шнелъ займутъ слѣдующія комнаты, соединяющія храмъ съ другими строеніями и монастырскими галлереями, составившими нѣкогда правое крыло жилищъ бонзъ, теперь же исключительно занятое помѣщеніемъ посольства. На одномъ изъ концовъ этого массивнаго зданія, почти на одной линіи съ національными флагами, мы помѣстили кухню и маленькую мастерскую, пріѣхавшаго въ Йокогаму искуснаго фотографа Беато, недавно посѣтившаго Индію и Китай. Длинную же стеклянную галерею мы отдали подъ выставку художественныхъ и мануфактурныхъ произведеній, выставленныхъ здѣшними факторами.

Другой конецъ зданія, который полуругломъ выдается за храмомъ, состоитъ изъ трехъ большихъ комнатъ, расположенныхъ одна подлѣ другой: залы, моей спальни и столовой; всѣ онѣ окружены открытою галлереєю. Это одно изъ покойнѣйшихъ и прохладнѣйшихъ мѣстъ жилищъ бонзъ.

Прудъ, окомленный касатиками и кувшинчиками, занимаетъ средину мѣстности. Онъ пополняется источникомъ, струящимся изъ сосѣднаго грота. Около этого грота, въ нишѣ, покрытой зеленью, видѣется древній каменный идолъ, сохранившій до сихъ поръ свои атрибуты: маленький алтарь и тори. Деревянный мостъ ведетъ черезъ ручей на тропинку, вьющуюся между деревьевъ и скалъ, и ведущую къ верхней оградѣ жилий. Тутъ, подлѣ тѣнью сосенъ и лавровыхъ деревьевъ, вырублена въ камнѣ скамейка, съ которой видны сады и всѣ строенія Джоджи, а за ними рейды и форты его охраняющіе. При закатѣ солнца все это составляетъ очаровательную картину: небо и заливъ перебиваются самыми яркими красками, зелень холмовъ покрывается мгновеннымъ блескомъ, прудъ принимаетъ пурпурные оттѣнки. Потомъ тѣнь спускается на зеленѣющую средину и мало-по-малу захватываетъ деревья ее окружающія. Множество морскихъ птицъ слетаются на ночлегъ. Но вотъ густая масса зелени легла чернымъ пятномъ на серебристомъ горизонтѣ, и зеркальное озеро отразило въ себѣ дрожащія лучи звѣздъ. Въ эту пору почная стража тихо совершаетъ свой обходъ по всѣмъ закоулкамъ жилища и ставитъ, на известныхъ разстояніяхъ, часовыхъ съ фонарями изъ цѣтной бумаги. Японская стража преспокойно ложится на землю, поставивъ у своихъ ногъ фонари. Одинъ изъ нихъ помѣщенъ на углу галлереи, ведущей въ залу, другой въ главномъ проходѣ между строеній; третій у пруда около моста; слѣдующіе вокругъ храма, возлѣ дверей моей спальни и между тори и выходомъ изъ столовой.

Патруль исправно исполняетъ свою обязанность. При его приближеніи, часовые поднимаются и кричатъ: «Доледа!» На что отвѣчаютъ имъ ночнымъ лозунгомъ. Каждый день я получаю отъ начальника стражи лозунгъ, написанный на японскомъ и голландскомъ языкахъ.

Видъ этихъ военныхъ предосторожностей не покидаетъ меня даже и въ кровати: сквозь бумажныя стекла моей спальни я вижу свѣтъ фонарей стражи въ саду. Но успокоительнѣе всего дѣйствуетъ на меня мысль, что ничто не отдѣляетъ меня отъ моихъ тѣлохранителей, такъ какъ у насъ не только нѣтъ никакихъ заповорѣвъ, но даже и всѣ двери замѣнены драпировками.

Я не могъ осмотрѣть внутреннее расположеніе другихъ жилищъ посольства: они были заперты по случаю переселенія посольскихъ дворовъ изъ Іеддо въ Йокогаму. Но я смѣло могу предполагать, что, исключая небольшихъ уклоненій, онѣ всѣ устроены на одинъ ладъ и очень схожи съ только что описаннымъ мною жилищемъ.

Самую старинною резиденціею иностранцевъ въ Иеддо можно считать Акабана, въ кварталѣ Асабу Японское правительство обратило его въ 1858 г. въ каравансерай посланниковъ. Они находили тутъ только стѣны и затѣмъ — никакихъ уже удобствъ или мебелировки, кромѣ циновокъ и перегородокъ по туземной модѣ. Здѣсь послѣдовательно останавливались г. Донкеръ-Курцусъ, адмиралъ Путятинъ, баронъ Гро, графъ Эйленбургъ. Однако, если я не ошибаюсь, съ 1861 г. Акабана оставался никѣмъ не занятъ. Я даже не увѣренъ, существуетъ ли онъ въ настоящее время: въ этой части асабускаго квартала пожаръ истребилъ нѣсколько сотъ домовъ; я видѣлъ тамъ очень мало старыхъ крышъ и много новыхъ строеній; замѣтно, что торопились прокладывать новыя улицы на обломкахъ старыхъ; по мѣстному обычаю страны деревянная ограда скрывала и рабочихъ, и слѣды исправляемаго разрушенія.

Американское посольство занимало, по сосѣдству, монастырь бонзъ въ Джемфузи. Когда я его посѣтилъ, то цѣлымъ оставался только храмъ, колокольня и нѣсколько службъ. Все остальное какъ

Одинъ изъ видовъ смертной казни въ Японіи.

будто скошено въ уровень съ землею другимъ пожаромъ; остались слѣды полуобгорѣвшихъ строеній, вытасненныхъ изъ огня и спасенныхъ вещей; дѣйствительныхъ мѣръ я могъ оцѣнить вполне, когда увидѣлъ, что вырванные изъ пламени книги брошены для безопасности въ садовый прудъ.

Французское посольство въ Сайкайджи, въ десяти минутахъ ходьбы къ сѣверу отъ Джооджи, расположено на воспитательной мѣстности, откуда видны большая часть города и рейды; въ 1860 г. она тоже пострадала отъ пожара, во время пребыванія г. Дю-Шень-де-Беллькура и аббата Жирара но удачно подоспѣвшая и хорошо дѣйствовавшая помощь сохранила его отъ полного разрушенія.

Тозенджи, мѣстопробываніе британскаго посольства, самая красивая и обширная изъ иностранныхъ резиденцій. Этотъ древній монастырь, — собственность принца Шендаи, былъ предоставленъ правительствомъ тайкуна въ распоряженіе лорда Эльджина въ 1858 году. Онъ стоитъ въ одной верстѣ разстоянія къ югу отъ Джооджи, прилонившись къ холмамъ, на которыхъ разсажены рощи и аллеи, и гдѣ бамбукъ, пальма, азалея, плакучая ива, каштанъ, превосходно гармонируютъ съ

пятидесяти и даже стафутными соснами. Но въ этомъ миломъ уголку нѣтъ, такъ сказать, ни одного мѣстечка, которое бы не напоминало какого-нибудь мрачнаго происшествія. Подножіе флаг-мачты обогрилось кровью японскаго переводчика Денкуши; главные ворота, дворъ, храмъ, первый этажъ посольства во время ночной атаки 4 іюля 1861 г. сдѣлались театромъ страшной свалки, гдѣ четверо людей убито и восемнадцать ранено; наконецъ, годъ спустя, на верандѣ, выходящей въ садъ, пали два солдата англійской морской службы, смертельно ранивъ одного изъ своихъ убійцъ.

Дипломатическіе агенты державъ, заключившихъ трактаты съ Японіею, понятно, не остались безучастными зрителями положенія, созданнаго для нихъ въ Іеддо. Послѣ зрѣлаго обсужденія, какъ дѣйствовать, они потребовали и добились отъ тайкуна уступки мѣста, гдѣ всѣ посольства могли соединиться, приготовить средства къ защитѣ и обезопасить свои сообщенія съ стоящими на якорѣ военными судами.

На южной оконечности квартала Таканава, на вершинѣ нѣсколькихъ холмовъ, командующихъ надъ Токаидо, рейдомъ и батареею Одоюва, находится обширный публичный садъ, называемый Готень-Яма. Посольства нашли, что онъ представляетъ всѣ желаемыя удобства, и поспѣшили вырубить въ саду персиковыя деревья въ цвѣту и кедровыя рощи, куда горожане и незначительные самураи любили являться цѣлымъ семействомъ полюбоваться видомъ бухты, напиться чаю, саеи и насладиться музыкальными и хореграфическими прелестями сосѣднихъ красавицъ. Когда все было подчищено, сравнено, выглажено, когда новое британское посольство показало свой величественный фасадъ, свои изящныя галереи, живописныя крыши, дало понятіе дворянамъ и черни Іеддо о пышности будущаго квартала западныхъ посланниковъ, тогда, въ одну прекрасную зимнюю ночь, рейдъ вдругъ освѣтился заревомъ, какъ будто тысячи потѣшныхъ огней зажглись разомъ въ Готень-Ямѣ: то горѣлъ только что отстроенный въ столпѣ тайкуна первый европейскій дворецъ. Другіе остановились на первоначальныхъ работахъ или на планѣ, и представители дружественныхъ съ Японіею державъ имѣютъ до сихъ поръ еще пребываніе свое въ Юкогамѣ.

ГЛАВА XXIII.

ТАКАНАВА И АТАКОСТА.

Прогулка къ замку. — Уличныя развлечения. — Нищенствующие монахи. — Невозможность снять фотографин. — Храмы. — Дворцы даймёсовъ. — Трудность доступа внутрь дворца.

Я указывать уже на плебейскій характеръ южныхъ округовъ, выходящихъ въ поле на юго-западъ и на западъ отъ нашей резиденціи. Они составляютъ между собою родъ большаго деревенскаго города, гдѣ группы жилищъ связываются чаще всего другъ съ другомъ простыми дорожками рисовыхъ плантацій, узкими тропинками, по которымъ двѣ лошади не пройдутъ рядомъ.

Въ этомъ направленіи мы открыли только одно приличное и хорошо содержанное шоссе, именно то, которое ведетъ къ главному храму квартала Мегуро. Почти всѣ европейцы, жившіе въ Иеддо, знаютъ Мангуну, какъ называютъ на простонародномъ нарѣчьи эту древнюю бонзерію, и окружающія ее граціозныя чайныя дома. Поодаль холмъ, обдѣланный въ видѣ Фузи-яма, привлекаетъ въ извѣстныя времена года, особенно, когда начинаютъ цвѣсти сады и огороды, толпу гуляющихъ, принадлежащихъ къ высшимъ классамъ общества Иеддо.

Дома мелкаго дворянства, то есть низшихъ чиновниковъ на службѣ тайкуна, разбросаны въ большомъ числѣ по округу Иостуги, гдѣ есть два поля для конныхъ учений строевыхъ офицеровъ и жандармовъ, но за то не встрѣчается ни одного гербоваго дворца, ни даже сколько нибудь значительнаго храма.

Сендака-Тани, точно также не имѣетъ ни храмовъ, ни дворцовъ, но тутъ вы увидите двѣ деревенскія бонзеріи, причемъ одна украшена искусственнымъ Фузи-ляма, другая двумя или тремя большими надгробными памятниками, приютившимися подъ тѣнью исполнскихъ кедровъ. Наконецъ Авои-яма походить нѣсколько на Таканаву, такъ какъ и здѣсь можно встрѣтить нѣсколько большихъ бонзерій и барскихъ домовъ; но потерпѣливо желая открыть наиболѣе любопытныя городскіе кварталы, мы рѣшились направить поиски къ сѣверу. Посоветовавшись съ маршрутомъ по превосходной японской картѣ Иеддо, мы въ одинъ прекрасный день объявили нашимъ якуинцамъ, что намѣрены сдѣлать большую прогулку пѣшкомъ, по направленію къ Замку.

Эта вѣсть не особенно имъ понравилась. Насколько они любятъ сопровождать иностранныхъ гостей своихъ верхами, и прожѣвать длинныя улицы столицы крупною рысью, на столько же имъ не по вкусу участіе въ пѣшеходныхъ прогулкахъ, гдѣ ихъ бдительность должна быть постоянно насторожъ противъ всякаго рода фантазій западнаго любопытства.

Г. Кейзеру и г. Фавру, которые во время своихъ ночныхъ бесѣдъ на джоджійскомъ постѣ приобрѣли расположеніе главныхъ начальниковъ стражи, пришла въ голову счастливая мысль доставить имъ развлечение на дорогѣ. Они убѣдили ихъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы выучиться ходить въ ногу. Всѣ якуинцы, одинъ за другимъ, сочли долгомъ строго слѣдовать приказаніямъ и примѣру своихъ импровизированныхъ инструкторовъ. Горожане Иеддо останавливались посматрѣть на необычайную походку своихъ самураи, а тѣ, въ свою очередь, не могли удержаться, чтобы, время отъ времени, не бросать искоса довольный взглядъ на кончики своихъ ногъ. Иногда даже, приподнявъ слегка свои широкіе шелковые панталонцы, сильно смахивавшіе на юбку, они неожиданно показывали красивыя линіи почти голыхъ икръ и синіе бумажные носки съ соломенными сандалями.

По мѣрѣ того, какъ маршрутованіе продолжалось, головные уборы также подверглись замысловатому измѣненію: якуинцы сняли тяжелыя лакированныя шляпы и повѣсили ихъ въ видѣ щитовъ на поясъ; потомъ, схвативъ вѣера, которые они носятъ по собственному желанію на затылкѣ подъ воротничкомъ камзола, сдѣлали себѣ изъ него козырекъ, привязанный къ колбасообразному хохолку, возвышавшемуся надъ бритымъ лбомъ.

Картина будетъ не полна, если я не прибавлю, что и мы сами въ отношеніи костюмовъ были подѣлъ окружающему. Иеддо, можетъ быть, единственный городъ въ мірѣ, гдѣ европейцы сбрасываютъ съ себя деспотизмъ моды. Невозможно противиться заразительному примѣру всего громаднаго населенія, которое, за исключеніемъ придворныхъ выходовъ и церемоній да торжественныхъ праздниковъ, не придерживается въ отношеніи одежды другому правилу, какъ одѣваться и раздѣваться по

собственному желанію, предоставляя сосѣду полную свободу поступать точно также. А потому видѣ нашего общества, который вызвалъ бы возмущеніе въ какой угодно обитаемой мѣстности Европы, не произвелъ ни малѣйшаго впечатлѣнія въ столицѣ тайкуна. Безъ сомнѣнія, на насъ смотрѣли, и любопытство это было какъ нельзя болѣе законно; но указывавшіе пальцы относились лишь къ сигарамъ курящихъ и революверамъ, висѣвшимъ на поясѣ.

На низкихъ улицахъ и набережныхъ Таканавы съ утра до вечера толпится множество народу. Осѣдлое населеніе квартала, какъ мнѣ кажется, занимается только однимъ промысломъ: собираетъ тѣмъ или другимъ способомъ небольшой налогъ съ прѣзжающихъ и отъѣзжающихъ. Здѣсь крошатъ и продаютъ табакъ; тамъ толкутъ рисъ и дѣлаютъ изъ него жѣлтые лепешки; вездѣ предлагаютъ саки, чай, сушеную рыбу, арбузы, множество разныхъ фруктовъ и дешевыхъ съѣстныхъ припасовъ, разложенныхъ на столахъ безъ всякой покрывки или подъ навѣсомъ, и на этакеркахъ безчисленныхъ ресторановъ. Всюду кули, носильщики канто и лодочники навязываютъ свои услуги. Въ нѣкоторыхъ боковыхъ улицахъ нанимаютъ стойла для вьючныхъ лошадей и конюшни для буйволовъ, которые привозятъ на рынокъ произведенія окружающихъ деревень; ихъ запрягаютъ въ сельскія тележки, единственный колесный экипажъ въ Іеддо.

У воротъ чайныхъ домовъ Таканавы дебутируютъ пѣвицы, танцовщицы, странствующие акробаты, являющіеся эксплуатировать столицу. Между первыми есть и такіе, которые составляютъ привилегированный классъ, хотя и подчиненный извѣстному надзору полиціи. Ихъ можно узнать по широкимъ плоскимъ шляпамъ, съ загнутыми внизъ полями съ обѣихъ боковъ; онѣ ходятъ всегда парами или вчетверомъ; когда двухъ танцовщицъ сопровождаютъ двѣ музыкантши то послѣднія играютъ на самсінѣ и распѣваютъ жалобныя романтическія пѣсни.

Любимыми акробатами японскихъ переулковъ остаются молодые мальчики, которые, предъ началомъ фокусовъ, прячутъ голову въ толстый капюшонъ съ лучкомъ плетущихся перьевъ наверху и надѣваютъ маленькую красную маску въ видѣ собачьей мордочки. Вѣдныя дѣти, сгибаясь и разгибаясь на спинѣ другъ друга, подъ однообразный звукъ тамбурина своихъ бозаковъ, представляютъ смѣшную и вполнѣ фантастическую борьбу двухъ животныхъ съ чудовищными головами и человѣческими оконечностями. Къ оглушающему шуму площадныхъ общественныхъ увеселѣній примѣшивается почти такъ же часто, какъ и въ Киото, звуки барабана и колокольчика нищенствующихъ монаховъ. Тутъ я въ первый разъ увидѣлъ непосвященныхъ монаховъ и освѣдомился объ орденѣ, къ которому они могли принадлежать. Намъ переводчикъ отвѣчалъ, что это должно быть миріане, простые мѣщане Іеддо, обратившіе исполненіе обрядовъ религіи въ ремесло и торговлю. Хотя всѣ они были одинаково одѣты въ блонъ, въ знакъ траура или раскаянія, но тѣ, которые носили колокольчикъ, длинную палку, нѣсколько книгъ въ корзинѣ и большую бѣлую шляпу, украшенную сбоку рисункомъ изъ Фу-ши-Яма, показывали этимъ, что только что возвратились со святой горы, куда ходили на богомолье на счетъ общественной благотворительности; другіе, съ барабаномъ у пояса, въ широкой черной или желтой шляпѣ, съ тяжелою ракой на спинѣ, были, по всей вѣроятности, *монены*, или мелкіе разорившіеся торговцы, которые не нашли ничего лучшаго, какъ поступить на жалованье въ какой нибудь бонзеріи и оттуда уже разносить и показывать въ народѣ идоловъ.

На высотѣ хотобанской пристани, длинная улица, отдѣляясь отъ Токаидо, пересѣкаетъ наискосъ цѣль холмовъ, гдѣ живутъ посольства, и проходитъ въ прямомъ направленіи съ юга на сѣверъ по сѣверной части Таканавы.

Мы слѣдовали по этой улицѣ до самаго конца, и она послѣдовательно провела насъ по тремъ рѣзко отличающимся зонамъ общественной жизни въ Іеддо.

Первую—южную зону я только что описалъ съ ея шумными сборищами людей, живущихъ подъ открытымъ небомъ и вполнѣ кажется понявшихъ какія выгоды можно извлекать изъ общественныхъ улицъ и площадей.

Позади холмовъ нашихъ бонзерій, мы встрѣтили, напротивъ, населеніе осѣдлое, занимающееся въ своихъ жилищахъ разными ремеслами и рукодѣліями. Мастерскія узнаются еще издали по выразительнымъ вывѣскамъ: то виситъ доска, обструганная въ видѣ башмака или выкройки киримона, то огромный зонтикъ изъ лакированной бумаги, развернутый надъ лавкой въ родѣ навѣса; дальше множество содомненныхъ шляпъ различныхъ размѣровъ, наизапахившіе отъ самой крыши дома двѣ двери магазина. Мы посмотрѣли нѣсколько минутъ на оружейныхъ и шпажныхъ мастеровъ, занятыхъ выдѣлываніемъ копчугъ, военныхъ желѣзныхъ вѣровъ и сабель самураи. Одинъ старый мастеръ, весь голый, сидѣлъ на корточкахъ на циновкѣ и дѣйствовалъ кузнечнымъ мѣхомъ съ помощью боль-

шаго пальца лѣвой ноги, колотая въ то же время правую рукой на накававшѣ желѣзную полосу, которую держалъ лѣвою рукой. Его сынъ, тоже сидѣвшій на корточкахъ и также голый, клалъ полосы щипцами въ огонь, и когда онѣ раскалялись до-красна, передавалъ ихъ отцу.

Между тѣмъ начальникъ конвоя предложилъ намъ продолжать прогулку. Мало по малу дорога, по которой мы шли, сдѣлалась пустынною. Мы вошли въ обширную уединенную часть города, гдѣ находились дома вельможъ.

По правую сторону простиралась великолѣпная тѣнь парка, принадлежавшаго князю Сатсумѣ по лѣвую — стѣнная ограда дворца князя Арима. Обогнувъ сѣверо-восточный уголъ ея, мы очутились противъ главнаго фасада зданія. Онъ простирается параллельно цѣлому саду фруктовыхъ деревьевъ, омываемыхъ водами прозрачной рѣчки, разделяющей кварталы Таканава и Атакоста.

Только что Беато приготовился снять фотографію съ этой мирной картины, какъ вдругъ къ нему подбѣжали два офицера принца и потребовали, чтобы онъ не продолжалъ работы. Г. Метманъ про-

Джоджи-домъ голландскаго посольства въ Иедо.

силъ ихъ освѣдомиться, дѣйствительно ли таково желаніе ихъ господина. Офицеры исполнили это и черезъ нѣсколько минутъ вернулись. «Принцъ, кричали они въ одинъ голосъ, рѣшительно не позволяетъ снимать никакихъ видовъ съ своего дворца.» Беато почтительно поклонился и приказалъ ассексуу убрать аппаратъ, и офицеры съ самодовольствіемъ ушли, не подозревая, что во время ихъ отсутствія два негатива были уже готовы.

Якуинцы конвоя, безстрастные свидѣтели этой сцены, дружно аплодировали удачной хитрости г. Метмана. Но когда послѣдній объявилъ намѣреніе снять фотографію съ замка и кладбища тайкуновъ, они, въ свою очередь, выказали такое сопротивленіе, котораго мы никакъ не могли ни обойти, ни поколебать.

Пришлось отказаться даже отъ мысли проникнуть за кладбищенскую ограду. Мы различили только высокую пагоду и темныя кипарисовыя рощи, на заднемъ планѣ одного изъ тѣхъ красивыхъ

пейзажей съ величественными деревьями, зелеными лугами и прекрасными потоками, которыми такъ богатъ городъ Иеддо.

Все, что можно было добиться, — это пройти вдоль западной части священнаго мѣста.

Мы проходимъ рѣку, по мосту, гдѣ совершилось убійство Гейсина, и, оставивъ у себя вѣсколько домовъ Акабана, уцѣлѣвшихъ отъ пожара, слѣдуемъ черезъ площадь, окоймленную съ одной стороны матабаномъ, или садомъ, гдѣ производится стрѣльба изъ лука, съ другой — стѣнами, плантаціями деревьевъ, зданіями и небольшими озерами, принадлежащими Сойсити: этимъ именемъ называется большая бонзерія, обладающая счастьемъ принимать прахъ тайкуновъ въ послѣднемъ ихъ жилищѣ. Они покоятся здѣсь подъ соединеннымъ покровительствомъ обѣихъ религій имперіи. Буддизмъ, правда, первенствуетъ въ этихъ мѣстахъ и распространяетъ свою власть болѣе чѣмъ на семьдесятъ священныхъ зданій, но въ этомъ числѣ древніе боги: Гатчиманъ, Бентенъ, Инари, имѣютъ каждый отдѣльную часовню, а храмъ, посвященный культу Ками, украшаетъ восточный входъ въ Сойсити, со стороны Токаидо и залива. Въ томъ же направленіи находится дебаркадеръ тайкуна, устроенный на островѣ Амаготенъ, при устьѣ рѣки Тамори-ицѣ, которая снабжаетъ водою ры замка.

Амаготенъ образуетъ правильный параллелограммъ и соединяется двумя мостами, недоступными для публики: однимъ со стороны квартала Атакоста, другимъ со стороны — Кюбасси. И почти обвѣхалъ его кругомъ въ нашемъ консульскомъ сампанѣ. Стѣны, выложенныя камнемъ, лѣстницы, навильоны дебаркадера, чащи густой зелени — чудо какъ хороши по своей величинѣ, простотѣ и изяществу. Высокія деревья, окоймлиющія при устьѣ рѣку по обѣимъ берегамъ, нависли густолиственной бесѣдой надъ чистыми и глубокими водами.

Были сдѣланы общія попытки у японскаго правительства, со стороны посланниковъ Франціи, Голландіи, Англіи, Америки, съ цѣлью добиться уступки Амаготена, подъ помѣщеніе посольствъ, но, къ несчастію, онѣ не привели ни къ чему, потому что рациональное исполненіе этого плана потребовало бы завладѣнія цѣлымъ островомъ, а правительство уступало только небольшую часть его.

Мы удалились отъ зданія Сойсити, достигнувъ сѣверозападнаго предѣла этой обширной бонзеріи. Здѣсь возвышается дворецъ великаго жреца, а внизу показываютъ входъ и главный порталъ, предоставленные исключительно въ распоряженіе тайкуна: онъ бываетъ тутъ разъ въ годъ, когда отправляется на поклоненіе гробницамъ своихъ предковъ. По его примѣру, каждый придворный посѣщается, въ извѣстный день въ году, собственное фамильное кладбище.

Мы продолжаемъ путь къ сѣверу. Вся часть квартала Атакосты, которая простирается у насъ справа до Амаготена, за исключеніемъ мѣщанскихъ улицъ, вдоль Токаидо, занята резиденціями даймосовъ и высшихъ сановниковъ имперіи.

Съ лѣвой стороны, четырнадцать маленькихъ смежныхъ храмовъ Сансоосэджи тянутся у подножій холмовъ Атагоза-Иама. Широкой ручей отдѣляетъ ихъ отъ публичныхъ улицъ; каждый изъ нихъ имѣетъ собственный мостъ, ворота, лугъ, окруженный обыкновенно по бокамъ часовыми или жилищами бонзъ; внутри двора можно различить часовню омовеній, священную рошу и крышу святилища.

Однако шестая бонзерія составляетъ исключеніе. Переступивъ за ея порогъ, прежде всего видишь только большой вымощенный дворъ, среди котораго возвышается величественный гранитный торі; когда же пройдемъ въ священную дверь, то, очутившись противъ двухъ канделябровъ, поставленныхъ у подножія эспланады, куда ведутъ нѣсколько ступеней; потомъ открывается вторая, окоймленная высокими деревьями, причемъ ихъ вѣтви переплетаются со всѣхъ сторонъ, какъ арки въ готическомъ соборѣ. Только тогда, съвѣзъ листья, можно различить широкую каменную лѣстницу, конецъ которой теряется въ чащѣ зелени.

Мало по малу, мы всходимъ по ней до самой вершины холма; лѣстница имѣетъ сто правильно расположенныхъ ступеней. Впрѣчемъ съ правой стороны есть еще другая, болѣе удобная дорога, проложенная наискось вдоль лѣснаго ската, и составленная изъ ряда лѣстницъ, раздѣляющихся террасами и снабженныхъ скамейками для отдыха.

Разрушенная часовня съ незначительными идолами и обширная открытая галлерей, окружающая чайный домъ, занимаютъ вершину Атагоза-Иама. Молодые предужныя дома торчатся подавать намъ прохладительныя напитки, и мы предпочитаемъ отдохнуть здѣсь немного, прежде чѣмъ направиться къ навильонамъ, выстроеннымъ по обѣимъ концамъ террасы и свободно вырисовывающимъ силуэтъ свой на чистомъ небѣ.

Наступила наконецъ минута, когда нашъ взглядъ можетъ парить надъ огромнымъ городомъ. Мы начинаемъ съ южнаго навильона. Прежде всего поражаетъ огромность пространства и блескъ картины

Солнце уходит за горизонтъ на совершенно безоблачномъ небѣ; прозрачность атмосферы позволяет различать укрѣпленія надъ искрящейся поверхностью залива. Но на всемъ разстояніи, отъ рейда до подошвы нашего холма, взоръ ни на чемъ не можетъ установиться: передъ нами цѣлый океанъ длинныхъ улицъ, бѣлыхъ стѣнъ, сѣрыхъ крышъ. Утомительная монотонность картины разнообразится, то тамъ, то здѣсь, красивыми группами чернолиственныхъ деревьевъ, или какимъ нибудь храмомъ, котораго зубчатая вершина выдается какъ большой валъ надъ волнообразными линіями жилищъ. Въ ближайшемъ къ намъ кварталѣ широкая пробойна сквозь улицы, — точно путь опустошительнаго смерча, — обозначаетъ слѣдъ недавняго пожара, а дальше темная группа холмовъ, назначенная для погребенія тайкуновъ, представляетъ подобіе пустынного острова возвышающагося надъ бурнымъ моремъ.

Панорама сѣвернаго павильона еще однообразнѣе, если только возможно быть однообразнѣе. Она обнимаетъ кварталы, занятые исключительно дворянствомъ, а границей его на горизонтѣ служатъ укрѣпленія и густые парки Замка.

Даймюаски, или резиденціи вельможъ, которыя мы неправильно называемъ дворцами, различаются между собою только размѣрами и протяженіемъ. Самыя роскошныя и самыя скромныя представляютъ тотъ же архитектурный типъ и тотъ же характеръ простоты. Онѣ состоятъ изъ первой ограды, которая продолжается строеніями, предназначенными для прислуги, домашняго скота и тѣлохранителей князя. Эти строенія имѣютъ только два этажа и составляютъ продолговатый четырехугольникъ, всегда окруженный рвомъ. Ихъ покрываетъ одна крыша, поддержанная фронтонами портала, обыкновенно, по одному съ каждой стороны параллелограмма. Ихъ ограждаетъ одна и та же стѣна, и чаще всего выходомъ на улицу служитъ тотъ же самый порталъ. Что касается до окошекъ, они большею частью широки, низки и правильно расположены въ двѣ параллельныя линіи, а закрываются деревянными рѣшетками.

Вторая, внутренняя ограда, отдѣленная отъ первой дворомъ и нѣсколькими службами, состоитъ изъ собственнаго, такъ называемаго, дворца. Главный фасадъ и веранда дома выходятъ въ садъ непременно съ прудомъ, окруженнымъ свѣжею зеленью и тѣнью.

Таково-то тихое, недоступное жилище, гдѣ гордый даймюсъ запирается съ своимъ семействомъ на шесть мѣсяцевъ, которые закона имперіи предписываютъ ему проводить въ столицѣ.

Мы, впрочемъ, можемъ обвинить условія резиденціи японскаго дворянства только потому, что намъ удалось видѣть снаружи. Ни одинъ европеецъ не переступалъ порога японскаго *йаски*. Министры тайкуна, по примѣру вельможъ, не допускаютъ иностранныхъ посланниковъ въ свои жилища. Личныя сношенія, чрезвычайнѣе впрочемъ ограниченныя, поддерживаются церемонными аудіенціями, даваемыми въ нѣкоторыхъ правительственныхъ зданіяхъ, соответствующихъ нашимъ министерствамъ. Къ числу ихъ принадлежатъ двѣ морскія школы, на берегахъ залива, *юкандзю-бундо* или зданіе департамента финансовъ — на сѣверо-западной оконечности Атакосты.

Зданія этой категоріи имѣютъ совершенно одинаковую вышность съ дворцами даймюсовъ.

ГЛАВА XXIV.

КВАРТАЛЫ ВОКРУГЪ ЗАМКА.

Дворецъ тайкуна. — Кварталь Курада. — Стража тайкуна. — Военное воспитаніе самураевъ. — Школы фехтованія. — Обученіе дамъ фехтованію. — Щегольство оружіемъ. — Бантэю. — Положеніе духовенства.

Панорама Атагоза-Іама показала намъ всего лишь одну четвертую часть громадной столицы. Къ сѣверу взглядъ упирался въ каменную ограду резиденціи тайкуна. Мы рѣшились посвятить другой день осмотру кварталовъ, расположенныхъ вокругъ замка и составляющихъ вмѣстѣ съ нимъ центральную часть Іеддо.

Если бы можно было обнять ихъ однимъ взглядомъ, то съ высоты птичьего полета они показались бы двумя concentричными кругами, обрисованными голубыми линиями широкихъ каналовъ, сообщающихся между собою и съ заливомъ съ помощью безчисленныхъ развѣтвленій.

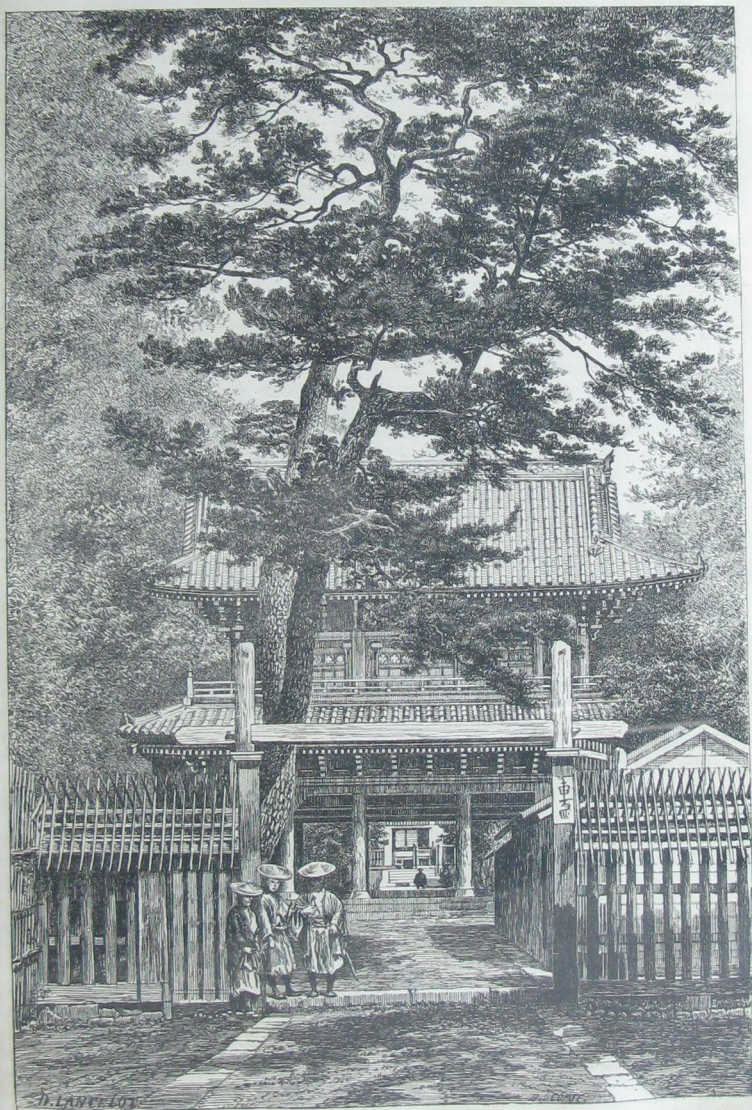
Нашъ новый маршрутъ все—таки долженъ ограничиваться кварталами, специально занятыми домомъ тайкуна и феодальнымъ дворянствомъ, то есть четырьмя округами, названія которыхъ слѣдующія:

- 1) Сакурада, или Сото-Сакурада, Нагада-Сто;
- 2) Бантэю, кварталъ гвардіи;
- 3) Суруга, или Іида-Матзи, Суруга-Дан, Огава-Матзи;
- 4) Даймю Кодзи, аллея Даймюсовъ.

Оставляя въ сторонѣ мѣщанскую часть города, на востокъ резиденціи, мы входимъ въ первую ограду, или наружную зону Замка, по мосту, соединяющему южную часть квартала Атагозы съ сѣвѣрной квартала Курады. Потомъ, идя къ западу, мы переходимъ съ западной стороны Замка кварталъ Бантэю, а съ сѣвѣрной часть квартала Суругатсэ. Отсюда мы проникаемъ во внутреннюю ограду и, перейдя, отъ сѣвера къ югу, кварталъ даймюсовъ, снова приходимъ въ кварталъ Курады, то есть къ точкѣ своего отправленія.

Вотъ планъ, который мы выполнили въ четыре часа ходьбы. Передъ нами развернулись, подобно извилинамъ таинственнаго каменнаго лабиринта, тѣ укрѣпленія, башни, дворцы, гдѣ, въ продолженіе болѣе двухъ съ половиною вѣковъ, укрывалось могущество тайкуновъ. Общій видъ величественъ, но оставляетъ на душѣ ледяное впечатлѣніе. Порядокъ политическаго устройства, данный Японіи узурпаторомъ Гіюйсомъ, напоминаетъ смутное правленіе Венеціанской республики подъ владычествомъ Совѣта Десяти. Если онъ не имѣетъ величія послѣдней, за то обладаетъ всѣми ея ужасами: мрачнымъ величіемъ главы государства, непроницаемою таинственностью управленія, скрытымъ и неустаннымъ дѣйствіемъ официально организованной системы шпіонства во всѣхъ вѣтвяхъ администраціи, влекущей за собою, во мракѣ, изгнаніе, убійства и тайныя казни.

Но сравненіе съ Венеціей не можетъ идти далѣе. Напрасно стали бы мы искать въ Іеддо, на всемъ обширномъ протяженіи дворцоваго гласиса, какихъ нибудь памятниковъ, которые мы можно было поставить рядомъ съ великолѣпными зданіями площади святаго Марка или Скіавонской набережной. При дворѣ тайкуна рѣшительный недостатокъ эстетическаго вкуса. Религіозно общественною жизнью, поэзіею и всѣми лишними предметами, которые могли бы только обременить колеса правительственной машины, предоставляютъ заниматься народу. Съ одного конца административной іерархіи до другаго, каждый сановникъ имѣетъ за собою какого нибудь солдата и контролера, а потому всѣ умственные способности этихъ чиновниковъ изощряются на то, какъ бы не сдѣлать или не сказать чего нибудь, могущаго подать поводъ къ компрометирующимъ допосамъ. Что касается ихъ частной жизни, она прятается, какъ и вообще всѣхъ японскихъ дворянъ, за стѣнами ихъ домашнихъ вѣрностей. Между тѣмъ какъ мѣщанскія улицы, состоящія изъ домовъ совершенно открытыхъ со стороны улицы, безпрестанно оживлены толпами пріѣзжихъ и прохожихъ всѣхъ возра-

Тосендзи — домъ британскаго посольства въ Еддо.

стовъ и половъ, въ кварталахъ аристократическихъ не видно ни женщинъ, ни дѣтей, и только иногда, мелькомъ, замѣтишь ихъ сквозь рѣшетчатые окна, или въ строеніяхъ, назначенныхъ для прислуги.

И такъ въ Іеддо существуетъ два общества: одно, вооруженное и привилегированное, которое какъ бы запертое въ обширной цитадели; другое — безоружное, подчиненное владычеству первого, живетъ повидимому наслаждается всѣми выгодами свободы.

Но въ действительности желѣзное иго тяготѣетъ надъ горожанами Іеддо. На пять главныхъ, лицъ, въ пяти семействахъ, правительство тайкуна ставитъ непременно одного начальникомъ надъ четырьмя остальными. Несправедливые законы наказываютъ все семейство, весь кварталъ, за преступленіе одного изъ членовъ. Собственность, даже жизнь горожанъ, не имѣютъ никакихъ законныхъ гарантій. Вымогательство и грубые поступки людей, облеченныхъ правомъ носить двѣ сабли, остаются болѣею частью безнаказанными. Но горожанинъ вознаграждаетъ себя прелестями городской жизни: если подчасъ ему кажется правленіе тайкуновъ тяжелымъ, онъ вспоминаетъ, что и микадо не всегда были снисходительны. Одинъ изъ нихъ, еще въ недавнія времена, любилъ хвастаться своею ловкостью въ стрѣльбѣ изъ лука, и нерѣдко заставлялъ поселянъ взлѣзать на деревья, откуда сбивалъ ихъ потомъ на землю ударомъ стрѣлы.

Одинъ японскій императоръ, родившійся подъ созвѣздіемъ Пса, приказалъ своимъ подданнымъ почитать собакъ священными животными, не убивать ихъ, а по смерти хоронить съ почетомъ.

Одинъ изъ его подданныхъ, у котораго околѣла собака, счелъ долгомъ похоронить ее на людскомъ кладбищѣ. Дорогою, уставъ нести трупъ животного, онъ позволилъ себѣ сказать сопровождавшему его другу, что указъ императора ему кажется смѣшнымъ.

«Берегись роптать, отвѣчалъ его товарищъ, подумай только, что нашъ императоръ точно также могъ бы родиться и подъ созвѣдіемъ Лошади!»

Кварталъ Курада (Сотоза-Курада-Нагата-Сто), составляющій первую большую оборонительную линію укрѣпленій Замка съ южной стороны, окруженъ со всѣхъ сторонъ водою, исключая восточной, гдѣ онъ отдѣляется отъ квартала Бантзю только плацдармами, принадлежащими тайкуну. Десять дугообразныхъ деревянныхъ мостовъ переброшены черезъ широкіе рвы. Южные мосты примыкаютъ къ укрѣпленнымъ воротамъ, позади которыхъ дорога поворачиваетъ угломъ и становится какъ разъ подъ выстрѣлы бойницъ укрѣпленій и внутреннихъ блокгаузовъ.

Сильный отрядъ тайкуна занимаетъ караулъ подлѣ воротъ, черезъ которые мы проходимъ. Простые солдаты горцы Аюни, прослуживъ два или три года, распускаются по домамъ. Ихъ мундирная одежда, изъ синей бумажной матеріи съ бѣлыми полосами на плечѣ, состоитъ изъ узкихъ панталонъ и рубашки, похожей на ту, что носятъ гарибальдійскіе волонтеры. На ногахъ — бумажные чулки и сандалии; на поясѣ — большая сабля въ лакированныхъ ножнахъ. Патронташъ, вмѣстѣ со штыкомъ, поддерживается съ правой стороны портупеею. Остроконечная шапка изъ лакированного картона, съ отвороченными полями на вискахъ, дополняетъ форму; но они надѣваютъ ее только отправляясь въ караулъ или на ученье.

Что касается ружей японской арміи, то хотя всѣ онѣ ударныя, но разнятся по калибру и конструкции, смотря по тому, гдѣ были изготовлены. Я видѣлъ четыре различныхъ сорта ружей въ цейгаузахъ Бентанской казармы, куда соблаговолили ввести меня одинъ якунецъ. Прежде всего, онъ показалъ мнѣ голландскій образецъ, потомъ оружіе низшаго сорта, вышедшее изъ мастерскихъ учрежденныхъ въ Іеддо, для изготовленія ружей по этому образцу; потомъ американское ружье, и, наконецъ, ружье системы Минье, употребленію котораго молодой офицеръ училъ взводъ солдатъ на казарменномъ дворѣ.

Я замѣтилъ, что этотъ инструкторъ командовалъ на ученьѣ по голландски. Онъ держалъ правую руку шомполъ, и, по граціи движеній, также какъ по мягкости голоса, походилъ издали на учителя танцевъ, который дирижируетъ смычкомъ подлѣ тактъ всѣмъ на своихъ учениковъ. Я пригласилъ его въ себѣ посмотреть охотничье ружье и швейцарскіе карабины. Полдюжины товарищей его навязались придти ко мнѣ вмѣстѣ съ нимъ. Окончивъ свой осмотръ и наблюденія, одинъ изъ нихъ сказалъ: «Мы понимаемъ, что это оружіе выше того, которое намъ извѣстно, въ отношеніи дальности полета и вѣрности выстрѣла, но его слѣдовало бы усовершенствовать еще болѣе, передѣлавъ въ немъ механизмъ для заряженія съ казенной части».

Игольчатая ружья они видѣли нѣсколько дней тому назадъ у флотскихъ солдатъ, на прусскомъ

корветъ *Газель*. Надо замѣтить, что это было въ 1863 году, когда никто еще не обращалъ вниманія на вооруженіе прусской арміи.

Не смотря на такое быстрое знакомство съ успѣхами ручного огнестрѣльнаго оружія на Западѣ, японцы до сихъ поръ не могутъ сбросить тяжелое феодальное вооруженіе: каска, болчуга, аллебарда, палаши—обязательны на смотрахъ и большихъ маневрахъ. Отряды стрѣлковъ, снаряженныхъ по европейски, слѣдуютъ по флангамъ колонны; рыцари, достойные временъ крестовыхъ походовъ, мелкаютъ въ пыли, поднятой артиллеріею.

Все самуранъ учатся, съ малыхъ лѣтъ рукопашному бою, также на пикахъ, палахахъ, мечахъ и ножкахъ. Въ одномъ только кварталѣ, черезъ который мы проходимъ, находится два бѣга и нѣсколько зданій, предназначенныхъ для обученія дворянъ верховой ѣзды и фехтованію. Мы нерѣдко видимъ учителей фехтованія, сопровождаемыхъ учениками и косеками; послѣдніе несутъ копы и деревянные сабли, перчатки, маски и нагрудники, напоминающіе мнѣ предметы, которые употребляются въ фехтовальныхъ залахъ нѣмецкихъ университетовъ, гдѣ студенты учатся драться на рапирахъ.

Бойцы, еще разгоряченные недавнею битвою, перебросили черезъ плечо свои шелковые плащи и разстегнули на груди камзолы. Облегчивъ себя такимъ образомъ, они идутъ съ достоинствомъ и молчаливо, какъ подобаетъ истымъ джентльменамъ. Штабъ-офицеръ, бывшій при обученіи простымъ зрителемъ, оставляетъ свой мундиръ въ покоѣ, безъ всякихъ приспособленій къ вентилаци; но въ тоже время весьма остроумно соображаетъ, что, окончивши служебныя занятія, можетъ не надѣвать обычныхъ бумажныхъ перчатокъ, которыя доходятъ до локтя, вѣшаетъ ихъ на рукоятки двухъ своихъ сабель, нисколько не подозревая, что эта уморительная обстановка придастъ ему въ нашихъ глазахъ видъ странствующаго маннеkena.

Я часто присутствовалъ при фехтованіяхъ якуинцевъ. Передъ началомъ боя, противники раскланиваются другъ съ другомъ. Обороняющійся нерѣдко становится на одно колено, чтобы тверже скрепить желѣзо съ желѣзомъ противника и сильнѣе парировать его удары. Каждый выпадъ сопровождается театральными позами и выразительными жестами; каждый ударъ вызывается съ обѣихъ сторонъ азартные возгласы, потомъ вышлепываются судьи и напыщеннымъ слогомъ произносятъ свое рѣшеніе; чашка чаю подкрѣпляетъ въ антрактѣ силы, и бой возобновляется съ новымъ жаромъ.

Даже для японскихъ дамъ есть фехтовальное училище. Ихъ оружіе, кривая пика, похожа нѣсколько на польскую косу. Онѣ носятъ ее острымъ концомъ къ низу и владѣютъ по извѣстнымъ правиламъ, принимая рядъ позъ, положеній и размысленныхъ движеній, которыя могли бы составить прелестные мотивы для балета. Мнѣ позволили не долго насладиться этимъ граціознымъ зрѣлищемъ, подмѣченнымъ мимоходомъ сквозь полуотворенныя ворота двора. Мои якуинцы поспѣшили запретить ихъ, вѣрять, будто обычаи страны не дозволяютъ постороннимъ зрителямъ присутствовать при воинственныхъ упражненіяхъ женщинъ. Говорятъ, что японскія амазонки ловче владѣютъ орудіемъ въ родѣ винограднаго серпа, придерживаемаго у кисти длинныхъ шелковыхъ шнуркомъ. Назначеніе оружія состоитъ въ томъ, что его бросаютъ въ голову врага, а вслѣдъ затѣмъ отдергиваютъ его съ помощью шелкового шнура.

Мужчины тоже бросаютъ вѣеръ и ножъ, но не прививаютъ ихъ, а употребляютъ для этого совершенно тотъ же способъ, какъ и итальянцы при бросаніи стилета.

Иахитзоно, одинъ изъ героевъ древней имперіи микадо, былъ маленькаго роста и не носилъ ни щита, ни шлема, ни аллебарды, а между тѣмъ онъ вызывалъ на бой самыхъ страшныхъ рыцарей, и въ одиночествѣ всегда побѣждалъ ихъ. Благодаря ловкости, съ которою онъ вертѣлъ военнымъ вѣеромъ, ослѣпляя своего противника, разсеивая его вниманіе и даже нанося ему удары между глазъ, герой былъ удивленъ, что побѣдитъ силача и будетъ держать жизнь его въ своихъ рукахъ. Японскіе живописцы изображаютъ его стоящимъ на вершѣ столба, куда онъ бросился, избѣгая ударовъ аллебарды какого-то страшнаго исполнителя, закованнаго съ ногъ до головы въ желѣзо; онъ стоитъ тамъ, поддерживая равновѣсіе на одной ногѣ, лѣвою рукою вертитъ вѣеръ, а правую раскачиваетъ саблю, устремивъ взоръ на гигантскую голову, которую сейчасъ отрубитъ однимъ ударомъ.

Въ щегольствѣ оружіемъ японскіе дворяне полагаютъ свою роскошь и гордость. Особенно же сабли, закладу которыхъ нѣтъ равнаго, богато украшены на рукояткѣ и ножкахъ удивительно тонкою чешаекой и пашькой. Самымъ высокимъ достоинствомъ въ саблѣ ставится ее древность и знаменитость. Каждая сабля въ старинныхъ фамиліяхъ даймѣсовъ имѣетъ свое преданіе, свою

исторію, блескъ которыхъ соразмѣряется съ количествомъ пролитой крови. Новая сабля не должна оставаться дѣвственно въ рукахъ покупателя. Пока представится случай омыть ее въ человѣческой крови, обладатель сабли, самурай, пробуетъ ее на животныхъ или, еще лучше, на трупахъ казненныхъ. Когда палачъ, съ дозволенія начальства, даетъ ему трупы, онъ привязываетъ ихъ къ кресту или станку во дворѣ своего жилища, и упражняется то перерѣзывая, то разбѣлая на двое, то кроша на куски бѣдное тѣло, пока не приобрететъ достаточно силы и навыка, чтобы однимъ ударомъ разрубить, по самой срединѣ туловища, два трупа связанные вмѣстѣ.

Можно себѣ представить, какое отвращеніе должно внушать огнестрѣльное оружіе запада отнимъ японскимъ джентльменамъ, для которыхъ сабля служить въ одно и то же время эмблемой ихъ храбрости и доказательствомъ дворянскаго происхожденія. Когда сынъ самураи еще слишкомъ малъ и не можетъ носить оружія за поясомъ, его сопровождаетъ на прогулкѣ коскенъ или даже

Хотобанская пристань въ Еддо.

старшая сестра, которая почтительно слѣдуетъ въ нѣсколькихъ шагахъ сзади, держа правой рукой за середину, ноженъ саблю, приспособленную впрочемъ къ росту маленькаго дворянина. Еще годъ или два и фехтованье станетъ главнымъ занятіемъ его жизни!

Тайкунъ послалъ отборную молодежь изъ якуинцевъ въ Нагасаки научиться употребленію огнестрѣльнаго оружія, подъ командою голландскихъ офицеровъ; когда они воротились въ столицу и размѣстились по казармамъ, гдѣ должны были обучать новую японскую пѣхоту, то ихъ прежніе товарищи стали винить ихъ въ измѣнѣ и до того разгорячились, что кинулись на нихъ съ оружіемъ. Съ обѣихъ сторонъ пало нѣсколько жертвъ. Не смотря на то, упадокъ сабли все таки несомнѣненъ. Какъ ни сидѣтъ традиціонный престижъ, которымъ старается окружить ее привилегированная каста; какъ ни велико презрѣніе, выказываемое ею къ военнымъ нововведеніямъ правительства, для нея антипатичнаго, демократическое оружіе, по самой сущности своей ведущее въ равенству, то есть оружье, вводитися постепенно въ Японію, а съ нимъ вмѣстѣ, безъ всякаго сомнѣнія, и неотвратимая

нѣнія, и неотвратимая общественная революція, на что уже имѣются указанія въ истинномъ, хотя совершенно безплодномъ, сопротивленіи представителей феодальнаго порядка.

Самое поведение начальниковъ феодальной партіи должно ускорить катастрофу. Дворцовые заговоры, политическія убійства съ ужасною быстротою умножаются въ Іеддо. Не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что не только нѣсколько государственныхъ министровъ, но и два тайгуна умерли насильственной смертью, одинъ вслѣдъ за другимъ въ продолженіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ. Та же участь постигла готайро или регента, Икаммонъ-но-Ками, опекуна молодого монарха, умершаго въ 1866 г. Его дворецъ расположенъ на холмѣ, въ сѣверной части квартала Курада, противъ широкихъ рововъ и высокихъ стѣнъ послѣдней ограды Замка. Онъ возвышается на востокъ и югъ

Офицеръ арміи тайгуна въ обыкновенной формѣ.

надъ обширными четырехугольниками улицъ, состоящихъ болѣе чѣмъ изъ пятидесяти вельможныхъ резиденцій, между которыми находятся фамильные дворцы князей Курада, Іамозиро, Аки, Сиво, Осуми, Синано, Симоза, Бицень, Танга, Ваказа. Неподалеку отъ этого-то княжескаго квартала, 24 марта 1860 года, въ одиннадцать часовъ утра, регентъ, слѣдовавшій въ нѣримонъ изъ воротъ Замка, черезъ мостъ Сакурада, съ конвоемъ изъ четырехъ или пяти сотъ человѣкъ, подвергся нападенію шайки изъ семнадцати донинговъ, на самой срединѣ широкой улицы, которая идетъ вдоль рва по направленію къ его собственному дворцу. Съ обѣихъ сторонъ дрались съ острейшимъ: двадцать солдатъ конвоя пали на мѣстѣ; пять заговорщиковъ погибли съ оружіемъ въ рукахъ; два разрѣзали себѣ животы; четырехъ захватили плѣнными; остальные бѣжали и, въ числѣ ихъ, начальникъ экспедиціи, унесшій подъ плащомъ голову регента. Молва прибавляла, что ее выстави-

ли показъ въ столицѣ провинціи, гдѣ жилъ принцъ Мито, главный виновникъ заговора, потомъ даже въ Кіото, противъ зданій даири, и наконецъ люди Икаммонъ-но-Ками нашли ее однажды въ саду собственной дворца, куда очевидно она переброшена была ночью черезъ стѣну.

Вся югозападная часть квартала Курада занята дворцами тайкунскихъ семействъ Ксіу и Овари; Они имѣютъ тотъ же характеръ однообразія, какъ и прочія вельможныя жилища.

Населеніе Бантзіо состоитъ изъ чиновниковъ, ремесленниковъ, плотниковъ, служащихъ при Замкѣ, дворянъ и множества незначительныхъ офицеровъ, называемыхъ гаттамото и зависящихъ исключительно отъ тайкуна. Я насчиталъ здѣсь не болѣе семи дворцовъ дайміосовъ, между которыми самый обширный, по повелѣнію тайкуна, долженствовалъ въ то время быть разрушенъ: я говорю про резиденцію буйнаго вельможи Ногато, который подымалъ, одинъ за другимъ, открытыя возстанія противъ своего свѣтскаго государя и находился въ открытой враждѣ во всеміи представителями западныхъ державъ въ Японіи. Говорятъ даже, будто онъ пробовалъ, хотя безуспѣшно, похитить микадо и перевезти его въ одну изъ крѣпостей своей провинціи, чтобы придать набору войскъ характеръ священнаго войны, предпринятой для восстановления духовной власти. Рассказывали, но я не могъ провѣрить этихъ свѣдѣній, будто прислуга Ногато, оставшаяся ему вѣрною въ Іеддо, частью перерѣзана, частью раздавлена обломками его дворца, въ силу варварскаго обычая, по которому наказаніе за преступленіе противъ высшей власти распространяется не только на личность виновнаго принца и его имущество, но даже на членовъ его семейства и прислугу.

Зданія, посвященные богослуженію, не имѣютъ особеннаго значенія въ аристократическихъ кварталахъ, да притомъ ихъ и немного. Пять или шесть находятся въ оградѣ Курада, а по два или по три — въ каждомъ изъ кварталовъ, — Бантзіо и Суруга. Въ кварталѣ дайміосовъ ихъ совсѣмъ нѣтъ.

Это случилось не потому, чтобы тайкуны пренебрегали поддержкой, какую могло оказать духовенство ихъ новорожденной династіи. Но такъ какъ Гіэйасу и его наслѣдникамъ нечего было ожидать благосклонности микадо, то они приобрѣли себѣ расположеніе самыхъ вліятельныхъ сектъ буддизма, одаривъ ихъ монастырями и храмами, которые, по величинѣ и богатству, превосходили самые роскошные священныя зданія въ Кіото. Тойёсанъ, Юкудзи, Дентогинъ занимаютъ въ сѣверныхъ кварталахъ Іеддо цѣлыя дистрикты, усаженные холмами, рощами, огородами, прудами, бульварами и площадями. Между этими святынями есть и такія, которыя своими архитектурными размѣрами напоминаютъ готическую церковную тропеку средней величины.

Впрочемъ щедрость тайкуновъ къ буддистамъ ничего не прибавила къ чувствамъ, выражаемымъ въ Іеддо жрецамъ этой религіи. Мнѣ показалось, что въ различныхъ классахъ общества столицы положеніе бонзъ сходно съ положеніемъ священниковъ греческой церкви, смотря по тому съ кѣмъ тѣ находятся въ сношеніяхъ — съ вельможами ли, купцами или мужиками.

Жрецы культа Ками находятся еще въ худшихъ условіяхъ: даже существованіе ихъ мало кому извѣстно. Правда, что представители микадо при дворѣ тайкуна и нѣкоторые изъ провинціальныхъ вельможъ удостоиваютъ ихъ своимъ покровительствомъ; но великодшіе феодальнаго дворянства во время пребыванія въ Іеддо остаются совершенно чуждо всего, что дѣлается въ столицѣ, какъ относительно религіи, такъ и остальнаго. Оно скорѣе предпочитаетъ оказывать вспоможеніе домашнему священнику, чѣмъ содѣйствовать поддержанію какого бы то ни было общественнаго культа. Все, что оно соглашалося сдѣлать изъ снисхожденія къ древней національной религіи — это позволило жрецамъ Ками посылать разъ въ годъ сборщиковъ въ аристократическіе кварталы. Жрецы же, съ своей стороны, считая не лишнимъ подогрѣть щедрость высшихъ классовъ приманками набожнаго жонглерства, придумали учредить два класса увеселительныхъ сборщиковъ. Первый отправляется на домъ во всякое время, по требованію, за опредѣленную плату, и состоитъ изъ жрицъ гадальщицъ. Одѣтыя въ бѣлый стихарь, онѣ постоянно махаютъ въ лѣвой рукѣ бумажнымъ кропиломъ, а въ правой связкою бубенчиковъ, причемъ сопровождаютъ свои пророчества различными па, кадансами, которыхъ отбивается коскеисомъ, одѣтымъ въ кіотскую шапку, на большомъ барабанѣ. Вторая категория появляется только на новый годъ, чтобы обойти весь городъ, гдѣ каждый жертвуетъ сколько хочетъ. Лица на которыхъ возложена эта обязанность, суть главные коскеисы храмовъ Ками, сопровождаемые каждый своимъ собственнымъ коскеисомъ. Главный слуга одѣтъ по модѣ древнихъ жрецовъ Ками, при дворѣ микадо, въ лакированную шапку, съ большою саблей, въ широкихъ панталонахъ, и держитъ въ правой рукѣ классическій вѣеръ изъ кедроваго дерева. Его слуга, въ свою очередь, одѣтъ коскеисомъ Кіото, несетъ небольшой барабанъ и мѣшокъ предназначенный для сбора подаяній натурою. Танцы, комическія пѣсни, шутковскія пантомимы составляютъ какъ бы ораторскія

украшения обонхъ просителей. Такимъ-то образомъ собирается свитое подааніе въ каждомъ дворцѣ, среди смѣха и рукописанныхъ благородныхъ феодальныхъ фамлій, не смотря на то, что политическое существованіе ихъ опирается преимущественно на эту религію, которую они дѣлаютъ смѣшною.

ГЛАВА XXV.

РЕЗИДЕНЦІЯ ТАЙКУНОВЪ.

Кварталь Суруга. — Громадность японской столицы. — Тронъ тайкуна. — Приѣмы у тайкуна. — Законъ Гохонзамъ. — Власть тайкуна по этому закону.

Слѣдуя по шоссе вдоль террасъ дворца регента, мы поднимаемся въ кварталъ Бантзю и, пройдя его, достигаемъ площадки, гдѣ расположенъ кварталъ Суруга.

Стоя здѣсь, мы находимся на сѣверо-востоѣ Замка: высшая точка, занимаемая нами, почти на одномъ уровнѣ съ гласисомъ внутренней ограды; резиденція тайкуна кажется намъ лежащею на юго-восточной оконечности длинной цѣли холмовъ и площадокъ, покрывающихъ южные кварталы съ запада и съ сѣвера столицы.

Волнообразныя линіи выпуклостей Иеддо съ южной стороны представляютъ подобіе обширнаго цирка, уступы котораго спускаются къ заливу. Издали различаешь какъ будто корридоры, образуемые извилинами трехъ рѣкъ: самая южная протекаетъ между Синагава и Тапанавы; вторая — между послѣднимъ и кварталами Азабу и Атакоста; самая ближайшая, и самая значительная, между Атакоста и Курада; рѣка Тамори-гге наполняетъ рвы Замка и навигаціональные каналы торговой части города между Замкомъ и моремъ.

Съ восточной стороны не бросается въ глаза ни одной возвышенности; городъ развѣтывается на широкой равнинѣ при устьѣхъ и на берегахъ большой рѣки, называемой Огава. За этою рѣкою населенные кварталы Гондзо теряются въ густомъ туманѣ горизонта. Вся эта часть Иеддо на востоѣ Замка была для насъ еще совершенно невѣдомою страной, и, на сколько можно было объять взглядомъ, мы не видѣли ей конца.

Громадность японской столицы производитъ странное впечатлѣніе. Воображеніе и зрѣніе одинаково утомляются необозримыми группами жилищъ, которыя всѣ, какъ большія, такъ и маленькія, носятъ одинъ и тотъ же отпечатокъ однообразія. Каждый изъ нашихъ древнихъ городовъ Европы имѣетъ собственную фizioномію, рѣзко отмѣченную памятниками разныхъ вѣковъ, соединяющую съ великими художественными эффектами строгую прелесть старинныхъ воспоминаній. Въ Иеддо — все одной эпохи, одного стиля; все основывается на одномъ фактѣ, на одномъ политическомъ данномъ — основаніи тайкунской династіи. Иеддо — городъ совершенно новый и еще ожидающій, повидимому, своей исторіи и своихъ памятниковъ.

Даже резиденція тайкуновъ издали не представляетъ ничего замѣчательнаго, исключая размѣровъ, обширной террасообразной оградъ, поддерживаемой огромными гранитными стѣнами, парковъ съ великолѣпными деревьямъ, рововъ, похожихъ на тихія озера и не перестающихъ оживляться присутствіемъ тысячи водныхъ птицъ.

Внутри удивляешься крупнымъ размѣрамъ всего: стѣнъ, аллей каналовъ, воротъ, карауленъ и службъ. Крайняя чистота площадокъ и аллей, глубокое молчаніе, царствующее вокругъ строеній, благородная простота сооружений изъ кедроваго дерева съ мраморными полами, все здѣсь бьетъ на торжественный эффектъ, на внушеніе величія, таинственности и страха, въ которыхъ нуждается деспотизмъ для поддержанія своего обаянія.

Здѣсь, какъ и въ японскихъ храмахъ, можно лишь восхищаться скромностью средствъ, употребленныхъ туземными архитекторами, для выполненія самыхъ смѣлыхъ плановъ. Съ этою цѣлью они заимствуютъ у природы самые могущественные ресурсы. Въ аудіенцъ-залѣ тайкуна нѣтъ ни колоннъ, ни статуй, никакой мебелировки. Зала состоитъ изъ анфилады обширныхъ, очень высокихъ комнатъ, раздѣленныхъ между собою живыми изгородями, возвышающимися до потолка. Ихъ располагаютъ въ перспективѣ, подобно кулисамъ на театрѣ, а въ глубинѣ сцены открываются обширные дуга и аллеи парковъ.

Тронъ тайкуна — что-то въ родѣ дивана приподнятого на нѣсколько ступеней и примыкающаго къ перегородкѣ противъ главнаго входа. Съ правой и съ лѣвой стороны его возсѣдаютъ делегаты — резиденты кіотскаго двора, государственные министры, члены представительнаго совѣта даймёсовъ. На всемъ протяженіи залы, на сколько хватаетъ зрѣніе, видны толпы высшихъ сановниковъ, князей феодальныхъ провинцій, владѣтелей городовъ, замковъ, деревенскихъ округовъ, таттамотосовъ или императорскихъ дворянъ, возведенныхъ тайкунами въ это достоинство для оппозиціи территориальному дворянству, которые тѣнятся сотнями, а при торжественныхъ пріемахъ — тысячами на мѣстахъ, указываемыхъ имъ іерархическимъ порядкомъ. Въ этой толпѣ не слышно ни малѣйшаго шума. Всѣ безоружны и ходятъ босые, прикрывъ ноги складками большихъ длинныхъ панталонъ. Даймёсы отличаются высокою остроконечною шапкою и длиннымъ парчевымъ плащомъ, украшеннымъ на рукавахъ фамильнымъ гербомъ. Чиновники тайкуна носятъ сюртукъ изъ шелкового газа, который образуетъ на плечахъ родъ пелеринки, въ видѣ туго-накрахмаленныхъ крыльевъ.

Все собраніе, раздѣлившись на различныя группы, сидитъ молчаливо до прихода тайкуна на толстыхъ бамбуковыхъ циновахъ, покрывающихъ полъ; потомъ падаетъ ницъ передъ своимъ монархомъ, какъ только онъ появится, и остается такъ до тѣхъ поръ, пока тайкунъ не сядетъ на тронъ и не отдастъ своимъ министрамъ приказаній приступить къ очереднымъ занятіямъ.

Каждый ораторъ, или докладчикъ, приглашенный говорить, приближаясь къ трону, снова падаетъ ницъ.

Костюмъ тайкуна состоитъ изъ парчевой одежды съ широкими рукавами, застегнутый у пояса шелковыми шнурами, и широкихъ, падающихъ буфами, панталонъ, которые прикрываютъ бархатныя ботинки на ногахъ. На макушкѣ головы надѣтъ золотой токъ, напоминающій шапки дождей.

Какое украшеніе могъ бы онъ дать своей тронной залѣ, роскошнѣе и величественнѣе этой живой галлерей, славы Японіи, этого священнаго собранія князей, вельможъ, высокихъ сановниковъ, олицетворяющихъ богатство, блескъ и могущество имперіи?

Эта картина, на которую тайкунъ взираетъ съ гордостью, можетъ быть названа характеристическимъ дѣломъ рукъ Гіэйяса. Она его неотъемлемая собственность, а вовсе не продолженіе плановъ Тайкозамы, послѣдняго сіюгуна. Гіэйясъ настоящій основатель династіи тайкуновъ. Онъ, правда, никогда не пользовался этимъ титуломъ, но въ лѣтописяхъ Японіи ему дано также почетное названіе — Гонгхензама. Что касается до происхожденія титула тайкуна, то оно вполне современное и не заходитъ дальше 1854 года.

Въ этомъ году на одной изъ конференцій commodora Парри съ депутатами японскаго правительства въ Иогоамѣ, американскій посредникъ, желая обозначить въ трактатѣ названіе политическаго главы имперіи, затруднился выбрать между титулами Сіюгунъ, Кубосама и нѣкоторыми другими, которыми микадо жаловалъ своихъ свѣтскихъ намѣстниковъ, и тогда переводчикъ Гіайши предложилъ удовлетвориться одинаковымъ названіемъ, выраженнымъ двумя китайскими буквами Таи-Кунъ, что значитъ великій вожь; предложеніе было принято обоими сторонами. Съ тѣхъ поръ, хотя японское правительство нѣсколько разъ показывало свое недовольство по случаю такого нововведенія, тѣмъ не менѣе оно вошло официально во всѣ международные договоры, которые заключались Японією, и скоро сдѣлалось популярнымъ. Уже одно это обстоятельство показываешь, что въ умѣ японскаго народа понятіе о тайкунахъ было совершенно раздѣльно отъ власти сіюгуновъ, гораздо раньше, чѣмъ получило свое собственное названіе.

Нѣсколько словъ о судьбѣ Гонгхензамы дадутъ понятіе, чѣмъ отличается созданный имъ политическій порядокъ отъ власти сіюгуновъ.

Борьба, возникшая первоначально при Іоритою и продолжаемая до послѣдней крайности Тайкозамою противъ территориальнаго дворянства, должна была, рано или поздно, окончиться упадкомъ феодализма, уничтоженіемъ даири, преобразованіемъ имперіи микадо въ неограниченную монархію скипетръ которой долженъ былъ оставаться послѣдственнымъ въ семействѣ прежняго князя Факсінби.

Лишь только Гэйяся освободился отъ послѣдняго потомка этой фамиліи, какъ тотчасъ же сталъ заботиться о возвышеніи собственной династіи. Успѣхи оружія не только не вскружили ему голову, но заставили его воспользоваться минутою, когда онъ находился на верху, и войти въ соглашенія съ начальниками феодальнаго дворянства, которые продолжали еще вооруженное сопротивленіе. Ихъ было всѣхъ восемнадцать. Гэйяся предложилъ имъ миръ, они поспѣшили его принять, и примирившіяся стороны постановили тогда условія, которыя, подъ названіемъ законовъ Гонгхенгама, составляютъ нынѣ главныя основанія устройства Японской имперіи.

Слѣдуетъ замѣтить, что прежній министръ тайкунами не былъ ни простымъ высочайш, ни вургарнымъ узурпаторомъ.

Токунгава Минамото-но Йейясу происходилъ изъ древней отрасли Гхенджисовъ, начало которой относится ко временамъ 56 микадо, умершаго въ 880 году по Рождествѣ Христовомъ. Гхенджи были одной изъ пяти династическихъ вѣтвей, отъ которыхъ произошли великіе даймёсы или *какуши* (или Гокъши) Япоіи. *)

Послѣднихъ не болѣе девятнадцати и въ числѣ ихъ находится глава фамиліи Токунгава, имѣющій титулъ князя Кванто. Остальные восемнадцать слѣдуютъ по порядку такъ: князья Каппа, Сатсума, Шендаи, Хиго, Тзикадентъ, Аки, Нагато, Фидентъ, Инаба, Бидентъ, Тсу, Ава, Тоза, Курумъ, Агита, Намбу, Юнесава и Тсусимо.

Договариваясь съ главами территориальнаго дворянства, Гэйяся договаривался съ равными себѣ, и тѣ могли, не унижая своего достоинства, признавать его своимъ законодательемъ. Съ другой стороны, этимъ же объясняются уступки, которыя онъ принужденъ былъ имъ сдѣлать, въ интересахъ общественнаго мира и будущности своей династіи.

По закону Гонгхенгама, прерогативы тайкуна довольно ограничены.

Онъ располагаетъ морскими и сухопутными силами; въ его рукахъ сосредоточивается законодательная и административная власть; онъ назначаетъ пять министровъ, изъ которыхъ состоитъ его кабинетъ или государственный совѣтъ *«торожіо»*; отъ него также прямо зависятъ всѣ гражданскіе и военныя чины, состоящіе въ коронной службѣ.

Съ другой стороны, издаваемые имъ законы подчиняются контролю и находятся подъ гарантіею микадо; сверхъ того, даймёсы содержатъ въ Іеддо представителей изъ восемнадцати или двадцати четырехъ членовъ *«кокуши»*, которые, не принимая дѣятельнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ, могутъ, однако, воспротивиться обнародованію новыхъ законовъ и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вмѣшаться въ избраніе новаго тайкуна.

Если спокасательство возникаетъ со стороны родственныхъ по боковой линіи, тогда дѣло рѣшается властью кокуши, а ихъ рѣшеніе подчиняется, въ послѣдней инстанціи, утвержденію микадо.

По закону послѣдній, тайкуновство поддерживается въ прямомъ нисходящемъ потомствѣ; послѣдника, избраннаго Гэйясомъ въ лицѣ старшаго изъ трехъ своихъ сыновей, по томъ же законѣ прибавляетъ, что за неимѣніемъ прямаго послѣдника, власть переходитъ по воли избирательнаго корпуса, къ одной изъ двухъ побочныхъ вѣтвей той же фамиліи.

Главной заботой Гэйяся было утвердить могущество своей фамиліи на прочныхъ и неизблѣмыхъ основаніяхъ.

Сколько онъ выказалъ предусмотрительности и осторожности въ отношеніи восемнадцати кокуши, нейтралитетомъ которыхъ ему необходимо было заручиться, столько же оставался неутомимъ къ второстепенному дворянству, принявшему сторону Фиде-Тори. Не довольствуясь тѣмъ, что разбилъ и разсыпалъ ихъ въ Секигахарской битвѣ, въ 1600 г., онъ конфисковалъ ихъ имѣнія и раздалъ послѣднія своимъ дѣтямъ и присвѣреннымъ.

Такъ, онъ распредѣлилъ между семью сыновьями обширныя лены, извѣстныя подъ именемъ Гокамошкы, владители которыхъ носили титулъ ками. Въ числѣ перешедшихъ владѣтелей этихъ леновъ, мы встрѣчаемъ Микову, Этзичена, Дэву, Ёямато, Симозу.

Кромѣ того, Гэйяся наименовалъ еще 344 *кофдан* или благородныхъ вассаловъ, и также далъ имъ послѣдственныя лены. Къ этой категоріи даймёсовъ принадлежали въ наше время регентъ Икаммонъ-но-ками, Мидзую-но-ками, Авдо Тсусима-но-ками и другіе почетные сановники, принимавшіе участіе въ исторіи новѣйшихъ сношеній Япоіи съ Западомъ.

*) Графъ де Монбланъ, *Le Japon tel qu'il est*. Paris, Arthur Bertrand. 1867.

Наконецъ политическое дѣло свое Гонгхензама завершилъ смѣлымъ актомъ, стремившимся къ тому, чтобы быстро развить свою новую резиденцію и противопоставить старинному феодальному дворянству, вассаламъ микадо, новую привилегированную касту, военное дворянство, не имѣющее поземельной собственности, назначенное для исключительной службы при вновь возникшей династіи и живущее только жалованьемъ и милостями государя.

Въ силу этого, онъ разомъ возвысилъ въ дворянское достоинство и наградилъ, хотя впрочемъ весьма скромно, 80,000 своихъ приверженцевъ. Таково происхожденіе многочисленнаго класса мелкихъ офицеровъ или чиновниковъ Іеддо, которыхъ называютъ *чигитамонси*.

Основатель тайкунальной власти не приминувъ поднять надъ своей резиденціей національное знамя имперіи Восходящаго-Солнца. Но въ качествѣ вождя клана Токунгавы, онъ присвоилъ всѣмъ членамъ своей фамиліи гербы, осытившіе собой самыя славныя воспоминанія его честолюбивой жизни. Армія, которую онъ командовалъ въ Секигахарской битвѣ, получила приказаніе прикрѣпить къ знаменамъ (въ видѣ примѣты, по которой бы можно было узнавать другъ друга) три проскурняковыхъ листа острыми концами внутрь. Скромная эмблема привела ихъ къ побѣдѣ. И до сихъ поръ мы видимъ ее не только на ливреяхъ кокуши Кванто, но въ числѣ прочихъ гербовъ различныхъ князей той же фамиліи, какъ напримѣръ Сунсіу, Овари, Ксіу, Мито, Этзшентъ и Андзу.

Фидо-Тада, сынъ и наслѣдникъ Гонгхензама, желая удержать какъ можно долѣе въ прямомъ своемъ потомствѣ принятую власть, назначилъ для трехъ своихъ сыновей три особые лена, инвестируемыхъ того или другаго отдѣльно, только одна и могла продолжитъ дорогу къ престолу. Они называются ленами *гозанке*. Каждый изъ нихъ обозначается именемъ богатой провинціи, изъ которой выдѣленъ, именно: провинціи Овари, Ксіу и Мито, и даетъ своему леннику титулъ *доно*: Овари-доно что значитъ гозанке Овари; Кіи или Ксіу-доно—гозанке-Ксіу; Мито-доно—гозанке Мито.

Въ свою очередь, третій наслѣдникъ Гіэейса, желая укрѣпить за своимъ поколѣніемъ обладаніе престоломъ, въ случаѣ прекращенія фамиліи *гозанке*, основалъ для трехъ своихъ сыновей три лена гозанкію, пользующіеся, но въ второстепенномъ порядкѣ, одинаковыми титулами и правами съ предшлущими.

Названія гозанкію слѣдующія: Стотсбачи-доно, Таіясу-доно и Шимидзу-доно. Послѣдній лень по случаю пресѣченія рода, возвратился въ потомственный владѣніи князей Кванто.

Фамилія Стотсбачи также пресѣклась, но лень возобновленъ въ пользу младшей отрасли Мито.

Въ 1853 году фамилія принцевъ Ксіу дала имперіи длинный рядъ тайкуновъ: тотъ изъ нихъ, который согласился допустить эскадру коммодора Перри въ заливъ Іеддо, не дожидъ въ слѣдующемъ году до возвращенія американскаго посольства. Носится также слухъ, что въ 1858 г. тайкунъ, съ которымъ лордъ Эльджинъ уполномоченъ былъ вступить въ переговоры, не существовалъ уже въ то время, когда его повѣренные прикладывали свои подписи къ британскому трактату.

Я слышалъ отъ японцевъ таинственныя опасенія за судьбу молодого государя, занимавшаго престолъ во время моего пребыванія въ Японіи: изъ династіи Ксіу, говорили они, было уже тринадцать тайкуновъ, а изъ фамиліи Мито ни одного.

Я спросилъ, имѣетъ ли эта фамилія претендента съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній властитель Мито, которому приписывали убійство регента, умеръ самъ насильственною смертію; «мы не знаемъ этого, отвѣчали они, но онъ оставилъ пріемнаго сына, заслужившаго общее уваженіе, именно Стотсбачи, обременнаго въ санъ вицѣ-тайкуна».

Въ концѣ 1866 года корреспонденціи въ Японіи сообщили намъ извѣстіе о томъ, что тайкунъ умеръ въ Осакѣ, вслѣдствіе перенесенныхъ трудовъ во время войны, которую онъ велъ противъ принца Ногато; преемникомъ его микадо утвердилъ Стотсбачи. Это было со времени Юритомо 46-й сіогунъ, и 15-й и послѣдній изъ японскихъ тайкуновъ со времени Юритомо.

ГЛАВА XXVI.

ДАЙМЮ-КОДЗИ.

Дворцы. — Военная школа. — Сношения съ западом. — Прекращеніе ихъ. — Значеніе Децими. — Школа толмачей въ Иедо.

Хотя Суруга заключаетъ въ себѣ двадцать дворцовъ, имѣющихъ гербы, но все-таки не носитъ на себѣ аристократическаго отпечатка, какъ кварталъ Курада. Мѣщанскіе дома, жилищъ чиновниковъ, военныя школы, рисовыя магазины, тѣнятся подлѣ самыхъ дворцовъ, а превосходныя виды, открывающіеся на замокъ и кипиціе населеніемъ берега Огавы, отвлекаютъ вниманіе отъ однообразныхъ резиденцій вельможъ.

Прежде чѣмъ посѣтить торговую часть города и чтобы разомъ покончить съ официальнымъ величіемъ столицы, мы хотѣли получить еще лучшее понятіе о томъ, что называется Даймю-Кодзи, или *Кияжеская аллея*.

Это вовсе не предпочтительное мѣстожительство имперскаго дворянства, какъ можно бы заключить по болѣе или менѣе незаслуженному названію. Ни важныя феодальныя фамиліи Японціи, какъ напримѣръ князья Канта, Шендан, Сатсума, ни даже названія тайкунальных фамилій, не встрѣчаются между обитателями Даймю-Кодзи. Этотъ кварталъ исключительно занятъ государственными людьми и главными чиновниками свѣтскаго императора. Слѣдовательно, его можно собственно назвать правительственнымъ кварталомъ.

Онъ простирается къ сѣверо-востоку и востоку отъ дворца тайкуна, въ самой оградѣ цитадели и соединяется съ Суруга пятью мостами, снабженными укрѣпленными воротами; но намъ не позволили пройти ни по одному изъ этихъ проходовъ: одинъ изъ нихъ предназначенъ исключительно для тайкуна; другой для Стотсбахи и такъ далѣе до шестого, примыкающаго къ торговому кварталу, и вотъ поэтому-то шестому мосту дозволено было намъ проникнуть въ привилегированную часть города.

Она заключаетъ въ себѣ тридцать дворцовъ, украшенныхъ гербами, множество общественныхъ зданій того же архитектурнаго стиля, какъ и официальная резиденція Стотсбахи; дворецъ тогдашняго перваго министра Огасавара-Дзудзю-но Ками; городскую думу, — мѣстопробываніе иедскаго префекта Китамадзи-буніо, — вліяніе котораго можетъ, иной разъ, потягаться съ вліяніемъ любимаго министра; отель архитектора тайкуна, занимающаго при дворѣ, послѣ префекта, самое завидное положеніе; палату уголовнаго суда съ мрачными аксесуарами: тюрьмами, залами пытокъ, дворомъ тайныхъ казней; пожарное депо, рисовыя магазины, магазины цыновоекъ Замка. Общій характеръ резиденцій и зданій, принадлежащихъ высшей духовной администраціи, носитъ отпечатокъ простоты и строгости, какого не встрѣчается ни въ одной странѣ.

Нужно еще прибавить, что во всемъ Даймю-Кодзи нѣтъ ни мѣщанскихъ домовъ, ни жилищъ мелкихъ чиновниковъ, ни храмовъ, ни монастырей, ни чайныхъ домовъ, ни театровъ и никакихъ школъ.

Молодые люди, предназначенные для административной карьеры, получаютъ основательное воспитаніе, въ одно и тоже время классическое и современное, гражданское и военное. Они учатся употребленію оружія въ коллегіяхъ квартала Суруга; китайской литературѣ, европейскимъ языкамъ и наукамъ въ университетскихъ залахъ храма Сенто, посвященнаго Конфуцію и находящагося на берегахъ канала, который, обгибая сѣверную часть Суруга, соединяетъ рѣку Таморики съ рѣкою Огавою.

Обходъ, который мы должны были сдѣлать, для того, чтобы войти въ Даймю-Кодзи, позволилъ намъ осмотрѣть одну изъ величайшихъ военныхъ школъ столицы. Входъ въ учебныя залы былъ воспрещенъ, но намъ показали залы для фехтованія и маневръ, устроенный подлѣ открытымъ небомъ, въ видѣ длиннаго четырехугольника, усыпаннаго пескомъ и окруженнаго дерновымъ бордюромъ; затѣмъ мы осмотрѣли конюшни, представляющія видъ длинныхъ и низкихъ сараевъ, безъ всякихъ другихъ построекъ, кромѣ деревянныхъ перекладныхъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отгорожены ясли для корма лошадей, набитыя рубленою рисовою соломой, и, наконецъ, площадь для военныхъ упражненій, довольно

обширную для производства стрельбы цѣлою батареею; эта площадь въ самомъ дѣлѣ очень часто употребляется для артиллерійскихъ маневровъ и стрельбы въ цѣль.

Хотя военные школы не пользуются особенною благосклонностью феодальной аристократии, тѣмъ не менѣе ихъ нерѣдко посѣщаютъ сыновья принцевъ крови и знатныхъ сановниковъ имперіи, сдѣланное сословіе относится къ эпохѣ возникновенія власти тайкуна. Гіэяэй, желавшій какъ можно поставить старинному дворянству, подвластному микадо, другую привилегированную касту, которая бы находилась въ прямой зависимости отъ свѣтскаго государя, произвелъ въ дворянство и наградилъ, правда, довольно умѣренно, восемьдесятъ тысячъ своихъ партизановъ, потомки которыхъ и получили названіе гаттамотосовъ. Большинство ихъ живетъ въ столицѣ, занимаясь гражданской или военной службой, и въ тѣхъ самыхъ домахъ, которые ихъ предки получили изъ рукъ тайкуна. Но строгій церемоніаль

Это импровизированное дворянство придаёт не много блеску империи. Но строгий перомониятъ двора, подведшій подъ одну мѣрку знатнѣйшія фамиліи и ничтожнѣйшихъ выскочекъ, уравниае умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей съ тѣми, которые возмущались всякой другой дисциплиной, кромѣ дисциплины казармы. Такимъ образомъ, равенство дайміосовъ всѣхъ званий и офицеровъ всѣхъ разрядовъ передъ правительствомъ—достаточно спасаетъ пріинципъ и поддерживаетъ величіе верховной власти тайкуна. Даже представители иностранныхъ державъ, во время своихъ аудіенцій съ государемъ Япоіи, должны поддерживать извѣстный порядокъ, клонящійся къ тому, чтобы выставить его въ самомъ выгодномъ свѣтѣ въ глазахъ феодальныхъ династій, наиболѣе ревнующей къ его власти.

И почему бы не поступать ему таким образом? Разве попытка объединения, предпринятая Гогензандом и его преемниками, не привела к политической и административной организации одного из замечательнейших государств Европы?

Знамя империи восходящего солнца, белый флаг с малиновым шаром, развѣвается отъ 24 до 50 градуса сѣверной широты, надъ всѣмъ этимъ богатымъ поясомъ острововъ, число которыхъ доходитъ до трехъ тысячъ восьми сотъ пятидесяти, лежащихъ въ Тихомъ океанѣ на разстояніи трехъ дней водяного пути отъ азіатскаго материка. Оно блистаетъ одинаково надъ архипелагомъ группъ Ліу-Киу, у самыхъ тропиковъ, и надъ Курильскими островами, близъ границъ Сибири, и разнѣмъ близодиагональнѣе какъ коричневаго земледѣльца Напакіанга въ его сахарныхъ плантаціяхъ, такъ и звѣвшаго дворянина даири и обросшаго волосами Анноса, затеряннаго въ мрачныхъ дѣсахъ Иессо.

Отъ двадцати двухъ до тридцати четырехъ миллионовъ жителей этой островной имперіи повинуются государственному порядку, который провозглашается незаблѣмымъ съ такою же увѣренностью, какъ наши европейскіе трактаты, заключаемые какъ извѣстно, на вѣчныя времена, отличающіе отъ нихъ только тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ остается ненарушимымъ въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ. Можно сказать даже, что онъ и нынѣ существуетъ въ неизмѣнномъ видѣ, потому что тотъ единственный пунктъ, на которомъ государство подчинилось закону прогресса, именно вопросъ о сношеніяхъ Японіи съ иностранными государствами, допущенъ былъ потому только, что съ самаго начала не былъ рѣшенъ окончательно и безусловнымъ образомъ.

В этом отношении, как и в других, политика тайкунов сообразалась с обстоятельствами, не руководясь никакими другими расчетами, кроме ограждения интересов династии.

Въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, японцы руководились никакими другими расчетами, кромѣ огражденія интересовъ династіи.

Когда законы Гогензакэ вошли въ силу, японцы не удовольствовались мѣшью торговлей, которую они вели съ португальскими факториями на берегахъ Кіузію. Они имѣли собственную колонію въ Манчжліи и своихъ мореплавателей и торговцевъ въ портахъ Формозы, Тонкина, Камбоджи, Сиамы и Моллукскихъ островахъ. Нѣкоторые изъ нихъ посѣдили Мексику; матросы доходили даже до Лондона; солдаты жертвовали своею кровью; продаваясь голландцамъ и англичанамъ въ то время, какъ тѣ вели войны съ западною Индіею.

В эту эпоху Сатсумский князь завоевывал верховную власть тайкуна. Японцы извещали острова Боно на юго-запад. Японское правительство за сѣверо-запада Камчатки до группы островов острва Ю-Кю и оставили их владѣтелем подъ Бонина на юго-запад. Японское правительство за сѣверо-запада Камчатки до группы островов острва Ю-Кю и оставили их владѣтелем подъ Бонина на юго-запад. Японское правительство за сѣверо-запада Камчатки до группы островов острва Ю-Кю и оставили их владѣтелем подъ Бонина на юго-запад.

Только в конце XVIII столетия завоевало оно север острова и южную часть Крафта.

Из этих последних фактов видно, что тайкуны вовсе не имели в виду того полного от-

чужденія своей имперіи отъ другихъ державъ, какое имъ обыкновенно приписываютъ. Если они считали необходимымъ воспретить своимъ поданнымъ посѣщеніе иностранныхъ морей, то эта мѣра по всей вѣроятности была вызвана желаніемъ прервать связь, образованную старинными іезуитами между дворами Рима и Лиссабона съ одной стороны, и многими удѣльными князьями, владѣвшими торговыми морскими силами, съ другой. Что касается торговли, которую иностранцы могли вести на туземныхъ рынкахъ, то безъ всякаго сомнѣнія она подверглась строгому официальному надзору, который однако не только не стѣснялъ и не ограничивалъ ее, по которой Гіэйясъ, напротивъ, старался дать болѣе обширные размѣры, предоставивъ въ 1611 г. ост-индской-нидерландской компаніи всѣ права и привилегіи, которыми пользовалась португальская факторія, основанная въ Фирандо. Тогда между этими двумя торговыми обществами возникло соперничество, которое могло только вредить положенію европейцевъ, терпящихъ въ Японіи.

Въ 1616 году Гіэйясъ спокойно умеръ на тронѣ, вѣроломно отнятомъ имъ у наследника Тайкозэмы, на который онъ умѣлъ упрочить въ созданной имъ столицѣ и, путемъ хитрости и благоразумія, утвердить исключительно за своимъ собственнымъ домомъ. Царствованіе его сына и внука придало политическому завитію родоначальника новой династіи характеръ слѣплаго, фанатическаго послушанія; законы Гогензамы, съ этого времени считаемыя священными, начали примѣняться буквально, и христіанство, осужденное ими, сдѣлалось предметомъ самаго страшнаго и неумолимаго гоненія.

Въ 1635 году, португальцы, окруженные со всѣхъ сторонъ преслѣдованіями, принуждены были оставить Фирандо и переселиться на островъ Децима, гдѣ, по высочайшему повелѣнію, губернаторъ Нагасаки задержалъ ихъ какъ пѣшечниковъ и отдалъ подъ строгій надзоръ своимъ офицерамъ.

Въ 1638 году, японскіе христіане, доведенные до крайности, укрылись за стѣнами крѣпости Симабары. Войска тайкуна Іемпда, начавъ осаждать ихъ съ помощью пушекъ голландскаго капитана Рокебаккера и, сдѣлавъ брешь, пошли на приступъ и перекололи всѣхъ, которыхъ нашли въ крѣпости, безъ различія пола и возраста; такъ погибли, въ числѣ тридцати семи тысячъ жертвъ, послѣдніе приверженцы церкви, основанной въ Японіи Св. Францискомъ Ксавье и его послѣдователями. И долго послѣ этого, жители Кіузіу, считали названіе *симабара-санъ* «симабарцы» самымъ позорнымъ и браннымъ словомъ.

Наконецъ, 1639 годъ былъ ознаменованъ изгнаніемъ португальской колоніи изъ Японіи и основаніемъ, вмѣсто ея, голландской факторіи, совершенно на тѣхъ же условіяхъ какъ на островѣ Децима.

Съ этой минуты, всякія торговля и другія сношенія Японіи съ Западомъ окончательно прекращаются, за исключеніемъ сношеній съ голландцами, и такой порядокъ вещей продолжается до 1854 года. Такимъ образомъ, если не принимать во вниманіе незначительныхъ уступокъ, сдѣланныхъ одной корпораціи китайскихъ судохозяевъ, которые получили позволеніе основать маленькую факторію въ Нагасаки, между Японіею и остальнымъ міромъ не существовало никакого сообщенія въ продолженіе двухъ съ половиною столѣтій, такъ что проникнуть туда можно было только съ помощью двухъ куческихъ судовъ, которыя голландская компанія имѣла исключительное право посылать ежегодно въ Дециму.

Тотчасъ по прибытіи въ бухту, они подвергались тщательному осмотру полицейскихъ и таможенныхъ офицеровъ тайкуна; тоже самое повторилось при ихъ отпращиваніи въ Батавію или Голландію, и совсѣмъ не потому, чтобы сѣти-индская компанія была заподозрена въ тайномъ распространѣніи религіи между японцами: тайкунское правительство было вполне увѣрено въ невозможности этого, но въ видахъ политическихъ интересовъ оно неусыпно слѣдило за торговыми сношеніями Децимской колоніи, которыя велись ею съ соседними феодальными владѣльцами, князьями Фисена, Бузена, Тизкузена, Буинго и Сасгуми. Говорятъ, что правительство, не желавшее распространенія европейской цивилизаціи въ своихъ вѣствующихъ провинціяхъ, распорядилось такимъ образомъ, что говить операцій.

Съ перваго взгляда кажется удивительнымъ, почему японское правительство не разорвало разомъ своихъ сношеній съ Голландіей, вмѣсто того чтобы мало по малу отнимать у нея данныя ей привилегіи, или почему сама Голландія не отказалась добровольно отъ правъ, начинавшихъ тяготить ее.

По всей вѣроятности, тайкуны безъ зазрѣннаго совѣти разорвали бы послѣднія внѣшнія сношенія съ иностранцами, еслибы они не придавали чрезвычайнаго значенія важнѣйшимъ событіямъ,

совершившимся въ западномъ мірѣ. Децимская факторія какъ нельзя лучше соотвѣтствовала ихъ видамъ, потому что служила для нихъ единственнымъ источникомъ, который былъ терпимъ въ Японіи, и, кромѣ того, они имѣли средство держать ее въ полнѣйшей зависимости.

Что касается до Голландціи, то ей не было нравственной возможности промѣнять ту важную роль, которую она занимала въ дѣлахъ крайняго Востока, на какіе бы то ни было торговые выгоды. Терпѣніе и осторожность, всегда отличавшіе ее, указали ей планъ дѣйствія и на этотъ разъ; она рѣшилась спокойно выжидать болѣе счастливыхъ дней и не покидать своего поста до тѣхъ поръ, покада могла еще оказывать хотя какое нибудь благотворное вліяніе.

Островъ Дециму можно упрекнуть конечно во многихъ темныхъ сторонахъ, но тѣмъ не менѣе надо отдать ему справедливость, что онъ отличался рѣдкою добродѣтелью, именно упорствомъ въ борьбѣ съ превратностями судьбы. Потому-то ему выпала на долю особая честь въ началѣ настоящаго столѣтія: Оранскій домъ былъ низвергнутъ съ трона, члены нидерландской династіи бѣжали изъ отечества, нидерландцы были включены въ составъ имперіи Наполеона I-го, ихъ колоніями завладѣла Англія. Для нидерландскаго флага оставалось одно убожище, одинъ пунктъ на всемъ земномъ шарѣ, дѣль онъ еще не переставать развѣваться, именно на крайней оконечности нашего полушарія, въ глубинѣ японской бухты, маленькаго клочка земли, имѣющаго форму раскрытаго опахала и называемаго Децимой. Съ этого пункта въ Японію открывается доступъ Европѣ. Голландскіе мореплаватели, также какъ управляющіе децимскою факторіею, оставили намъ драгоцѣнныя описанія своихъ путешествій, совершенныхъ съ цѣлью открытій, и рассказы о своихъ посольствахъ при дворѣ микадо или сіюгуновъ. Спенсъ де-Ври, фонъ-деръ-Капелленъ, Линсхотенъ, фанъ-Дименъ, дали свои имена проливамъ, которые они изслѣдовали на берегахъ Кіузіу, во внутреннемъ морѣ и въ группѣ Курильскихъ острововъ.

Въ Децимѣ, Кемпферъ, Ту бергъ, Татцингъ, Левиссонъ, Линдженъ, Конингъ, Зибольдъ и, въ недавнее время, Г. Помпъ де-Мердервортъ собрали драгоцѣнныя матеріалы для составленія свѣдѣній объ Японіи. Книга Кемпфера отличается учеными замѣтками, чистосердечіемъ и проницательностію; описанія Зибольда представляютъ собраніе неисчерпаемыхъ богатствъ; это громадное твореніе, трудъ цѣлой долгой жизни, посвященной наукамъ и изслѣдованіямъ. Авторъ три раза посѣщалъ Японію и проводилъ по нѣскольку лѣтъ въ различныхъ частяхъ имперіи, въ особенности въ Децимѣ и въ Нагасаки.

Нѣкоторые изъ трудовъ, которые я только что назвалъ, совершены съ помощью значительныхъ субсидій, выданныхъ нидерландскимъ правительствомъ; такимъ образомъ оно оказало важную услугу наукъ и человечеству и заслужило благодарность отъ всѣхъ народовъ.

Инициатива существующихъ нынѣ отношеній между Японіей и западными имперіями, принадлежитъ Голландціи. За десять лѣтъ до американскаго посольства, 1-го февраля 1844 года, Нидерландскій король Вильгельмъ II принялъ рыцарское намѣреніе, попытаться убѣдить тайкуна открыть доступъ въ Японію безразлично всѣмъ націямъ. На письмо его по этому предмету, правда, былъ данъ отрицательный отвѣтъ, но тѣмъ не менѣе оно не осталось безъ вліянія: съ этого времени между голландскими агентами, жившими въ Японіи, и японскимъ правительствомъ установились дружескія отношенія, которыя способствовали заключенію трактатовъ 1854 и 1858 годовъ.

Королевскій голландскій комисаръ, г. Донкеръ Курціусъ, бывший въ Японіи за годъ до коммодора Перри, имѣлъ самое благотворное вліяніе на туземныя власти. Ему обязаны португальцы отъменной запрещенія посѣщать Японію, которому они подверглись въ 18-мъ столѣтіи. Наконецъ, только благодаря стараніямъ голландскаго правительства и въ особенности его нынѣшнему дипломатическому агенту г. Греву фонъ-Польдбрёку, заключили въ Японіи дружескіе торговые трактаты слѣдующія европейскія государства: Швейцарія въ 1864, Бельгія въ 1866 и Данія въ 1867 году.

Мы не имѣли возможности описать тѣхъ умственныхъ богатствъ, которыми Японія обязана голландцамъ, но они оставили по себѣ два замѣчательные памятника, въ томъ самомъ кварталѣ, который нынѣ посѣтили. Одинъ изъ нихъ — императорская бібліотека, другой — императорская консерваторія искусствъ и ремеселъ. Къ несчастію, доступъ къ нимъ воспрещенъ европейцамъ, и потому не легко узнать, до какой степени японское правительство употребляетъ ихъ въ пользу.

Вотъ на этотъ счетъ нѣсколько свѣдѣній, собранныхъ мною по весьма поверхностнымъ наблюденіямъ. Одно изъ болѣе замѣчательныхъ отдѣленій въ Іедскомъ университетѣ, есть школа для переводчиковъ. Многочисленные студенты, посѣщающіе ее, имѣютъ офицерскій чинъ и носятъ двѣ сабли. Всѣ они обязаны учиться по голландски, такъ какъ этотъ языкъ употребляется при дипломатическихъ сношеніяхъ и въ переговорахъ о дѣлахъ японскаго правительства съ иностранными державами.

Послѣ него, одни изучаютъ англійскій языкъ, другіе русскій, третьи французскій, нѣмецкій, португальскій и датскій, къ этому нужно прибавить итальянскій, который японцы стали изучать съ тѣхъ поръ, какъ Италия тоже заключила, при посредствѣ Франціи, трактатъ съ Японіей. Такимъ образомъ языкъ каждаго изъ европейскихъ народовъ, заключившихъ трактатъ съ Японіей, имѣетъ въ Яeddо особыхъ переводчиковъ, число которыхъ зависитъ отъ степени важности приписываемой японцами известному языку. Они состоятъ въ полной зависимости отъ правительства и занимаютъ особый классъ въ іерархической лѣстницѣ, опредѣляющей для каждаго свойства и важности, поручаемое ему должностн.

Моріяма Эноске, который подавъ поводъ Олѣфанту къ такимъ изыскательнымъ изслѣдованіямъ, былъ пѣконда присяжнымъ переводчикомъ во всѣхъ переговорахъ, относившихся къ заключенію или пересмотру международныхъ трактатовъ. Но когда я познакомился съ нимъ, то было ясно, что онъ съ тѣхъ поръ повысился въ чинѣ. Онъ только что вернулся изъ Парижа, гдѣ находился съ особыми порученіемъ отъ горюжіо при японскомъ посольствѣ, посѣтившемъ Европу въ 1863 году. Я его видѣлъ только въ двухъ торжественныхъ случаяхъ, гдѣ онъ являлся, не столько въ качествѣ переводчика, сколько пофреннаго губернаторовъ, завидывающихъ иностранными дѣлами, при которыхъ онъ состоятъ. Меня убѣдили, что онъ современнымъ сдѣлается ихъ товарищемъ.

Другіе переводчики, достигшіе, подобно ему, вершины іерархической лѣстницы, имѣютъ спеціальной обязанностью дѣлать извлеченія для горюжіо изъ газетъ, которыя дворъ тайкуна получаетъ непосредственно изъ Европѣ, а также переводить новости изъ области наукъ и литературы, сообщаемыхъ ему европейской миссіей посольства. Всѣ эти переводы тщательно хранятся въ императорской бібліотекѣ; изъ нихъ мало по малу извлекаютъ матеріалы для болѣе или менѣе обширныхъ сочиненій на японскомъ языкѣ, предназначенныхъ для офицеровъ или гражданскихъ чиновниковъ и даже для публики вообще. Такимъ способомъ изданія на японскомъ языкѣ отрывки Космоса Гумбольдта, Макробіотика Гуфлянда въ сокращенномъ видѣ, атласъ Стилера въ переводѣ и сочиненіе капитана Мори о морскихъ теченіяхъ.

Японскій губернаторъ спросилъ однажды у г. Брандта, состоящаго при посольствѣ у графа Эйленбургскаго, не сынъ ли онъ того знаменитаго генерала Брандта, который сочинилъ превосходное руководство тактики. Получивши утвердительный отвѣтъ, губернаторъ прислалъ ему на другой же день японскій переводъ этого руководства, уже изданнаго въ свѣтъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Во время междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ печатались въ неопредѣленные сроки описанія послѣднихъ событій, при чемъ обыкновенно прилагались гравюры на деревѣ, исполненныя по иллюстраціямъ американскихъ газетъ.

Кромѣ компиляцій и переводовъ на своемъ родномъ языкѣ, японцы нерѣдко пользуются еще сочиненіями, изданными на голландскомъ языкѣ. Эти послѣдніе болѣею частью состоятъ изъ руководствъ, по которымъ офицеры изучаютъ теорію военнаго искусства.

Капитанъ корабля Лекоріо дю-Киліо, командовавшій «Семирамидою», овладѣлъ однимъ укрьпленіемъ Погатакаго князя, находившимся при входѣ въ проливъ Симонозеки, и нашелъ въ этомъ укрьпленіи раскрытую голландскую книгу, оставленную возлѣ одной пушки: это было руководство къ изученію стрѣльбы изъ пушекъ, въ которомъ начальникъ баттарен очевидно справился, чтобы направить свой огонь на непріятельскія суда, находившіяся въ проливѣ.

При консерваторіи искусствъ и ремеселъ состоитъ инженерное училище; болѣею частью профессоровъ этого училища—бывшіе ученики голландскихъ морскихъ офицеровъ, изъ которыхъ Нидерландскій король, по просьбѣ тайкуна, послалъ въ Японію въ разное время двѣ партіи. Вторая изъ этихъ партій находилась подъ начальствомъ капитана фрегата Каттендика, который по возвращеніи въ Гагу, былъ сдѣланъ морскимъ министромъ. Подъ его надзоромъ инженеръ Гардестъ построилъ въ Аккапури, близъ Нагасаки, мастерскую для устройства машинъ, первое заведеніе этого рода въ Японіи. Морское училище было основано въ малыхъ размѣрахъ въ тоже время (въ 1857 году) въ Нагасаки, въ которомъ морскіе офицеры изучивались управлять безъ посторонней помощи ходомъ военныхъ судовъ, приводимыхъ въ движеніе силой пара.

Желая отдать справедливость древнимъ основателямъ тайкупальной власти, необходимо указать на ту степень независимости, до которой оно доустило своихъ питомцевъ. При вѣснствѣи—на престолѣ Стотсбаши, Японія повидимому призвана была идти исполненными шагами по пути прогресса и осуществить, при помощи Франціи, предпріятія, выгоды котораго были неосчислимы, — создать флотъ, соотвѣтственный достоинству и богатству имперіи. Французскіе инженеры руководили по-

стройкой арсенала и верфей въ военной гавани Ююоска, въ нѣсколькихъ миляхъ къ югу отъ Ююо-гамы. Содержаніе военнаго флота должно было вызвать появленіе купеческаго флота. Будущность японской цивилизаціи казалась обезпеченною, какъ вдругъ революціи феодальной партіи низвергла все политическое зданіе Гогензамы.

Вслѣдствіе этого легко можетъ статься, что тайкунаѣ, пружина, на которую рассчитывали для производства социальнаго преобразованія Японіи, исчезнетъ съ исторической сцены; весьма возможно также, что дѣло ея будетъ возобновлено новой властью въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, обнимающихъ не одніи владѣнія князя Кванто, но и всѣ значительнѣйшія морскія крѣпости, принадлежащія теперь великимъ даймюсамъ.

ГЛАВА XXVII.

ПОЛИТИЧЕСКІЙ РЕЖИМЪ ТАЙКУНОВЪ.

Зародышъ упадка тайкунской власти. — Шпіонство и тайная полиція. — Смертная казнь. — Тѣлесное наказаніе. — Тюремное заключеніе. — Среднее сословіе.

Тайкунаѣ посиль въ самомъ зародышѣ своемъ причину упадка. Законъ престолонаслѣдія, изобрѣтенный Гогензамою и усовершенствованный его сыномъ и правнукомъ, конечно, долженъ былъ удержать власть въ семействѣ Токунавы; по предоставленіемъ одинаковаго права сопскачества тремъ отраслямъ Гозанке, въ тѣхъ случаяхъ, когда прекращался прямой порядокъ престолонаслѣдія, онъ давалъ поводъ къ опасному соперничеству между ними, къ открытой кандидатурѣ, успѣхъ которой зависѣлъ отъ совѣта даймюсовъ.

Вслѣдствіе этого братья возставали противъ братьевъ, искали милости и вымаливали голоса феодальныхъ династовъ. А когда выборъ совѣта останавливался на комъ нибудь окончательно, то обманутые претенденты давали полную волю своему недовольству или составляли въ тихомолку заговоры съ цѣлю погубить счастливаго соперника. Точно такіе же интриги велись и между Гозанкію, когда для нихъ представлялся какой нибудь шансъ восторжествовать надъ Гозанке.

Словомъ, тайкунаѣ, то есть древняя должность сіюгуна, превращенная въ династическое учрежденіе, кончила тѣмъ, что представляла всѣ неудобства вмѣстѣ и деспотическаго правленія, и избирательной монархіи: отсутствіе безопасности, внутреннюю зависть, фамиліную ненависть, дворцовые заговоры, политическое убійство.

Окруженный измѣною, парализуемый въ отправленіи своей власти коалиціею вначалѣ подозрительной, впослѣдствіи смѣлой аристократіи, тайкунъ зналъ, что его фамилінымъ интересамъ и даже жизни грозитъ болѣе страшная опасность со стороны честолюбивыхъ интригъ родственниковъ и фаворитовъ.

Подобное положеніе должно было породить безпримѣрный политическій режимъ. Дворъ Іеддо не отступилъ передъ необходимостью возвести шпіонство въ систему, въ такой мѣрѣ, что сдѣлалъ его главнымъ средствомъ управленія. Обязательнымъ дополненіемъ его явилась сабля и изгнаніе. Въ видѣ смягчающаго элемента приняты потомъ самоубійство: добровольное или предписанное официально.

Японское шпіонство допускаетъ прежде всего организацію тайной полиціи, совершенно сходную съ таковыми же въ государствахъ, стоящихъ во главѣ европейской цивилизаціи; но какъ вънецъ зданія, оно прибавляетъ еще сюда цѣлую іерархію общественныхъ чиновниковъ, обозначенныхъ общимъ наименованіемъ генераловъ по части *ометске* или инспекторовъ. Начиная съ полицейскихъ сержантовъ до государственныхъ министровъ, нѣтъ ни одного служащаго, ни одного савонника тайкунальской администраціи, который бы не былъ контролированъ въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей особо приставленнымъ за нимъ инспекторомъ.

Я присутствовал во время переговоров, гдѣ японскій министръ любезно представилъ своего ометеске, и совѣтовался съ нимъ, какъ отвѣчать иностранному собесѣднику. Писарь министра и писарь ометеске записывали, каждый съ своей стороны, все, что ни говорилось. Всякое дѣло становится предметомъ двухъ параллельныхъ рапортовъ; высшій чиновникъ, къ которому они адресуются, долженъ, въ свою очередь, подвергать собственное мнѣніе контролю своего надзирателя, и такой порядокъ соблюдается до тѣхъ поръ, пока дѣло не достигнетъ высшей власти, и та уже, отбросивъ все излишнее, произноситъ окончательный приговоръ.

Что касается до самоубійства (и буду говорить только о самоубійствѣ дворянскаго сословія), то оно состоитъ, какъ показываетъ и самое названіе его, — *гара-кири*, въ распыриваніи живота. Говорить, оно замѣняетъ иногда дуэль. Я сомнѣваюсь въ точности подобныхъ разсказовъ. Японцы, правда, не знаютъ дуэли; но они пополняютъ этотъ пробѣлъ въ своей общественной организаціи убійствомъ. Только въ нѣкоторыхъ щекотливыхъ случаяхъ честь удовлетворяется не иначе, какъ посредствомъ гара-кири, когда добровольное самопожертвованіе можетъ потушить мсть оскорбленной фамиліи.

Примѣръ пояснитъ это.

Губернаторъ Канагавы, Гори-Орибе-но-Ками поддерживается съ голландцемъ, г. Гейсенкомъ, секретаремъ-переводникомъ американскаго посольства, официальную корреспонденцію, которая кажется ему оскорбительною для его достоинства. Онъ приноситъ жалобу своему начальнику Андо-но-Ками-министру иностранныхъ дѣлъ, и проситъ его похлопотать объ изгнаніи г. Гейсена изъ Японіи.

Получивъ отъ министра отказъ, онъ совѣтуется съ членами своего семейства и друзьями. Всѣ согласны, что его рожденіе и санъ не позволяютъ ему пережить подобнаго безчестія, и гордый губернаторъ, въ ихъ присутствіи, разрѣзываетъ себѣ животъ.

Присутствующие, съ своей стороны, знаютъ, что остается имъ дѣлать. Беззаботный Гейсенкъ, проходя ночью черезъ мостъ Іеддо, падаетъ подъ ударами шайки заговорщиковъ, при одномъ видѣ которыхъ его конной, изъ якуницевъ, обратился въ бѣгство. Что касается министра Андо, онъ выходитъ только днемъ, въ нормонѣхъ, съ провожатыми, всегда на сторожѣ, съ рукою на рукояткѣ сабли, висящею у него правой стороны. Поэтому, какъ только показываются заговорщики, онъ выходитъ изъ экипажа, уговариваетъ своихъ людей не робѣть, причемъ самъ показываетъ имъ прѣсмы храбрости. Нападающіе разсѣваются, оставляя на мѣстѣ схватки своихъ раненыхъ и убитыхъ. Съ этой минуты вражда оканчивается, общественное мнѣніе удовлетворено, и семейству Орибе оставалось только не подавать о себѣ ни слуху, ни духу, что оно и не замедлило сдѣлать.

Самоубійство, предписанное закономъ, замѣняетъ приговоръ къ смертной казни, которой можетъ подвергнуться японскій дворянинъ, или по суду своихъ же собратіи, если онъ нанесъ безчестіе ихъ кастѣ, или по приказанію тайкуна, когда дѣло касается преступленія противъ верховной власти. Процедура, судъ, исполненіе приговора обставлены большою торжественностью. Въ такихъ случаяхъ въ какомъ-нибудь уголку патадери, воздвигаютъ на четырехъ столбахъ просторный досчатый навѣсъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ бамбуковою перегородкою; послѣдняя обита изнутри бѣлою шелковою матеріею. Вооруженная стража охраняетъ всѣ доступы къ оградѣ. Изъ одной двери, устроенной на концѣ ея, выходитъ обвиненный, въ сопровожденіи двухъ друзей или свидѣтелей, по собственному выбору, и судебныхъ защитниковъ; изъ другой, — на противоположномъ концѣ, выходятъ обвинители и судьи. Обвиненный, одѣтый въ бѣлое, какъ и его свидѣтели, садится посреди нихъ на бѣлый коверъ съ красной каймой, противъ своихъ обвинителей, которые садятся на складные стулья. Съ правой и съ лѣвой стороны располагаются судьи. Защитники стоятъ въ почтительномъ разстояніи. Тѣ и другіе въ парадныхъ одеждахъ. Только одно лицо, позади обвиненнаго, сохраняетъ военный мундиръ и большую саблю за поясомъ. Онъ обязанъ отсѣчь голову преступнику, если тотъ, по произнесеніи приговора, замедлитъ покинуть съ собою.

Орудіе казни, до роковой минуты, спрятано за ширмою; оно состоитъ изъ длиннаго ножа съ отточеннымъ остриемъ и тяжелой рукояткой. Каждый самурай съ дѣтства знаетъ, гдѣ находится мѣсто, куда нужно вонзить остріе, чтобы получить смертельный ударъ и вслѣдъ затѣмъ почти немедленно испустить духъ. Около подноса, на которомъ лежитъ ножъ, поставлена также на подносѣ чаша саки, ведро съ водою и большой пустой боченокъ; послѣдній подкачиваютъ подъ преступника въ ту минуту, когда, пораженный, онъ падаетъ лицомъ на землю.

Когда всѣ обстоятельства вины подробно разслѣдованы, судьи удаляются за ширму, чтобы произнести приговоръ, и какъ только они снова появляются на знафотѣ, обвиненный попергается ничѣ для выслушанія своего приговора.

Утверждают, будто приговоренный самурай чрезвычайно рѣдко выказываетъ страхъ при исполненіи *сара-кири*.

Иногда смертная казнь замѣняется изнатиємъ. Осужденнаго везутъ тогда на одинъ изъ сѣмь-нашихъ острововъ: Садо, Оки, Ису, Фатзисіо. Главнымъ изъ нихъ считается Фатзисіо, какъ наиболѣе удаленный изъ острововъ, принадлежащихъ японцамъ на югѣ, почти подъ однимъ меридіаномъ съ Іеддо.

Намъ неизвѣстны политическія тайны Іеддо, этой Венеціи отдаленнаго Востока, но въ Іеддо всякій хорошо знаетъ, что въ тюрьмахъ замка есть свои застѣжки, мрачныя подземелья и зловѣщіе уголки для тайныхъ казней.

Вся система преслѣдованія обыкновенныхъ преступленій отличается крайнею жестокостію. Полиційскій сыщикъ налетаетъ на обвиняемаго какъ коршунъ на свою добычу.

Удары бамбуковой трости составляютъ необходимую принадлежность всякаго допроса. Передъ глазами подсудимаго разворачивается обвинительный актъ, и чуть только обвиненный начинаетъ отвѣчать не такъ, какъ угодно слѣдственному судѣ, на него градомъ сыплются палочные удары. Горе ему, если его заподозрять въ томъ, что онъ даетъ ложное показаніе, или систематически запрается. Его становятъ коѣлками на полѣнья, положенныя острыми сучьями вверхъ, и въ этомъ положеніи кладутъ ему тяжелыя каменные плиты на коѣлки, до тѣхъ поръ пока кровь не ороситъ подъ нимъ полѣнья, и мучительная боль не вырветъ признанія, истиннаго или ложнаго.

Въ глазахъ японскаго судьи, каждый обвиняемый — виновный. Суду нужны жертвы; поставщиками такихъ жертвъ служатъ полиційскіе агенты. Въ тюрьмахъ арестанты рассажены по двадцати и тридцати человѣкъ въ одной камерѣ; на всѣхъ надѣты одинаковыя, синіе балахоны изъ грубой ткани, и ничего болѣе. Такъ какъ имъ не позволено ни бриться, ни чесать головы, то черезъ нѣсколько дней видъ ихъ становится въ высшей степени нечистоплотенъ и они невольно возбуждаютъ отвращеніе и непріязнь. Снять око скорчившихся на голыхъ плитахъ тюремнаго пола; впрочемъ тѣ, которые побогаче, могутъ достать себѣ у тюремнаго сторожа нѣсколько циновокъ, иногда даже натуное одѣяло. Пища ихъ исключительно состоитъ изъ риса. Строжайшее молчаніе, которое на нихъ налагается, нарушается только въ томъ случаѣ, когда одному изъ заключенныхъ приносятъ смертный приговоръ и жандармы являющіеся взять его отъ товарищей; тогда этимъ послѣднимъ разрѣшается всѣмъ вмѣстѣ, и изъ всѣхъ силъ, испустить одинъ страшный вопль отчаянія, послѣ котораго все снова впадаетъ въ гробовое молчаніе.

Уголовныя законы Гогензэмъ признаютъ только смертную казнь или тюремное заключеніе, сопровождаемое изнатианіемъ. Изнатию подвергаются знатныя лица въ имперіи и бонзы извѣстнаго разряда. Правительство переселяетъ ихъ на одинъ изъ острововъ Садо, Оки, Ису и Фатзисіо. Тамъ, говорятъ, они занимаются тканьемъ шелку.

Что касается тюремнаго заключенія преступниковъ, то оно никогда не бываетъ продолжительно за исключеніемъ послѣдняго случая. Въ этомъ случаѣ судъ можетъ продолжить заключеніе на нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ, какъ я видѣлъ тому примѣръ въ Йогогамѣ, когда *коксисъ* европейскаго резидента былъ приговоренъ за воровство къ трехмѣсячному заключенію въ Тобе, мѣстѣ жительства губернатора Канагавы. Онъ былъ посаженъ вмѣстѣ съ другими мошенниками въ высокой камерѣ съ четырьмя стѣнами, выбѣленными извѣстію и обнесенными толстою дубовою рѣшеткою. Каждый изъ нихъ получалъ порцію риса и одинъ темпо (монета въ 13 сантимовъ), которую онъ мѣнялъ у своего тюремнаго сторожа на плоды или овощи. Но вообще тюремное заключеніе обыкновенно сопровождается тѣлесными наказаніями, какъ напр. плетями и наложніемъ клеймъ. Клейму подвергается всякій, кто учинитъ воровство, непревышающее сорока щепу или ста франковъ. Здѣсь клеймятъ не каленымъ желѣзомъ, а особаго рода ланцетомъ, которымъ дѣлаютъ знакъ неизнаѣмъ известной формы и затираютъ ее порошкомъ для татуированія, смежныхъ между собою. Въ первомъ отдѣленіи, осужденный ставится на коѣлки возлѣ перегородки съ узкимъ отверстіемъ, черезъ которое онъ просовываетъ руку во второе отдѣленіе, гдѣ хирургъ исполняетъ съ особеннымъ стараніемъ, необходимымъ при этой работѣ, знакъ, предписываемой ему закономъ. Такимъ образомъ, попадаясь нѣсколько разъ, ловкій мошенникъ, умѣющій ограничивать свое воровство цифрою ниже ста франковъ, можетъ быть заклейменъ двадцать четыре раза, съ тѣмъ только успѣхомъ наказанія, что послѣднія клейма кладутся на лобъ и послѣ третьяго клейма сопровождается плетями. Впрочемъ это послѣднее наказаніе ограничивается крайнимъ предѣломъ силъ преступника: при немъ присут-

стаетъ обыкновенно тюремный докторъ, который щупаетъ пульсъ несчастнаго и даетъ знакъ палачу для прекращенія пытки. Каждый, кто попадется въ руки судей послѣ наложенія клеймъ въ двадцать четвертый разъ или послѣ совершенія покражи, превышающей сорокъ исебу, подвергается смертной казни. Обыкновенно ожидаютъ, чтобы накопилось три или четыре казни заразъ, и тогда исполняютъ ихъ на тюремномъ дворѣ, безъ другихъ свидѣтелей, кромѣ главныхъ исполнителей и ихъ помощниковъ. Осужденнаго приводятъ въ ихъ присутствіе съ завязанными глазами и откинутымъ за спину балахономъ. Несчастнаго заставляютъ стать на колѣни, надъ нимъ наклоняются четыре помощника палача, держа его за руки и за ноги, и голова его падаетъ подъ вѣрнымъ ударомъ меча, направленнаго мастерскою рукой исполнителя. Затѣмъ голову омывають въ кадкѣ съ водой и вмѣстѣ съ другими выставляютъ въослѣдствіи на одной изъ рыночныхъ площадей города на двадцать четыре часа; съ трупа снимаютъ одежду, моютъ его, и завязываютъ его въ соломенный мѣшокъ, послѣ чего призываютъ другаго осужденнаго и повторяютъ съ нимъ ту же исторію, до тѣхъ поръ, пока палачу не останется больше работы. Тогда трупы предоставляются въ руки дворянъ, заранѣе на нихъ подписавшихся, съ благою цѣлью усовершенствоваться въ искусствѣ владѣть саблемъ.

Казнь совершается публично на площадяхъ только надъ самыми тяжкими преступниками, каковы напримѣръ, поджигатели и убійцы. Первые подлежатъ сжиганію на кострѣ, и когда ихъ привязываютъ къ позорному столбу, то обыкновенно намазываютъ веревки глиной. Японцы не знаютъ еще употребленія дѣней, а ихъ соломенные веревки, какъ бы ни были хорошо свиты, все таки не могутъ долго устоять противъ дѣйствія огня. Мнѣ рассказывали объ этомъ два прежніе резидента Іютогами, бывшіе очевидцами казни одного поджигателя, покаявшагося сжечь весь франкскій кварталъ, и захваченнаго на мѣстѣ преступленія, при второмъ или третьемъ своемъ покусеніи. Я самъ бы могъ присутствовать при распіиіи на крестѣ двухъ отцеубійцъ. Однажды утромъ То принесъ мнѣ иллюстрированный листокъ съ описаніемъ ихъ преступленія и смертной казни, имѣющей быть въ непродолжительномъ времени. Онъ купилъ его уразножика, оравшаго во все горло содержаніе листа, разхаживая по улицамъ города точно такъ же, какъ это дѣлается у самыхъ цивилизованныхъ народовъ.

Обыкновенное убійство наказывается обезглавленіемъ. Здѣсь, какъ и въ Европѣ въ прежнее время, преступника сажаютъ верхомъ на лошадь, привязываютъ его къ высокому деревянному сѣдлу и надѣваютъ ему на шею четки; въ главѣ кортежа, судебныя пристава обращаютъ вниманіе народа на большія таблицы, которыя несутъ ихъ кули. На этихъ таблицахъ описываются, въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, печальная драма, послѣдній актъ которой долженъ разыграться въ эту минуту...

Во всѣхъ государствахъ съ деспотическимъ управленіемъ, иго власти преимущественно тяготеетъ надъ городскимъ сословіемъ.

Въ Японіи средній классъ развитъ и существуетъ только въ пяти слѣдующихъ городахъ: въ Кіото, Іедо, Осакѣ, Сакаи и Нагасаки. Къ нимъ можно причислить новые порты Іютогами, Гіого и Хакодате.

Этотъ классъ японскаго общества, возникшій въ очень недавнее время, составляетъ главную основу могущества тайкуна, его торговаго богатства и цвѣтущаго состоянія всей имперіи. Онъ носитъ въ себѣ зачатки того великаго будущаго, которое предстоитъ современемъ Японіи. Тѣмъ не менѣе, люди, принадлежащіе городскому сословию, не пользуются никакими гражданскими правами, и самый послѣдній изъ гаттамотосовъ считалъ бы для себя за оскорбленіе породниться съ лучшимъ купеческимъ или мѣщанскимъ семействомъ.

Поземельная аристократія и чиновничья каста ставятъ ремесленника, мелкаго торговца, даже крупнаго негодіанта, ниже земледѣльца, на послѣднюю ступень социальной лѣстницы, на крайній предѣлъ общества, за которымъ слѣдуютъ *иетасы*, люди занимающіеся низкими промыслами: масняки, коженики и ницце.

Когда даймъосъ съ своею свитою или какой нибудь чиновникъ тайкуна ѣдетъ церемоніально по улицамъ, то, услыша крики герольдовъ и скороходовъ, горожанинъ первый долженъ садиться на корточки въ сторонѣ, съ открытою головою: иначе онъ рискуетъ получить сабельный ударъ или быть раздавленнымъ подъ лошадью. Впрочемъ, справедливость требуетъ прибавить, что аристократія и придворные чаще всего ѣздятъ по улицамъ стараго города инкогнито, не требуя никакихъ почестей, соответствующихъ ихъ высокому сану. Когда же они считаютъ нужнымъ, чтобы имъ оказывали эти почести, то стараются издалека дать знать о своемъ приближеніи, не только чрезъ почетный авангардъ, но и посредствомъ особыхъ знаменъ отличія, которые несутся на длинныхъ пикахъ впередъ кортежа.

Во всѣхъ дѣлахъ, приводящихъ купца (акиндо) въ соприкосновеніе съ самураемъ, первый обязанъ нѣсколько разъ поклониться въ ноги послѣдному. Переступая за порогъ дворянина, онъ долженъ преклонить колѣна и нагнуть голову къ землѣ, оставаясь въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока хозяинъ не велитъ ему встать. Но и тутъ онъ не иначе имѣетъ право разговаривать съ хозяиномъ, какъ весь перегнувшись впередъ и держа руки по швамъ.

Послѣ пожара, опустошившаго цѣлый кварталъ, принадлежавшій замку, дворцовый офицеръ явился къ начальнику верфей, завѣдывавшему европейскими постройками въ Йокогамѣ, и потребовалъ отъ него, для починокъ, японскихъ плотниковъ, работавшихъ подъ его вѣдомствомъ. Начальникъ замѣ-

Ученикъ школы толмачей при іедскомъ университетѣ.

тилъ, что такое внезапное отсутствіе и притомъ безъ разрѣшенія, столькихъ мастеровыхъ, нанятыхъ на опредѣленный срокъ по контрактамъ, могло повредить успешному ходу работъ; но едва онъ успѣлъ произнести эти слова, какъ возбѣшенный офицеръ однимъ ударомъ сабли свалилъ съ ногъ дерзкаго, осмѣливавшагося разсуждать.

Тотъ же самый духъ, гибельный для прогресса, чуждый истинной цивилизаціи, враждебный гуманности, паритъ надъ гордыми дворцами аристократіи и правительства.

Тайкуны никогда не умѣли понять, что единственнымъ прочнымъ основаніемъ ихъ власти и нѣкоторымъ источникомъ благосостоянія ихъ имперіи былъ именно тотъ самый классъ буржуазіи, ко-

торый они опутывали желѣзными сѣтями. Негодовать или раздражаться по этому поводу укорами — бесполезно. Какъ самъ буржуа умѣетъ мастерски проскакивать, время отъ времени, сквозь петли сѣти и забывать, по желанію, гнетущій его officialный мѣръ, такъ и намъ, слѣдуя такому примѣру, надобно отстранять всю темную сторону его обывденной жизни; лучше сидѣть вмѣстѣ съ нимъ за его семейный обѣдъ, послѣдуемъ за нимъ на загородныя прогулки или въ самый разгаръ почтовыхъ увеселеній столицы; словомъ, погрузимся свободно въ интимную жизнь народа, идя за этимъ опытнѣйшимъ проводникомъ и его многочисленными друзьями: учеными и поэтами, медиками и студентами, художниками и комедіантами.

ГЛАВА XXVIII.

МЪЩАНСКАЯ ЧАСТЬ ГОРОДА.

Предупрежденіе. — Хитрость и настойчивость. — Описаніе города. — Архитектура домовъ. — Циркъ. — Санюжная лавка. — Лавки морскихъ продуктовъ. — Рыбныя лавки.

Японское правительство нашло нужнымъ предупредить меня, что наши хожденія по столицѣ были сопряжены для насъ съ личною опасностью. Послѣ подобнаго предостереженія намъ не оставалось терять ни минуты, такъ какъ очевидно, что для насъ готовились умышленные препятствія.

Взглянувъ на планъ Іеддо, я увидѣлъ что изъ тридцати кварталовъ, мы обошли едва только третью часть города, и потому необходимо было немедленно выбрать въ неосмотренной его части новое и, можетъ быть, послѣднее поле для наблюденій.

Я избралъ мѣстность, которая, какъ мнѣ кажется, представляла наиболѣе интереса, именно мѣстность вокругъ самаго большаго моста въ Іеддо, *О-Баси*. Мы довольно скоро могли попасть на набережныя, на лошадахъ черезъ Токадо, или на нашей шлюпкѣ во время прилива. Отъ этого моста, какъ отъ центра, можно было перебраться по волѣ и на право, и на лѣво. На правомъ берегу *О-Гавы* намъ предстояло посѣтить населенные кварталы торговаго города, а на лѣвомъ — *Хондожо*, городъ промышленности.

Я уже составилъ планъ нашей экспедиціи, когда одно странное приключеніе не только поощрило меня далѣе преслѣдовать наши проэкты, но и показало мнѣ, что я былъ далекъ отъ пониманія важности ихъ значенія.

Къ г. Метману прѣехали въ гости двое его знакомыхъ, состоявшихъ при прусской миссіи, имѣющихъ свою резиденцію въ Токогамѣ. Такъ какъ они хотѣли воспользоваться удобнымъ случаемъ пріобрѣсти, во время своего пребыванія, придворный альманахъ микадо и officialный календарь тайнуна, то г. Метманъ повелъ ихъ послѣ завтрака въ книжный магазинъ стараго города. Я попросилъ его встать вѣтъ и для меня то, что онъ найдетъ болѣе интереснаго въ литературныхъ и художественныхъ произведеніяхъ японцевъ.

Когда эти господа, въ сопровожденіи якуининовъ, расположились въ книжной лавкѣ, книгопродавецъ поспѣшилъ предложить имъ кіотскій альманахъ, находившійся на выставкѣ и сказавъ, что у него въ магазинѣ есть также Іедскій календарь, онъ отожднужъ задвижку и вышелъ въ сосѣдную комнату. Одинъ изъ якуининовъ послѣдовалъ за нимъ, но вскорѣ оба они вернулись, и книгопродавецъ пробормоталъ, что у него нѣтъ болѣе продажныхъ календарей. — «Ну такъ пошлите за нимъ кому нибудь другому», сказалъ одинъ изъ находившихся при посольствѣ, а мы вѣсь подождемъ продолжительное отсутствіе книгопродавца. Виродолженіе этого времени три иностранца закурили сигары и, сказавъ находившемуся при магазинѣ мальчику, чтобы онъ принесъ ящики для сидѣнья,

просили его разложить на цыновкахъ всё иллюстрированныя изданія, которыя находились въ магазинѣ. Они разсматривали ихъ, выбирали, и справлялись о цѣнѣ. Возвратившійся хозяинъ поклонился имъ до земли и съ глубокими вздохами произнесъ: «Календаря не возможно найти по собѣдству, а послать въ замокъ слишкомъ поздно по этому времени». — «Что за вздоръ! пошлите туда своего мальчика, а мы пошлемъ за обѣдомъ, и не выйдемъ изъ вашей лавки, пока не принесутъ календаря».

Вслѣдствіе этого объявленія, произнесеннаго хоромъ, г. Метманъ написалъ записку, которую онъ поручилъ одному изъ конвойныхъ передать компаньону Джооджи.

Между тѣмъ книгопродавецъ отправилъ своего мальчика съ порученіемъ, и за тѣмъ осмотръ иллюстрированныхъ изданій продолжался, при его содѣйствіи, до тѣхъ поръ, пока не явились изъ Джооджи четыре кули съ лакированными ящиками и корзинами, въ которыхъ находились заказанные нами обѣды.

Ихъ разставили на цыновкахъ. Книгопродавецъ и якуниці были приглашены участвовать въ обѣдѣ, но учтиво отказались и стали поодаль. Однако, когда начали хлопотать бутылки шампанскаго, между нами произошло неожиданное сближеніе, пlyingся бокалы переходили изъ рукъ въ руки и обходили кругомъ всей компаніи, находящейся въ магазинѣ и даже за его порогомъ.

— Какими произведеніями вашей бібліотеки вы насъ угостите вмѣсто десерта?... вскричалъ г. Метманъ, приступая къ книгопродавцу.

— Вы видѣли рѣшительно все, что у меня есть въ магазинѣ, отвѣчалъ хозяинъ, — я могу вамъ показать только рисунки на отдѣльныхъ листахъ, работы двухъ Еддскихъ живописцевъ, недавно скончавшихся. Это единственное наслѣдіе, оставленное ими своимъ семьямъ, которыя уступили его мнѣ какъ безцѣнную вещь за небольшой мѣшокъ риса. Вотъ еще старія тетради, на которыхъ они пробоvalи свои кисти. Если эта бездѣлица можетъ вамъ доставить удовольствіе, возьмите ихъ съ собою вмѣстѣ съ купленными книгами.

Г. Метманъ велѣлъ позвать куліевъ и распорядился, чтобы они убрали въ свои корзины и ящики посуду, купленные книги, рисунки и старія тетради, а бутылки и остатки обѣда оставили бы на произволъ якунинецъ и другихъ живущихъ въ домѣ. Потомъ обратился къ книгопродавцу съ вопросомъ: — «Какъ вы думаете, не послать ли намъ за своими матрасами и одеялами, чтобы провести у васъ также и ночь. Въ такомъ случаѣ пора сдѣлать на этотъ счетъ нужныя распоряженія».

Вопросъ этотъ возбудилъ общій смѣхъ, началось перешоптываніе и переглядываніе другъ съ другомъ, изъ лавки начали выходить на улицу, гдѣ уже собралась полукругомъ толпа любопытныхъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ якунинецъ, стараясь понять, что за странная драма происходила въ обыкновенно спокойномъ домикѣ книгопродавца. Наконецъ появился самъ хозяинъ въ сопровожденіи своего посланнаго, державшаго въ рукахъ книги, какъ бы желая засвидѣтельствовать, что порученіе, данное во дворецъ, исполнено. Онъ отвѣсилъ новый поклонъ своимъ гостямъ и почтительно вручилъ имъ, въ присутствіи якунинецъ, два подлинныхъ экземпляра официального календаря Еддо.

Я провелъ цѣлую ночь въ разсматриваніи драгоценной присылки г. Метмана. Она состояла изъ тридцати иллюстрированныхъ изданій и множества отдѣльных листовъ или сшитыхъ тетрадей. Тутъ были и старинныя энциклопедіи съ листами, какъ будто вышедшими изъ пѣмцкой среднеѣвковой лабораторіи, и альбомы съ эскизами китайской тушью, воспроизведенными на деревѣ съ поразительною отчетливостію, и сцены изъ народнаго быта, украшенныя картинами въ два цвѣта, по способамъ намъ неизвѣстнымъ. Многочисленные рисунки на шелкѣ и деревѣ представляли мосты, рынки, театры, вообще всё сборныя мѣста и всевозможные типы рабочихъ классовъ и мѣщанскаго общества Еддо. Но ничто не могло сравниться съ посмертнымъ произведеніемъ двухъ неизвѣстныхъ артистовъ, потому что они давали понятіе о господствующемъ вкусѣ въ народѣ къ извѣстнымъ сюжетамъ, и давали возможность познакомиться съ современной школой японской живописи. Какое сокровище для изучения Еддскаго народа заключалось въ этихъ эскизахъ, заимствованныхъ изъ сценъ, происходившихъ на улицахъ и публичныхъ садахъ. Какой богатый матеріалъ для изслѣдованій въ этихъ запыленныхъ и запачканныхъ связкахъ, изъ которыхъ я вытащилъ сто два законченныхъ произведенія и сто тридцать набросанныхъ эскизовъ, исключительно посвященныхъ изображеніямъ того класса общества, которое живетъ вдали отъ дворца, отъ аристократическихъ кварталовъ и бонзерій. Такая находка могла служить мнѣ лучше всякаго проводника и вѣрнѣе всякаго переводчика во время моихъ путешествій по лабиринтамъ улицъ, набережныхъ и каналовъ, которые окружаютъ съ обѣихъ сторонъ О-Гавы наиболее скученное и промышленное народонаселеніе.

Собственно такъ называемый городъ тянется на востокъ отъ дворца, начиная отъ моста Сенъ-Басси, соединяющаго его съ кварталомъ Атакостовъ, до О-Басси, на югъ отъ Ходжо до границы съ верхнихъ кварталовъ.